К-107
1862 №7-8
16183

K
104

157 9
19-20

1984

16183

К
107

ОСНОВА

1862
1142

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

326720

ВѢСТНИКЪ

28584

»Добра хочю братьи и Русьскѣй Земли.«
Владиміръ Мономахъ.

791/7

1862

ПЕЧАТЬ БИБЛІОТЕКИ ИМПЕР. ХАРЬК. УНИВЕРСИТЕТА.

ЛИПЕЦЬ

(ІЮЛЬ) 7-8

ПРОВЕРЕНО ЦНБ 1945

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША И ТИБЛЕНА И К°.

59

а

Одобрено цензурою. С. Петербургъ. 1 сентября. 1862 года.

МЫСЛИ ЮЖНОРУССА.

IV.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НЕПРАВДА И ЗАПАДНО-РОССІЙСКІЙ ПАТРІОТИЗМЪ.

Мы не будемъ увлекаться какими-нибудь предзанятыми теоріями, льстящими нашимъ національнымъ интересамъ: наше оружіе въ матеріялахъ непоколебимой достовѣрности.

(Изъ программы »Вѣстника Западной и Югозападной Россіи.«)

Явился въ Кіевѣ *Вѣстникъ Югозападной и Западной Россіи*... Да не оскорбится почтенный редакторъ (котораго мы истинно уважаемъ), если мы позволимъ себѣ откровенно высказать нѣсколько замѣчаній, съ которыми предоставляемъ ему соглашаться или не соглашаться, открыть противъ нихъ войну или оставить ихъ безъ вниманія.

На оберткѣ журнала г. Говорскаго, поставлена девизомъ »*историческая истина*«... При всей достовѣрности печатаемыхъ матеріаловъ, при возможно-добросовѣстной ихъ обработкѣ въ-отдѣльности, историческая истина невсегда достигается; напротивъ, при такихъ прекрасныхъ достоинствахъ можно дойти до противныхъ результатовъ, именно—до распространенія между читателями ложнаго пониманія исторіи. Если мы изъ огромной массы историческихъ матеріаловъ будемъ выбирать только тѣ, которые относятся къ какой-нибудь одной группѣ явленій прошедшей жизни, притомъ такіе, которые окрашиваютъ эти явленія извѣстными цвѣтами, именно тѣми, какими намъ особенно-пріятно видѣть ихъ окрашенными; если, при этомъ, станемъ уклоняться отъ обнародо-

ванія матеріаловъ, относящихся къ другимъ, менѣе интереснымъ для нашихъ настоящихъ (въ-сущности—противныхъ чистой наукѣ) побужденій, сторонамъ прошедшаго: то—вмѣсто исторической истины—читатели усвоятъ историческую ложь, потому-что, познакомясь съ этими явленіями, не будутъ знать, какое надлежащее мѣсто занимаютъ они на самомъ дѣлѣ въ ряду всѣхъ историческихъ явленій вообще.

Мы не считаемъ себя вправѣ произносить приговора о журналѣ, котораго только первая книжка появилась въ свѣтъ; но если остальныя будутъ издаваться въ томъ же направленіи, то легко статься можетъ, что онъ невольно придетъ къ указанному нами печальному результату. Изъ первой книжки видно, что редакція обращаетъ главное и почти исключительное вниманіе на вопросъ о борьбѣ православія съ католичествомъ и на соединенный съ нимъ тѣсно вопросъ о борьбѣ польской народности съ русскою. Съ этой цѣлію, конечно, редакція перепечатываетъ слишкомъ извѣстное письмо Исаіи Копинскаго къ Вишневецкому, которое три раза уже было въ печати, а теперь является въ четвертый разъ. Это одно уже обличаетъ, что редакція становится на полемическую точку, а такая точка, по нашему мнѣнію, будетъ болѣе вредна, чѣмъ полезна не только для исторической истины, но и для разрѣшенія, въ будущемъ, нашихъ политическихъ и общественныхъ недоразумѣній. Мы встрѣчаемъ въ *Вѣстникѣ* »Отвѣтъ г. Юзефовича г. Падалицѣ.« Г. Падалица жаловался, что Кіевская Коммиссія, издавая старые акты, добываетъ изъ своего сада однѣ кислицы, хотя въ немъ есть и сладкія, хорошія яблока. Г. Юзефовичъ, вспоминая, что онъ распорядился уже о томъ, чтобы въ Коммиссіи былъ редакторъ изъ поляковъ, по выбору дворянъ, замѣчаетъ, что нѣгдѣ взять другихъ плодовъ и что приходится подчивать поляковъ такими, какіе насадили ихъ предки.

По нашему глубокому убѣжденію, при обнародованіи историческихъ матеріаловъ и при разработкѣ и обслѣдованіи представляемыхъ этими матеріалами сторонъ протекшей жизни, не слѣдуетъ обращать вниманія, что́ кому кажется кислымъ или сладкимъ, иначе—что́ способствуетъ или препятствуетъ извѣстнымъ политическимъ или народнымъ тенденціямъ; а слѣдуетъ безотносительно и безпристрастно стараться объ изображеніи прошедшаго

въ возможно-дѣйствительномъ свѣтѣ, искать одной истины. Есть много такихъ матеріаловъ, которые кажутся то кислицами, то сладкими яблоками; но несравненно больше такихъ, которые безвкусны какъ вода—свѣжая, здоровая, отрезвляющая, и эти-то матеріалы болѣе всего важны въ настоящее время. Познакомьте насъ съ городскимъ и сельскимъ устройствомъ, съ многообразными проявленіями общественной и домашней жизни, быта шляхетскаго, духовнаго, городскаго и сельскаго, съ гражданскимъ и военнымъ бытомъ, съ понятіями религіозными, юридическими, нравственными, экономическими; покажите, подъ какими вліяніями эти понятія между собою сходились, расходились, переплетались, перемѣнялись; подведите вашъ любимый вопросъ о православіи подъ условія полной исторической цѣльности, да, кромѣ того, явленія, составляющія эту цѣльность—въ отдѣльности каждое само по себѣ и всѣ въ ихъ совокупности—поставьте въ паралель съ историческимъ теченіемъ жизни другихъ народовъ и другихъ цивилизованныхъ обществъ:—тогда только вы уразумѣете истину, тогда только увидите настоящее мѣсто, которое занимали въ дѣйствительности тѣ явленія, которыя васъ особенно интересуютъ, тогда только вы можете быть справедливы и вполнѣ добросовѣстны въ вашихъ сужденіяхъ и приговорахъ. Иначе—вы не избѣжите пристрастія, вступите въ борьбу съ пристрастіями; а черезъ борьбу однихъ пристрастій не достигается истина.

Несомнѣнно, что православіе терпѣло насилія:—напрасно польскіе патріоты старались и стараются укрыть и смягчить эту горькую истину; но и то несомнѣнно, что причины этому лежатъ не въ духѣ нетерпимости и фанатизма польскаго народа, а въ своеволіи частныхъ лицъ, подстрекаемыхъ избранными фанатиками (1). И это

(1) Для уясненія этого вопроса, весьма важно свидѣтельство извѣстнаго изслѣдователя по исторіи Юго-Западной Руси, *Н. Д. Иванишева*, заключающееся въ статьѣ его »*о постановленіяхъ дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ*« (»*Архивъ Юго-западной Руси*«, *т. II; »Основа« за мартъ 1861 г.*) »Народъ польскій, какъ и всѣ другіе Славянскіе народы, никогда не обнаруживалъ, въ своемъ національномъ характерѣ, религіозной нетерпимости. Разсмотрѣвъ нѣсколько сотъ актовыхъ книгъ Волынскихъ, Кіевскихъ и Брацлавскихъ, также акты Трибунала Люблинскаго и Метрики Коронной, мы не нашли ни одного случая, который бы доказывалъ фанатическую ненависть Польскаго народа къ другимъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ.

всего лучше доказывается тѣмъ, что Польша, платя дань вѣку, всетаки, вправленіи съ тѣмъ, что́ дѣлалось въ тѣ же времена въ Западной Европѣ, была вѣротерпимою и гуманною страною. Было ли въ Рѣчи-Посполитой что́-нибудь подобное варѳоломеевской ночи, испанской инквизиціи, бойнямъ въ Васси́, въ Эпери́, подвигамъ герцога Альбы, преслѣдованіямъ католиковъ въ Англіи и въ Швеціи? Поэтому, какъ несправедливо польскіе патріоты выгораживаютъ свое отечество изъ-подъ общаго уровня господствовавшихъ предразсудковъ, такъже несправедливо будетъ, если русскіе патріоты станутъ подбирать и выставлять напоказъ однѣ черныя стороны этого дѣла, безотносительно къ тому, какъ тотъ же духъ времени проявлялся въ другихъ краяхъ,—и чрезъ то́ Польша покажется страною, будто бы отличавшеюся въ высшей степени нетерпимостью и фанатизмомъ.

Несомнѣнно, что западная и южная Русь была не польскимъ, а русскимъ краемъ. Несомнѣнно, что большая часть дворянскихъ фамилій были православные по вѣрѣ и русскіе по происхожденію. Ихъ ополяченіе — фактъ прискорбный для русскаго

Мы даже видимъ изъ актовъ, что католики, жившіе въ Югозападной Руси, не дѣлая строгаго различія между католическою и православною религіею, приглашали священниковъ крестить дѣтей и принимали отъ нихъ святое причастіе; православные священники совершали надъ католиками обряды вѣнчанія и погребенія (Архивъ Югозападной Руси, ч. I, т. I, стр. XXXVIII). Большинство Польскаго дворянства на сеймахъ подавало голосъ въ пользу вѣротерпимости и охотно соглашалось на всѣ мѣры, которыя предлагаемы были для примиренія враждовавшихъ религіозныхъ партій, что́ особенно замѣтно было во время междуцарствій, когда дворяне получили право дѣйствовать по внушенію собственной своей совѣсти (Krzyżanowsky, Dawna Polska, 1857, LXII.) Но въ государственномъ составѣ древней Польши существовала чуждая народнымъ интересамъ, иноземная власть, старавшаяся наложить оковы на разумъ и совѣсть Польскаго и Западнорусскаго народа; эта власть заключалась въ Римской пропагандѣ. Религіозный фанатизмъ, занесенный въ Польшу Римскою пропагандою, поселялъ раздоръ между единоплеменными народами; онъ, какъ погребальный факелъ, бросалъ свой зловѣщій свѣтъ на всю исторію Рѣчи Посполитой и велъ это государство къ политической смерти. Какъ-только король и сеймъ, для предотвращенія междуусобной религіозной войны, постановили примирительныя статьи (1632 г.) и подтвердили ихъ дипломомъ, даннымъ Русскому народу, тотчасъ раздались протесты высшаго католическаго и уніатскаго духовенства. Примасъ королевства и, вслѣдъ за нимъ, клерикальная партія объ

сердца. Скажемъ болѣе — онъ долженъ быть прискорбенъ и для поляка, коль-скоро полякъ глубже всмотрится въ свою исторію: именно, съ ополяченія Руси началось паденіе и разложеніе Польши. Пока Русь была Русью и держалась съ Польшею свободно, дорожа, разомъ, и своею отдѣльностью и необходимостью неразрывной связи по взаимности духовныхъ и матеріальныхъ требованій, а не по буквѣ, которая всегда становится насиліемъ, коль-скоро получаетъ значеніе неизмѣняемости; пока Польша признавала эту самобытность Руси и свято чтила ее, — до тѣхъ поръ великъ и могучъ былъ этотъ союзъ двухъ славянскихъ народовъ и обѣщалъ онъ многое въ будущемъ не только для нихъ, но и для остального славянскаго міра. Но какъ только русское дворянство стало терять свою вѣру и народность, а поляки обрадовались, думая, что тутъ-то и сильно будетъ ихъ отечество, когда всѣ начнутъ говорить однимъ польскимъ языкомъ и будутъ католиками,—тотъ же часъ неукрѣпившееся еще зданіе союза и стало подгнивать и клониться къ разрушенію. Мы увѣрены, что еслибъ

явили, что всѣ постановленія короля и сейма, въ пользу православной религіи, не могутъ имѣть никакой законной силы, пока не будутъ утверждены столицею апостольскою. Въ слѣдъ за тѣмъ отправлено было, со стороны католическаго и уніатскаго духовенства, посольство къ папѣ Урбану VIII, съ жалобами на распоряженія Польскаго правительства, нарушившаго права Римскаго костела, въ пользу еретиковъ и отступниковъ. Напрасно Владиславъ IV старался убѣдить столицу апостольскую, что возстановленіе религіозныхъ правъ Русскаго народа основано на непреложной справедливости, что неминуемо возникнетъ междуусобная война, и что самая унія подвергнется опасности, если папа не утвердитъ статей, постановленныхъ сеймомъ, для примиренія религіозныхъ раздоровъ. Урбанъ VIII передалъ дѣло на разсмотрѣніе конгрегаціи, учрежденной для распространенія католичества. Конгрегація отвергла всѣ сеймовыя постановленія въ пользу православной религіи и дипломъ, данный Русскому народу, объявивъ ихъ противными божескимъ и человѣческимъ законамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, повелѣно было папскому нунцію Гонорату издать, отъ имени столицы апостольской, манифестъ противъ всякихъ правъ, какія бы ни были предоставлены православной религіи.

(*Ostrowskiego*. Dzieje y prawa kościoła Polskiego. Warszawa 1793. T. III, str. 484. *Lukaszewicza*. Dzieje kościołow wyznania Helweckiego w Litwie. T. I, str. 201).

Такое рѣшеніе столицы апостольской было причиною новыхъ религіозныхъ смутъ и несчастій для западнорусскаго народа.

Русь не переставала быть Русью, — Польша съ Русью продолжали бы возрастать въ силѣ и благоденствіи, и Богъ-знаетъ-какихъ размѣровъ достигали бы онѣ. Польша росла не въ государство, а въ союзъ; чѣмъ разнообразнѣе были элементы въ Польшѣ, тѣмъ Польша была и тверже и могущественнѣе, потому-что разумная свобода и довольство требуютъ разнообразія. Правда, свобода имѣла свои невыгоды и темныя стороны, ибо никакой складъ человѣческихъ обществъ не изъятъ отъ нихъ; но онѣ изглаживались бы отъ дальнѣйшаго развитія свободы, а не отъ противныхъ ей началъ. Рѣчь-Посполитая, напротивъ, задумала сдѣлаться государствомъ, погрѣшила противъ своей природы, искусилась занесенною изъ запада теоріей единства вѣры и народности, — и за то́ была наказана.

Съ этой точки зрѣнія разсматривая судьбу Рѣчи-Посполитой, намъ очень прискорбно вспоминать объ ополяченіи Руси; но при этомъ надобно сознаться, что несправедливо будетъ воображать, будто это случилось только отъ насильственныхъ воздѣйствій польской народности на русскую... Не кроется ли вина скорѣе въ самой русской народности? При польскомъ устройствѣ, при той свободѣ, какая составляла коренной принципъ существованія Польши, развѣ русскіе не могли сохранить своей вѣры и своей народности? Развѣ существовала въ Польшѣ какая-нибудь власть, которая бы мучила, била, сѣкла, запирала въ тюрьмы, жгла, заставляя вѣрить, думать, говорить, писать та́къ ка́къ ей угодно? Нѣтъ. Не смотря на то, что король Сигизмундъ III находился въ рукахъ у іезуитовъ и старался, на-сколько ему давало власти польское устройство, проводить торжество католичества надъ православіемъ, — никто не могъ воспрепятствовать явиться смѣлымъ сочиненіямъ въ защиту православія; никто не могъ воспретить панамъ русской вѣры быть сенаторами, воеводами. Ни козни іезуитовъ, ни интриги чужеродныхъ королей не поколебали бы русской вѣры и народности, еслибъ сами дѣти православной вѣры не измѣнили ей, еслибъ ихъ русскія кости не поросли такъ легко польскимъ мясомъ. Іезуиты заводили школы, куда принимали русскихъ дѣтей и подготовляли ихъ отступничество... А развѣ православные не могли также основывать школы, чтобы готовить крѣпкихъ и доблестныхъ защитниковъ отеческаго наслѣдія? Да развѣ Русь не была и болѣе Польши? Послѣдняя не могла бы сладить съ нею матеріальными

средствами, еслибъ употребила насиліе... Ополяченіе Руси произошло болѣе отъ слабости Руси, чѣмъ отъ насилій и интригъ католичества и полонизма.—Насъ обманули, насъ соблазнили іезуиты,—скажутъ русскіе. А зачѣмъ же вы поддавались имъ?—можно сказать русскимъ. Въ такомъ случаѣ, вините собственную слабость, столько же, какъ іезуитовъ. Да, слабость—вотъ-что́ погубило русское дворянство! Эта-то слабость—потому-что она слабость—была провозвѣстницею дальнѣйшихъ слабостей и паденія. Какіе печальные плоды принесла она! Разъединеніе дворянства отъ народа; то кровавыя народныя возстанія, то крайній упадокъ духа, узкій—личный—эгоизмъ, естественный въ верхнемъ слоѣ, коль скоро послѣдній отрывается отъ массы; вмѣшательство сосѣдней политики и ниспроверженіе зданія, подорваннаго внутреннею гнилью... Въ самомъ дѣлѣ, кому было защищать это зданіе? Наибольшая масса населенія въ немъ — это русскій народъ: какой интересъ могъ побуждать его охранять это зданіе, когда онъ самъ былъ чужой въ немъ? Притомъ, и тѣ, которые изъ русскихъ передѣлались въ поляковъ, носили въ себѣ послѣдствія этой передѣлки. Не имѣя солидарности съ народомъ, они не имѣли ее и между собою; легкость, съ какой они потеряли прежнюю народность, осталась и утвердилась въ ихъ характерѣ. Общество, потерявшее прежній корень, не сразу пуститъ новый; оно не имѣетъ за собою исторической святыни; судьба ихъ предковъ служитъ для нихъ укоромъ и они отвращаются отъ нея, стараются забыть старое, ибо имъ отъ него невольно стыдно; а новое еще не успѣло сдѣлаться историческимъ достояніемъ. На перевертняхъ вообще лежитъ отпечатокъ слабости, вялости, недостатокъ сознанія цѣлей, крѣпости взаимодѣйствія и энергіи труда и воли. Измѣнивши разъ душѣ своей, они долго еще готовы измѣнять ей въ другой и въ третій разъ... Нужны вѣка́, чтобы старое совсѣмъ изгладилось изъ памяти, а новое, въ свою очередь, сдѣлалось стариною. Но Южная и Западная Русь могла дойти до этого только тогда, когда бы весь народъ передѣлался въ Поляковъ, когда бы на землѣ русской не оставалось ничего напоминающаго народу прежнія основы жизни, когда бы Русь для Руси стала тѣмъ, чѣмъ для насъ, христіанъ, теперь славянское язычество. Иначе было бы, еслибы русское дворянство держалось съ народомъ однихъ основъ жизни: народъ не могъ бы упасть до такой степени политической и общественной апатіи.

Свѣтъ просвѣщенія, конечно, входилъ бы въ него, когдабы слово просвѣщеннаго человѣка было для него свое слово; духъ свободы передавался бы ему отъ единовѣрцевъ, говорящихъ съ нимъ однимъ языкомъ; народъ бы сознавалъ, что у него есть отечество и защищалъ бы его; дворянство смотрѣло бы на это отечество подъ однимъ угломъ зрѣнія съ народомъ, и, конечно, союзъ Польши съ Русью не могъ бы такъ легко разрушиться.

Такимъ-образомъ, вина ополяченія Руси, которое было главнымъ началомъ разрушенія Рѣчи-Посполитой, лежитъ въ самомъ русскомъ дворянствѣ; посмотрѣвъ глубже, мы ее найдемъ въ самихъ-себѣ: окажется, что главнымъ образомъ виною ополяченія части русскаго народа собственный народный порокъ. Сознаніе собственныхъ пороковъ въ народѣ всегда бываетъ спасительно: оно укрѣпляетъ народныя силы и народъ дѣлается способнѣе къ энергической дѣятельности самосохраненія и нравственнаго саморазвитія. Можетъ-быть, это сознаніе пришло уже поздно. Но лучше поздо, чѣмъ никогда. Поздно для прежнихъ отжившихъ формъ,— не поздно для дальнѣйшей исторической жизни въ будущемъ.

Признавая фактъ ополяченія и окатоличенія Руси собственною народною виною, мы уже должны будемъ сойти съ точки непріязни и вражды къ польской народности. Между-тѣмъ, извѣстно, какъ часто смотрѣли у насъ на вопросъ односторонне, воображая, что русская народность потерпѣла отъ сильныхъ ударовъ, противъ которыхъ устоять не было у нея средствъ. Да и на самую народность русскую смотрѣли фальшиво: воображали себѣ тождество или прямое наслѣдственное преемничество этой народности, съ такъ-называемою, общерусскою, т. е. народностью высшаго класса въ Россійской имперіи. Но народность, которую теряли ополяченные дворяне, была вовсе не та, которую хотѣли бы нѣкоторые писатели навязать имъ теперь, какъ ихъ прежнее историческое достояніе. Если бы тѣ ее приняли, то отнюдь не возвратили бы народной святыни предковъ, а еще одинъ лишній разъ передѣлались, и послѣ того могли бы еще въ третій разъ передѣлаться, пожалуй, хоть въ Нѣмцевъ. »Вѣстикъ Югозападной и Западной Россіи« ратуетъ не за ту народность, которая была дѣйствительно народностью ихъ предковъ и до сихъ поръ живетъ въ народѣ, а за такъ-называемую общерусскую. Въ разборѣ статьи г. Чернышевскаго: »Національная Безтактность« (гдѣ, при дѣйствительномъ незнаніи многихъ сторонъ галицко-рус-

ской жизни, есть однако вѣрные взгляды, возбудившіе, какъ намъ достовѣрно извѣстно, сочувствіе у западныхъ славянъ, которымъ сильно опротивѣло австрійское покровительство), неизвѣстный критикъ заранѣе изрекаетъ Южнорусской народности и языку приговоръ, называя нелѣпостью стремленіе къ самостоятельному ихъ развитію. Трудно спорить объ этомъ и впрямь и вкось. Успѣхъ и неуспѣхъ зависитъ, во-первыхъ, отъ большей или меньшей степени свободы, какою будетъ пользоваться это стремленіе, и во-вторыхъ, отъ явленія талантливыхъ писателей на этомъ языкѣ. Послѣ Квитки и Артемовскаго-Гулака, этотъ языкъ въ литературномъ движеніи былъ уже не таковъ, какъ въ сочиненіяхъ Котляревскаго, послѣ Шевченка и Кулиша онъ подвинулся далѣе, чѣмъ былъ при Квиткѣ. Что̀ можетъ на немъ явиться—кто въ-силахъ пророчить? Но, во всякомъ случаѣ, авторъ» Національной Безтактности« совершенно правъ, совѣтуя Русинамъ держаться южнорусскаго языка, на которомъ образовалась уже литература. Мы не поставили бы »Львовскому Слову« въ вину, еслибъ оно писалось и на чистомъ великорусскомъ нарѣчіи; но что̀ же дѣлать, если жаргонъ производитъ на наши уши впечатлѣніе, какое оставляетъ ёрзанье грифеля по стеклу. Отвращеніе къ такому языку, очень напоминающему безсмертныя творенія Василія Кирилловича, мы вполнѣ раздѣляемъ съ авторомъ »Національной Безтактности«. *Впрочемъ, съ удовольствіемъ мы замѣчаемъ, что »Слово«, въ послѣднее время, болѣе и болѣе покидаетъ свою тарабарщину и усвоиваетъ живую народную рѣчь.*

Мы излагаемъ наши замѣчанія, вовсе не желая этимъ говорить ополяченнымъ потомкамъ южнорусскихъ дворянъ: будьте снова малоруссами (1); мы хотимъ только сказать, что занимаясь исторіею западной и южной Руси, не слѣдуетъ становиться исключительно на точку вражды православія съ католичествомъ и русской народности съ польскою, и подводить подъ нее всѣ явленія прошедшей

(1) Хотя, разумѣется, мы и желали бы, чтобы живущіе въ Южной Руси поляки уразумѣли, ту очевидную истину, что ихъ родина — вовсе не Польша, а Южная Русь, Малороссія, они же въ ней — потомки ренегатовъ, нѣкогда утратившихъ свою вѣру и народность; съ такимъ значеніемъ они хотя имѣютъ полное право быть гражданами страны, гдѣ живутъ, но не иначе, какъ оказывая уваженіе къ народу и не возбуждая противъ себя вражды покушеніями порабощать или извращать его народность.

жизни; а то можно какъ-разъ дойти до недобросовѣстнаго искаженія фактовъ. Предъ нами два примѣра тому изъ двухъ враждебныхъ лагерей. Г. Падалица, въ »Виленскомъ Вѣстникѣ« хотѣлъ во что́-бы то-ни-стало доказать, что положеніе хлоповъ было какъ нельзя точнѣе гарантировано закономъ. За неимѣніемъ дѣйствительно существовавшихъ законовъ, онъ прибѣгнулъ къ вымышленнымъ и указывалъ въ Volumina Legum небывалое постановленіе, или давалъ тамъ находящимся совсѣмъ не тотъ смыслъ, какой они имѣютъ. Въ »Вѣстникѣ Югозападной и Западной Россіи« мы встрѣтили подобное, въ статьѣ: »Литва въ отношеніи къ Россіи и Польшѣ«. Такъ, автору хочется доказать, что литовскій князь Витольдъ былъ православный. *Весьма многіе* — говоритъ онъ — *первый разъ услышатъ, что литовскій князь-богатырь, составлявшій гордость народа литовскаго, былъ сыномъ православной церкви. Но это подтверждается словами ученаго и достовѣрнѣйшаго польскаго историка, Длугоша.* При этомъ авторъ приводитъ слѣдующее мѣсто изъ Длугоша:

»Witholdus Grodnensis dux magis modesti magisque vegeti et semper sobrii vir ingenii, et propter *Ruthenorum* assistentiam, qui illi propter vitus (читай ritus) sui identitatem magnopere officiebantur.«

Изъ этого мѣста ничего понять нельзя, потому что тутъ нѣтъ глагола, относящагося къ *Витольду*. Авторъ умышленно пропустилъ остальную часть періода, потому-что изъ нея выходитъ противное тому, что́ ему доказать хочется. Длугошъ говоритъ о враждѣ Витольда съ Скиргелломъ, описываетъ послѣдняго человѣкомъ жестокимъ и пьянымъ, далѣе разсказываетъ, что Витовтъ,—опасаясь его, во-первыхъ, потому, что *онъ* имѣлъ при себѣ кружокъ изъ русскихъ, которые склонились къ нему по причинѣ одинаковости обрядовъ, а во-вторыхъ, по братству его съ Ягелломъ, и услышавъ, что Скиргелло замышляетъ умертвить его либо ядомъ, либо кинжаломъ, или какимъ-нибудь другимъ способомъ, — убѣжалъ изъ Литвы, оставивъ гарнизонъ въ Гроднѣ и Брестѣ. Это мѣсто у Длугоша читается вотъ-какъ:

Hunc Withaudus, Grodnensis dux, magis modesti magisque vegeti et semper sobrii vir ingenii et propter Ruthenorum assistentiam, qui *illi* propter ritus suii dentitatem magnopere addicti erant et propter Wladislai Poloniae regis germanitatem,

pertimiscens, et ex plerisque avisamentis proesumens illum in suam omniumque suorum necem ferro, veneno et qualibet occasione inferendam vehementer grassari, vitae suae ac suorum consulturus, cum Anna coniuge sua et omnibus boiaris militibus ac familiis suae ditionis Grodno et Brzeszcie castris quae suo parebant imperio, forti militum praesidio locatis ex Lithuania effugit.

Далѣе объясняется, что онъ убѣжалъ къ мазовецкимъ князьямъ, а когда ими дурно былъ принятъ, то къ ордену крестоносцевъ. То, что авторъ отнесъ къ Витовту, у Длугоша относится къ Скиргеллу, врагу Витовта. Авторъ указываетъ еще на свидѣтельство другого историка, Виганда изъ Марбурга. Прибывъ въ Литву — говоритъ авторъ — Витовтъ крестился въ православіе. Затѣмъ дѣлается ссылка на книгу: Puscizna po Janie Długoszu, to iest Kronika Wiganda z Marburga, Poznań, 1842. Стр. 304 и 305. Развернувъ указанныя страницы въ этой книгѣ, мы нашли тамъ слѣдующее: на стр. 304. Sed antequam huiusmodi dolos perferisset ut ampliorem haberet inter Cristicolas confidentiam, baptizari se fecit in Tappiow, Magisterque Wigandus supra dictus et Schultecissa de Tappiow eum ad fontem baptismatis tenuerunt; на стр. 335 тоже по польски: Lecz nim te zdrady do skutku przywiódł chcąc większe u chrzescian mieć zaufanie, dał się ochrzcić w Tapiow. Wigand, mistrz wyżéj wspomniony, i wojtowa w Tapiow trzymali go do chrztu. Здѣсь говорится о крещеніи Витовта у крестоносцевъ: кто же можетъ тутъ подозрѣвать *православное* крещеніе? Какъ же авторъ рѣшился указывать на источники, гдѣ совершенно противное тому, что хочется доказать, и ссылаться въ надеждѣ, что слова его примутъ безъ разсужденій и повѣрять источниковъ не станутъ? Wet za wet. Т. Падалица и авторъ статьи, помѣщенной въ »Вѣстникѣ«, воюютъ однимъ оружіемъ: они смѣло указываютъ въ цитируемыхъ источникахъ на то, чего тамъ нѣтъ вовсе. Вотъ до чего доводитъ пристрастіе! Неужели же, въ какомъ бы ни было отношеніи, подобныя средства могутъ принести какую-нибудь пользу?

Въ такомъ же духѣ написана статья г. Воронина: »О польскомъ аристократическомъ элементѣ въ югозападной Россіи«. Странно видѣть, что въ 1862 году печатаются и выдаются за истину сказки, выдуманныя въ разныя времена, а въ-особенности украшен-

ныя вымышленными подробностями тѣмъ, кто составилъ »Исторію Русовъ«, приписываемую архіепископу Конисскому. Авторъ съ наивностію, достойною 1826 годовъ, вѣритъ не только въ каменный столпъ Косинскаго, въ мѣднаго вола Наливайка, въ содранную кожу Павлюка, въ варварскія истязанія Остранина (передѣланнаго въ Остряницу), съ тридцатью семью старшинами, съ ихъ женами и дѣтьми въ Варшавѣ. Г. Воронинъ остается въ блаженномъ невѣдѣніи того, что, по свидѣтельству несомнѣнныхъ актовъ, Остранинъ, постыдно убѣжавъ съ поля битвы, поселился въ предѣлахъ московскаго государства въ Чугуевѣ, а тамъ былъ убитъ своими же козаками, не взлюбившими его за что-то на новосельи, и по смерти гетмана, ушедшими назадъ во владѣнія Рѣчи-Посполитой. — Вотъ какія страсти разсказываетъ авторъ о сеймѣ 1597 года: — На этомъ сеймѣ — сообщаетъ онъ — *русскіе депутаты лишены были права участвовать въ народныхъ сеймахъ, а дворянство—права выборовъ и должностей правительственныхъ и судебныхъ; оно названо хлопствомъ, а народъ, отвергавшій унію, схизматическимъ; вельно отъ русскихъ урядниковъ отобрать всѣ раніовыя имѣнія и передать полякамъ; весь русскій народъ объявленъ бунтующимъ и состоящимъ внѣ законовъ.* Неужели авторъ, составляя такую чушь, не зналъ, что существуетъ сводъ сеймовыхъ постановленій, подъ названіемъ: Volumina Legum? Заглянувши туда, онъ могъ бы повѣрить, дѣйствительно ли состоялось въ этотъ годъ такое постановленіе на сеймѣ.

Окончаніе статьи г. Воронина обѣщается *впередъ*. Ну, хороша будетъ историческая истина въ »Вѣстникѣ Югозападной и Западной Россіи«, если онъ будетъ и впередъ наполняться такими жалкими компиляціями. Мы не имѣли цѣлью писать разбора »Вѣстника« (мы рѣшились сказать нѣсколько словъ только по-поводу старыхъ предразсудковъ, которые, къ сожалѣнію, видимъ здѣсь въ полной жизни, когда, напротивъ, думали, что они давно уже отошли къ праотцамъ, при большемъ расширеніи средствъ узнать и уразумѣть прошедшую жизнь южной и западной Руси); поэтому не станемъ распространяться ни о статьѣ г. Кулиша »Паденіе шляхетскаго господства въ Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра«, написанную съ обычнымъ автору талантомъ и съ основательнымъ знаніемъ историческихъ источниковъ, ни о замѣткѣ по университетскому вопросу г. Юзефовича, замѣчательной по вѣрности

взгляда на нѣкоторыя стороны столь-важнаго, въ настоящее время, вопроса. Не можемъ только удержаться, чтобъ не сказать нѣсколько словъ по-поводу одной статистической новости, поразившей насъ и приведшей въ недоумѣніе. На 88 страницѣ IV отдѣла, въ перечнѣ жителей Кіевской губерніи по племенамъ, напечатано слѣдующее:

Поляно-руссовъ (остатокъ племени древнихъ Славянъ, обитавшихъ по Днѣпру, въ окрестностяхъ Кіева, и сохранившихъ древніе обычаи, языкъ и нравы): 1355... Хорошо было бы, еслибъ »Вѣстникъ« сообщилъ намъ болѣе подробныя свѣдѣнія о такомъ интересномъ народѣ! Полезно было бы также и для читателей, и для успѣха *Вѣстника*, чтобы онъ удѣлилъ какую-нибудь долю вниманія современному положенію края, — настоящимъ его потребностямъ — нравственнымъ и вещественнымъ...

V.

О НАРОДНОМЪ ОБРАЗОВАНІИ И О СРЕДСТВАХЪ ДЛЯ ИЗДАНІЯ УЧЕБНИКОБЪ НА УКРАИНСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Прочитавъ въ майской книжкѣ »Основы« »Мысли Южнорусса о преподаваніи на южнорусскомъ языкѣ«, мы обрадовались, но вмѣстѣ-съ-тѣмъ и задумались.... Ужели, въ самомъ дѣлѣ, суждено сбыться опасенію знаменитаго нашего профессора? Ужели мы, Украинцы, справедливо гордясь Шевченкомъ, — этою лучезарною звѣздою нашей родины, славнымъ во всемъ Славянскомъ мірѣ,—не съумѣемъ поддержать его *завѣта*, и ограничимся только тѣмъ, что будемъ стараться »лишь ввернуть въ свою рѣчь два-три малороссійскихъ выраженія« да хвалиться нашимъ незабвеннымъ Тарасомъ?..

Тяжело сердцу отъ такой мысли!...

Народу нашему нужны книги на родномъ языкѣ: мы это знаемъ всѣ, даже читали объ этомъ не одинъ разъ,—а что́ же до-сихъ-поръ сдѣлали? Да почти ничего. Мы пишемъ, читаемъ говоримъ о любви нашей къ народу, — а чѣмъ доказали свою любовь къ нему на дѣлѣ? Мало выигрываетъ нашъ Южнорусскій народъ отъ того, что нѣкоторые Украинцы надѣваютъ свитку, вмѣ-

сто сюртука. Кажется, всѣ эти чамарки, конфедератки, свитки и тому подобные костюмы, удивляютъ только народъ, не принося ему никакой пользы. Вотъ, еслибы, вмѣсто подобныхъ затѣй, земляки наши пожертвовали хоть по одному рублю на изданіе книгъ на народномъ языкѣ, — это было бы доброе, вполнѣ-патріотическое, дѣло!.. Объ этомъ не мѣшало бы подумать серьезнѣе.... Существуютъ ли препятствія, и какъ ихъ устранить — объ этомъ *должны позаботиться* наши передовые люди, которыхъ мы уважаемъ и которымъ привыкли вѣрить...

Упомянувъ о *препятствіяхъ*, я разумѣю увѣреніе правительства въ томъ, что преподаваніе на южнорусскомъ языкѣ, не повредитъ ни экономическимъ, ни государственнымъ его выгодамъ. Да ужели правительству не извѣстно, что отказъ въ столь законномъ требованіи народа дѣйствительно дѣлаетъ народъ еще болѣе *несовершеннолѣтнимъ* (1), какъ выражаются наши Украинцы римско-католическаго исповѣданія, разсуждая о настоящемъ положеніи народнаго образованія, и прося гостепріимства своему слову въ польскихъ газетахъ? Господа эти, сѣтуя, что Украина, Волынь и Подоль не имѣютъ своего мѣстнаго органа, все-таки смѣло ведутъ *свое дѣло*. Они начали, разумѣется, съ того, что пишутъ» Elementarze w Rusińskim języku«, но только польскими буквами. Ничто не мѣшаетъ ихъ дѣйствіямъ. Стóитъ прослѣдить польскую журналистику хоть за одинъ нынѣшній годъ: чего здѣсь нѣтъ? »Lud nasz«, »nasz narôd«, говорятъ корреспонденты польскихъ газетъ; а сами редакторы этихъ газетъ, или мѣстные ихъ сотрудники, говоря о Южнорусскомъ краѣ, называютъ его: »kraj nasz,« »nasze prowincye«. Вотъ корреспонденція изъ Волыни. Какой-то панъ Огоньчикъ говоритъ: »Potrzeby Elementarza Rusińskiego nie przyznawać nie mogę, mieszkając na Wołyniu, gdzie lud cały mówi tym językiem — i stojąc usilnie przy tém zdaniu, iż kto może umieć czytać i pisać, niechże umie najprzód czytać w tym języku, w którym mówi, a późniéj innych.« (2). Мысль

(1) См. Gazeta Polska, № 32, за 1862 годъ.

(2) Я не могу не признать потребности въ Русинскомъ букварѣ, живя на Волыни, гдѣ цѣлый народъ говоритъ своимъ языкомъ, и отстаиваю то убѣжденіе, что кто можетъ выучиться читать и писать, пускай же умѣетъ

эта само-по-себѣ прекрасная; но нужно знать весь духъ польской журналистики, чтобъ понимать дѣло.

Эти господа предлагаютъ нашему народу на Rusińskim języku польскими буквами! (1) Не нужно много проницательности для того, чтобъ понять эту выходку. А вотъ передъ нами лежитъ: »Elementarz Polski *dzieci Polskich* obojej płci: wszelkich stanow, *plemion* i *wiśnań*« (2) J. Bańkowski. Замѣтимъ эпиграфъ:

Ucz się, a jak się nauczysz, ucz innych;

а также объявленіе автора:

»Wolno jest przedrukować każdemu.»

Теперь посмотримъ, что это за Elementarz? Въ немъ читаемъ слѣдующее: Судоходныя рѣки: Висла, *Санъ*, Нѣманъ и *Днѣпръ*; замѣчательные города: Варшава, Вильно, Краковъ, *Львовъ*, Познань, Ковно, Минскъ, Житоміръ и пр. (»są to miasta, w których drukują elementarze i inne książki« — Такъ опредѣляетъ значеніе этихъ городовъ г. Баньковскій). Знаменитые Польскіе граждане:... *Константинъ Острожскій*. И все это совершается передъ глазами!.. Господа эти, утверждая, что Język Rusiński, zapatrując się nań ogólnie—nie jako na język jakiegoś zakątka kraju pojedyńczo, jest językiem oddzielnym bez wątpienia, i ani Rossyanie, ani Polacy, nie mogą dowodzić, by był narzeczem ich mowy. Może tam, przed wieki, było gdzieś wspólne zródło, lecz nic nadto więcej (3), или Historya Polska, w stosunku jej zwłaszcza do Rusi, nie jest jeszcze dotad wytłómaczoną ani poznaną dobrze, ażeby badacz onej mogł osta-

---

читать прежде всего на томъ языкѣ, на которомъ говоритъ, а потомъ уже на другихъ. Тоже. № 176.

(1) П. Юльянъ Котовичъ написалъ объ этомъ *»разсужденіе«*.

(2) *Польскій* букварь для дѣтей *Польскихъ* обоего пола, всѣхъ сословій, *племенъ* и *вѣроисповѣданій*.

(3) Языкъ Русинскій — вообще, а не какъ языкъ какой-нибудь частицы края въ-отдѣльности, — есть *несомнѣнно-особый языкъ*, и ни Великоруссы, ни Поляки *не могутъ утверждать*, что это — нарѣчіе ихъ языка. Можетъ-быть, въ оное далекое время, источникъ ихъ былъ *общій* — но не болѣе. См. Gazeta Polska, № 176, за 1862 годъ.

teczne wyrzec słowo. Wmiarę gromadzenia historycznych materyałów, odsłania się nam i to i owo, i wiele kwestyi inaczej dziś oceniamy, jak przed dziesięcią laty, (1) съ чѣмъ нельзя не согласиться, не — хотятъ однако жъ допустить того, что этотъ языкъ *выработывается* и можетъ быть языкомъ науки. Они прямо говорятъ: Na Elementarz, katechizm, bajeczki, powiastki, początki, ale same początki tylko (?) rachunku, geografji, historji, na to wszystko wyrazy znajdą się z potocznej mowy ludowej, a przynajmniej bardzo mało się pozyczy. Sięgając po więcej nauki, »trzeba (?) już uczniowi brać rozbrat z językiem,« w którym nauka ni literatura traktować nie mogą, lecz już pierwsze lody będą przełamane i piezwsza trudność nauki zwalezona, — wielu zaś i na tém na resztę życia poprzestać będzie musiało; a zaś któvzy iść dalej będą chcieli, tak sobie radzić będą oczewiście, jak Litwini, Żmudziny, któvzy »języka literackiego właściwego również nie mają, bo nie mają jego potvzeby, bo cała klassa oswieceńsza innym mówi (2)«. Видите, куда идутъ они! А мы молчимъ, мы деликатничаемъ. »Kuś jest Polska« говорятъ намъ, и объ украинцахъ замѣчаютъ: »naród ich (писателей) nie przecczyta; lecz gdy są tacy piśmienni którzy to

---

(1) Исторію Польши, — въ-особенности по отношенію ея къ *Руси*, — еще недостаточно объяснили и изучили, для того, чтобы изслѣдователь ея могъ произнести свое послѣднее слово. По мѣрѣ накопленія историческихъ матеріяловъ, намъ открывается та или другая сторона, и въ настоящее время, многіе вопросы мы обсуждаемъ уже иначе нежели десятокъ лѣтъ тому назадъ. Bibliotek Warszawska, Іюль 1862 г.

(2) Для букваря, катихизиса, басень, разсказцовъ, для началъ — но только — началъ ариѳметики, географіи, исторіи, — для всего этого найдутся выраженія и въ обычной народной рѣчи, — покрайней мѣрѣ пришлось бы занимать у другихъ мало. Если же ученикъ пожелаетъ учиться дальше, онъ долженъ (?) уже разстаться съ своимъ языкомъ, на которомъ не могутъ (?) быть изложены науки и литература; но первый лёдъ будетъ ужъ взломанъ, первоначальная трудность обученія преодолѣна, и, наконецъ, многіе принуждены бываютъ на началахъ и покончить. Кто пойдетъ впередъ, тотъ — *очевидно* — послѣдуетъ примѣру Литовцевъ, Жмудиновъ, которые тоже не имѣютъ собственнаго литературнаго языка, — *потому-что не имѣютъ въ немъ надобности, потому-что всё образованное сословіе говоритъ инымъ языкомъ...*

piszą, to znajdują się też i tacy bez wątpiennia, którzy to nie piśmiennym czytają i na ucho szepczą — i dziwić się oporowi włościan w podpisywaniu listów nadawczych!—

Что это такое??!

Такъ и хочется сказать всѣмъ этимъ господамъ:

»Сударь!« говоритъ панъ Огоньчикъ... »знаете ли, что́ дѣлается?« Вотъ, по нашему мнѣнію, важное препятствіе, которое необходимо устранить какъ-можно-скорѣе. Но ка́къ? У насъ нѣтъ ни тѣхъ огромныхъ средствъ, ни того единодушія, съ какими дѣйствуютъ эти непрошенные учители. Они, напримѣръ, затѣяли »Elementarz« — и вотъ собираются складки, — составляется комитетъ, — назначается конкурсъ. Да! гдѣ есть сознаніе дѣла, гдѣ есть постоянство въ стремленіи къ достиженію цѣли, тамъ не пугаютъ внѣшнія мѣры. У насъ ни того, ни другаго — *нѣтъ еще*; но мы вѣримъ—и это много значитъ, — что »на́ша сла́ва не вмре́, не поля́же!« Что́ же намъ нужно дѣлать? Мы знаемъ, что, на изданіе народныхъ книгъ, нѣтъ денегъ, а безъ книгъ, безъ *нашихъ* книгъ, образованіе народа *непремѣнно пойдетъ превратнымъ путемъ*..... Предметъ важный — есть о чемъ подумать и позаботиться!... Выскажемъ нашу мысль. Сомнительно ожидать, пока »найдутся состоятельные люди, которые примутъ на свой счетъ изданіе народныхъ сочиненій и заведеніе училищъ.« Не вѣрнѣе ли было бы обратиться къ самому Южнорусскому народу за деньгами? Приступить къ этому можно слѣдующимъ образомъ. Мы полагаемъ, что, въ каждомъ Южнорусскомъ городѣ, найдутся такіе люди, которые сознаютъ всю важность дѣла народнаго образованія. На такихъ людей слѣдуетъ разсчитывать. Пусть каждый изъ нихъ содѣйствуетъ честному дѣлу; пусть каждый изъ нихъ предложитъ своимъ друзьямъ, пріятелямъ и знакомымъ — пожертвовать четвертакъ, полтинникъ, рубль на изданіе книгъ на языкѣ того народа, трудами котораго не одинъ изъ нихъ пользовался и пользуется. Такимъ-образомъ, собравъ, примѣрно, пятьдесятъ рублей, они могли бы отсылать ихъ въ избранное мѣсто, въ завѣдываніе нѣсколькихъ знающихъ и уважаемыхъ у насъ людей. Когда бы собралась извѣстная сумма, напр. 2000 руб. ср., тогда можно бы назначать конкурсы на необходимѣйшія книги; признавъ достойнымъ изданія, на счетъ собраннаго капитала, какое-либо сочиненіе, и вознаградивъ приличнымъ об-

28384

разомъ автора рукописи, приступать къ напечатанію книги въ возможно-бо́льшемъ количествѣ и по возможно-дешевой цѣнѣ. Вырученныя, за продажу такого сочиненія, деньги, обращать на изданіе другой книги, стоящей на очереди. — Оказывается, — задача весьма несложная, да и не новая!.. Ужели она такъ неудоборазрѣшима на нашей милой и дорогой намъ родинѣ? Кто-то сказалъ: »слово еще не есть дѣло; всякая истина какъ бы ни была она несомнѣнна, но если не осуществится въ дѣлахъ—она есть только слово, пустой звукъ—таже ложь.«

Больно подумать, что до-сихъ-поръ больше говорятъ, нежели дѣлаютъ! Далекіе отъ родины, но сознающіе всю важность дѣла народнаго образованія, мы посылаемъ на этотъ предметъ *десять* рублей, изъ коихъ *два* принадлежатъ подписавшемуся, а остальные—другимъ защитникамъ Южнорусской народности отъ духовнаго порабощенія несоотвѣтственными ей стихіями.

Степанъ Погарскій.

Варшава.
3 августа 1862.

Въ-дополненіе къ прежнему письму моему, сообщаю еще одну грустную новость. Читайте:

Duch światyj każe, ditjam knyżku daty,
Knyżka zdorowja *nie* może psowaty,
Knyżka detyni rozumu nahodyt',
Uczyt' mołytwy i swarki boronyt'.
Knyżku detyni, jak dast' maty w ruki,
Izbawit' duszu od pekelnoj muki
Knyżka detynu zawede do neba,
Knyżka nauczyt', jak lubyty treba
Bat'ka i maty — i jak treba żyty,
Szczoby bez hrichu na chlib zarobyty,
Knyżka odwerne od wsiakoj złoj spilki,
Knyżka odwodyt' ludej od horiłki...
Ale chot' w knyżci znaje kto czytaty
Taki powynen zawżdy pracowaty:
Diwka nech znaje, hde kurka nesetsia,
Jak prasty, szyty — i jak chlib peczetsia,
Koły sia sadyt' bib albo kapusta.

J jak na riczci treba praty chusta;
Chłopeć nech znaje, jak w poli robyty,
J jak chudobu powinen hladity,
Jak za sokiru wziatyś, ta za szyło,
Jake majsterstwo, albo druhe diło,
Bo jak to każut' — szczo dobre wse znaty,
Szczoby, jak treba, ludej ne pytaty.
Szczastjem, zdorowjem, błohosłowy Boże,
Tomu, kto ditjam uczytyś pomoże,
Kto dobrym słowom odwerne od złoho,
I dobrym sercem pryhorne jak swoho.
Ne cej szczo daje darmo ludjam hroszi,
Szapki i swytki i hyndy horoszi,
A cej sławu pered Bohom maje,
Kto prawdy, praci — ditok nauczaje».

Въ этомъ видѣ — латинскими буквами — печатаются эти вирши въ польскихъ газетахъ. Цѣль — ясна, — видна насквозь; источникъ — тоже. Сердце сжимается отъ подобныхъ явленій...

Какія мученія долженъ вытерпѣть человѣкъ, посвятившій лучшіе годы свои, всю свою жизнь, на дѣло возрожденія Украинской народности! Сколько разъ приходилось ему сомнѣваться въ осуществленіи этого справедливаго, святаго дѣла! Какимъ тяжелымъ гнетомъ ложились на сердце слова: »Малорусская литература немыслима;« она возможна »для домашняго обихода«; или »Wydawcy »Osnowy« sami smieją siç ze swojej pracy?« Ужасно положеніе человѣка, которому осталось одно только на свѣтѣ — любить родину и желать ей нравственнаго развитія *по-своёму*, а тутъ — съ одной стороны не то, и съ другой — не такъ... И все это происходитъ отъ равнодушія тѣхъ, которымъ бы не слѣдовало быть равнодушными! Что будетъ дальше — не знаю. А противники дѣйствуютъ энергически.... Ужели невозможно, основываясь на томъ, что »Rusiński język« есть самостоятельный языкъ, котораго нельзя называть ни Русскимъ, ни Польскимъ нарѣчіемъ, ходатайствовать о введеніи чисто-украинскихъ грамáтокъ? Иначе — къ чему же приведутъ нашъ народъ эти Elementarze? — вѣдь второе, третье поколѣніе не будетъ знать *гражданки*, а безъ нея, незамѣтнымъ образомъ, народъ пойдетъ *не* своимъ путемъ... Что эти опасенія не напрасны, можно доказать... Въ далёкомъ будущемъ можно провидѣть многое — даже унію и католицизмъ. Отъ всего

этого одно спасеніе — преподаваніе на южнорусскомъ, украинскомъ, языкѣ (¹).

Варшава.

VI.

НАПОМИНАНІЕ О ПОДВИЖНИКАХЪ ЧЕРНОГОРЦАХЪ

Еслибы наши соплеменники — Славяне, бьющіеся подъ игомъ разныхъ чужеродцевъ, — судили по однимъ только печатнымъ проявленіямъ о сочувствіи къ нимъ русскихъ братій, то, безъ-сомнѣнія, давно бы причислили насъ къ союзникамъ и родичамъ *только по-имени*. Бо́льшаго равнодушія, бо́льшаго непониманія естественной, слѣдовательно и разумной, и благотворной связи, существующей въ природѣ славянскихъ народовъ, трудно гдѣ-либо и въ чемъ-либо встрѣтить, какъ въ русской литературѣ. Живя *по-старинѣ*, т. е. въ рабской зависимости отъ западныхъ ученій, многіе представители русской журналистики гораздо искреннѣе и сочувственнѣе занимались какой-нибудь мексиканской войной, нежели дѣлами славянскими, и нерѣдко преслѣдовали насмѣшкой тѣхъ честныхъ дѣятелей мысли, которые упорно и настойчиво добивались у офранцуженныхъ, онѣмеченныхъ, или англизированныхъ русскихъ людей вниманія къ славянскимъ братьямъ. Но кто судитъ о движеніи и направленіи русской мысли и чувства, объ истинномъ внутреннемъ образѣ русскаго общества, по печатному слову, тотъ судитъ по плохому, невѣрному зеркалу; сочувствіе къ Славянамъ всегда жило въ обществѣ, во множествѣ отдѣльныхъ разбросанныхъ личностей, хотя это сочувствіе и не могло вполнѣ проявиться ни въ словѣ, ни на дѣлѣ. Но, повидимому, наступило время, когда Славянскій вопросъ становится одинаково близкимъ и литературѣ и обществу. Правда, и тутъ не посчастливилось Руси въ-отношеніи самобытности и

(¹) Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ отзывовъ на »Мысли Южнорусса« изъ родной Украины, и приносимъ душевную благодарность щирому Украинцу, заявившему уже, изъ чужой стороны, живое участіе къ потребностямъ родины. *Дорогіе* 10 рублей будемъ хранить при *Основѣ* просимъ подробнаго адреса и продолженія писемъ.

самодѣятельности: русская журналистика дѣлается внимательна къ Славянскому дѣлу уже тогда, когда весь міръ — и даже — Франція, — даже Англія, — заняты имъ въ эту минуту не менѣе всякаго другаго дѣла... Какъ-будто нарочно, и на этотъ разъ мы плетемся за другими — словно по указкѣ...

Німець ска́же: »ви — Монго́ли...«
Монго́ли, Монго́ли!..
— Золото́го Тамерла́на
Онучата го́лі! —
Німець ска́же: »ви — Славья́не...«
Славья́не, Славья́не!..
— Сла́вніхъ прадідівъ вели́кихъ
Пра́внуки погані. (*Т. Шевченко*).

До-сихъ-поръ это было именно та́къ, какъ опредѣлилъ поэтъ: »а гва́лту! а кри́ку!« — слова́, слова, одни слова; но вотъ сло́во становится дѣломъ. »*Современное Слово*« первое печатно предложило и успѣшно подвинуло подписку въ пользу Черногорцевъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

»Доблестные одноплеменники наши въ Черногоріи заслуживаютъ вполнѣ нашего участія и сильно нуждаются въ немъ. Въ настоящее время руки всѣхъ ихъ заняты оружіемъ и поля ихъ остаются необработанными; прежній посѣвъ ихъ уничтожается непріятельскимъ нашествіемъ. Единственныя долины, снабжавшія ихъ хлѣбомъ для вывоза, совершенно раззорены Турками; всѣ взрослые люди мужескаго пола, даже пятнадцатилѣтніе юноши, стоятъ подъ ружьемъ; до́ма остались одни старики, женщины и дѣти. Какъ послѣднимъ, такъ и первымъ, приходится испытывать всевозможныя лишенія, а въ ближайшей будущности всѣмъ имъ угрожаетъ голодъ. Дѣло ихъ святое: для защиты своей независимости они жертвуютъ всѣмъ. Неужели мы, —которые столько твердимъ о нашемъ сочувствіи къ Славянамъ, которые признаёмъ справедливость ихъ дѣла,—останемся сложа руки и не пожертвуемъ, для помощи имъ, хоть малой лепты, которая для насъ представляетъ какое-нибудь, часто вовсе не веселое, удовольствіе, а для нихъ представляетъ средство *прожить* нѣсколько дней съ семействомъ? Неужели мы допустимъ до того, чтобъ они окончательно усомнились въ нашей помощи; допустимъ, чтобы совершенно прервалась наша связь съ ними, прекратилось наше значе-

ніе для нихъ? Неужели мы рѣшимся явить предъ самими собой такое явное доказательство безсилія нашей самодѣятельности? Неужели все наше участіе къ нашимъ соплеменникамъ ограничится одними высокомѣрными совѣтами московскаго »посланія къ Сербамъ«, которое такъ компрометировало Москву въ славянскихъ земляхъ?...

»Съ Черногорцами, болѣе чѣмъ съ какими либо иными изъ нашихъ южныхъ соплеменниковъ, мы связаны исторіей. Само общество наше почти ничѣмъ не заявило доселѣ столь хваленаго своего сочувствія къ Черногорцамъ. Все наше содѣйствіе ограничивалось до-сихъ-поръ пожертвованіями нѣсколькихъ благочестивыхъ лицъ на сооруженіе и украшеніе церквей въ Черногоріи и подаяніями пріѣзжавшимъ къ намъ въ великій постъ черногорскимъ монахамъ. Положимъ руку на сердце и спросимъ себя — довольно ли этого, или—еще лучше—то ли было нужно цѣлому народу, терпящему раззореніе за свою любовь къ свободѣ отечества? Въ недавнее время страшные пожары, бывшіе въ Петербургѣ, вызвали подписки въ пользу погорѣвшихъ, въ нѣсколькихъ соплеменныхъ съ нами и иноплеменныхъ странахъ. Неужели мы не покажемъ такого примѣра, когда раззореніе угрожаетъ не нѣсколькимъ лицамъ, а цѣлому народу,—не торговцамъ, бѣдствіе которыхъ было несчастіемъ, но не заслугою, а защитникамъ свободы своего отечества, которые добровольно жертвуютъ всѣмъ высокой идеѣ?

»Подписка въ пользу раззоренныхъ Черногорцевъ открыта въ Чехіи, въ Кроаціи, въ Сербіи и даже въ иноплеменной Греціи. Неужели мы ничего не можемъ сдѣлать для поддержанія полутораста тысячъ доблестныхъ страдальцевъ?

»Нѣтъ, мы сдѣлаемъ что-нибудь; мы можемъ сдѣлать многое. Если мы захотимъ удѣлить имъ хоть малую долю, то и этой доли можетъ быть достаточно для поддержанія ихъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, до заключенія мира. Разумѣется, цѣль нашихъ пожертвованій должна быть чисто-филантропическая: мы будемъ жертвовать въ пользу черногорскаго населенія, раззореннаго бѣдствіемъ и лишеннаго средствъ къ существованію. Мы убѣждены, что наша мысль о подпискѣ не встрѣтитъ затрудненія: австрійское правительство, какъ мы видѣли, допустило такую подписку въ Богеміи и Кроаціи: а вѣдь оно менѣе всякаго инаго благо-

пріятствуетъ Славянамъ. Наше правительство можетъ справедливо гордиться тѣмъ, что оно оказываетъ имъ покровительство. Пусть оно дѣйствуетъ на дипломатическомъ полѣ, а мы будемъ дѣйствовать на полѣ филантропическомъ, и покажемъ самимъ-себѣ и всей Европѣ, что и русскій народъ имѣетъ свои убѣжденія, которыя проявляются не словами, а дѣломъ.

»Приглашаемъ всѣхъ, кому дорога мысль о независимости родины, кто дорожитъ нашей связью съ прочими Славянами, кто хочетъ показать, что онъ способенъ переносить свои убѣжденія на дѣло—присылать посильныя денежныя пожертвованія въ пользу раззоренныхъ Черногорцевъ въ редакцію »Современнаго Слова« (у Казанскаго моста, домъ Ковалевскаго). Имена жертвователей, съ означеніемъ суммы присланныхъ денегъ, будутъ объявляемы отъ времени до времени, печатно. Деньги отошлются надлежащимъ путемъ въ распоряженіе черногорскаго правительства, для употребленія по назначенію; о суммахъ, полученныхъ имъ отъ насъ, будетъ гласное увѣдомленіе.«

Уже извѣстно, что этотъ вызовъ встрѣченъ съ неподдѣльнымъ сочувствіемъ на Сѣверѣ; на Югѣ, безъ-сомнѣнія, найдется также не одно благородное сердце, готовое помочь угнетенному брату. Пожертвованныя деньги найдутъ нуждающихся и придутъ всегда во-время, даже если бы туркамъ и удалось, на короткое время, задавить горсть вѣчно-славныхъ борцовъ за свободу отчизны!

КОБЗАРЬ.

(ЧАСТКИ)

LXIII.

ЗЪ ПОЭМИ »ПЕТРУСЬ.«

Були́ на хуторі пани́ —
И панъ и па́ні небага́ті,
И до́чечка у іхъ росла́,
Уже́ чима́ла піднялась;
И генера́лъ ії посва́тавъ,
Бо страхъ-хоро́шая була́,
А гене́ралъ бувъ стра́хъ-бага́тий;—
Отъ, и тала́нъ Госпо́дь послáвъ
На вбо́гий ху́тіръ... ублага́ли
Царя́ небе́сного!... Взяли́ —
І гарне́нько одяглй,
Та у неділю й повінча́ли,
И генера́льшою назва́ли,
И цу́гомъ въ Ки́ївъ повезли́.

Було́ на ху́торі пога́не
Мале́ хлопья́—свине́й пасло́,
Петрусе́мъ зва́лось; на придане
Воно́ за па́нною пішло́
У генера́льськее село́
Свине́й же па́сти безтала́нне.

За ба́ломъ балъ у генера́ла.
За генера́льшою чима́ла
Орда́ панівъ и паничівъ;
А генера́льша у-ночі
Уже́ тихе́нько й пла́кать ста́ла.
— Занапасти́ла мене́ ма́ти...
Зовьяне ма́рно у пала́тахъ
Краса́ и мо́лодость моя́.—
»Ти, ду́шко, пла́чешъ?«—Хто́ се? я́?
Ні, я не пла́чу.... »Зна́ешь, Ма́ню?
У го́роді тепе́ръ Армяни:
Купи́ собі, Машу́ню, шаль.«
—Мині не тре́ба тії ша́ли...—
»Не завдава́й же се́рцю жа́лю!
Купи́, голу́бко! Не печа́ль
Мого́ ти се́рця!... А весно́ю
Въ Пари́жъ пої́демо зъ тобо́ю,—
Або́ пої́демо въ се́ло...
Якъ схо́чешъ, се́рце....«
Ти́хо, ти́хо,
Зіма́ мина́ла; кри́лось ли́хо
Та въ са́мімъ се́рці й улягло́сь
У генера́льши молодо́і.
Поіхали въ село́ весно́ю;
Въ селі бенке́ти загули́;
А генера́льша пла́че, пла́че,
А генера́лъ того́ не ба́чить,
А всі вже ба́чили въ селі.

Зъ нудьги́, изъ дво́ру погуля́ти
Яко́сь заду́мавшись пішла́,
Та ажъ за ца́рину зайшла́,
Та й ба́чить, шо па́се ягня́та
Мале́ хлопья́точко въ стерні.
— О го́ре, го́ренько мині!
Що́ я робитиму на світі?...
Се ти́, Петру́сю?—»А же́жъ я....«
— — —

Й повела́
Его́ въ пала́ти. А въ пала́тахъ
Причепури́ла, одягла́,
А по́тімъ въ шко́лу оддала́....
И лю́бо ій.... Неха́й радіе,
Поки́ надія се́рце гріе,
Поки́ росте́ съ того́ зерна́
Або́ куки́ль, або пшени́ця...
Бо ми не зна́емъ, що́ твори́тця
У ёго тамъ. А вінъ хочъ зна,
То намъ не ска́же.... Якъби зна́ла
Матуся го́ренько твое́,
Чи оддала бъ за генера́ла
Дитя́ еди́нее свое́?
Не отдала бъ... А въ-тімъ—не зна́ю,—
Бо всякі матері бува́ють.. .

Мина́ють дні собі по-во́лі;
Петру́сь до шко́ли да изъ шко́ли
Зъ книжка́ми хо́дить, та росте́;
Сама́ ажъ ні́бі молоді́е,
А генера́лъ собі радіе,
Що діло, ба́чите, свято́
У-двохъ таки́ вони́ зроби́ли.

Петра́ на во́лю одпусти́ли;
Зімо́ю въ Ки́ївъ відвезли́,
И тамъ у шко́лу оддали́,
И тамъ чи-ма́ло поповчи́ли.
Верну́вся зъ Ки́іва Петру́сь
Уже Петро́мъ и паничем̀ъ,
И ку́чері ажъ по плече́,
И ви́сипався чо́рний усъ
И ще́.... Та се́ ще не втече́:
Роска́жемъ и́ноді коли́сь
Про те́, що́ сни́лося Петро́ві.
А генера́льші чорнобро́вій — —
Що́ сни́тця?...

Передъ Пречи́стою
Гори́ть лампа́да у-ночі.
Покло́ни тя́жкиі бьючи́
Рида́ла....
— — —
Моли́тва ій не помогла́:
Вона́, серде́шна, одуріла,—
Вона́ небо́га полюби́ла
Свого́ Петра!... И тя́жко ій,
Душі негрішній молодій!
Та що́ж робить? Не ста́ло си́ли!
Серде́га ра́зомъ одуріла.
Та й якъ ёго́ одній, святи́і
Прожи́ти літа молоди́і?
Вони́ жъ не ве́рнутця!... Якъ хочъ!
А ли́хо, ка́жуть, перескочъ,
А то зада́вить. Генера́льша
Не перескочила, — бо ій
Хотілось жи́ти молодій!
— — —
— Петру́сю! Дру́же мій еди́ний!
Моє́ ти се́рце! Мій ти си́ну!
Рятуй мене́, рятуй! рятуй!
О, ма́теръ Бо́жая! Роскуй
Мою́ ти ду́шу! — И рида́ла,
И ба́тька й ма́тіръ проклина́ла,
И все на світі. А Петру́сь —
Ні еди́ная дити́на —
Гуля́въ собі пренепови́нний
Въ саду́, та а́рію яку́сь
Муги́кавъ сти́ха. Більшъ нічо́го
Петру́сь не ба́чивъ. А небо́га
Сама́ не зна́е, що́ робить?
И що́ ій дія́ти зъ собо́ю? — —
Моліте Го́спода, дівча́та,
Моліте Го́спода, щобъ ма́ти
И васъ ота́къ не завдала́

За генера́ла—за пала́ти—
И васъ ота́къ не продала́....
Любітесь, діточки, весно́ю...
На сві́ті е́ кого́ люби́ть
И безъ кори́сті; молодо́ю,
Пренепоро́чною, свято́ю,
Въ малій хати́ні бу́де жить
Любо́въ та чи́стая, и бу́де
Святи́й поко́й вашъ стерегти́
И въ домовини́.
Що́ жъ то бу́де
Съ превосходи́тельною? Що́ ти
Тепе́ръ роби́тимешъ зъ собо́ю,
Съ своє́ю бо́жою краcóю?
Хто стерегти́ме твій поко́й,
Украде́ний твоімъ Петрусемъ?
— — — Ніхто
Не встереже́ тепе́ръ! Боюся,
И ви́мовить боюсь тепе́ръ
Твое́ грядущее....

У Ки́ївъ іздила, моли́лась
Ажъ у Почаєві була́ —
— — —
Не іла три дні й не пила́
Верну́вшись съ про́щи, и три но́чі
Не спа́ла; впа́ли карі о́чі;
Засо́хли гу́би; и въ-ночі
Щось хо́дя ше́пче сміючи́сь....
Ажъ ти́ждень такъ собі нуди́ла...
— Я бу́ду жить,
И бу́де се́рденько люби́ть,—
Поду́мала чи то сказа́ла.
Хотіла спать, але́ не спа́ла;
И жда́ла світу—и дожи́ть
До світу Бо́жого бо́ялась.
— — —

LXIV.

СУБОТІВЪ.

Стоїть въ селі Суботові (1),
На горі високий,
Домовина Украіни
Широка, глибока...
Ото церква Богданова:
Тамъ-то вінъ молився,
Щобъ москаль добромъ и лихомъ
Зъ козакомъ ділився.
Миръ душі твоій, Богдане!
Не зовсімъ такъ сталось... — —
Могили вже розривають,
Та грошей шукають;
Лёхи твоі роскопують
Та тебе жъ и лають,
Що за труди не находять...
Оттакъ-то, Богдане! — —
За тежъ тобі така й дяка:
Церкву — домовину
Нема кому полагодить!
На тій Украіні,
На тій самій, що съ тобою
Ляха задавила... — —
Оттаке-то, Зіновію,
Олексіівъ друже!
Ти все оддавъ приятелямъ,
А імъ и байдуже; —
Кажуть, — бачишъ, — що »все то-те
»Таки й було наше,
»А що ми тілько наймали

(1) *Суботівъ* — село, де родився Богданъ Хмельницкий.

»Тата́рамъ на па́шу,
»Та Полька́мъ...« Може й спра́вді!
Неха́й и та́къ бу́де!
Такъ смію́тця зъ Украіни
Сторо́нніі лю́де!..
Не смійтеся, чужі лю́де:
Це́рква — домови́на
Розва́литця... а съ-пі́дъ не́і
Вста́не Украіна
И розвіе тьму нево́лі,
Світъ пра́вди засвітить,
И помо́лятця на во́лі
Нево́льничі діти. (1)

LXV.

Въ нево́лі въ само́ті нема́е —
Нема́ съ кимъ се́рце поедна́ть:
То самъ-собі оце́ шука́ю
Кого́сь-то, зъ нимъ щобъ розмовля́ть,—
Шука́ю Бо́га, а нахо́жу
Таке́, що цу́ръ ёму́ й каза́ть...
Отъ-що зроби́ли зъ ме́не го́ди
Та безтала́нне!.. та ще й те́,
Що літечко моє́ свяге́
Мину́ло ма́рно, що нема́е
Ніже́ еди́ного случа́ю,
Щобъ до-ладу́ було́ згада́ть...
А ду́му треба розважа́ть, —
Бо ій такъ хо́четця, такъ про́сить,
Хочъ сло́ва ти́хого!.. не чуть...
И, мовъ у по́лі снігъ зано́сить,
Неохоло́нувшій ще трупъ.

---

(1) *Это стихотвореніе написано задолго до Манифеста 19 февраля, уничтожившаго навсегда крѣпостную неволю.*

LXVI.

За ду́мою ду́ма ро́емъ вилита́е,
Одна́ да́вить се́рце, дру́га роздира́е,
А тре́йтяя ти́хо-тихе́сенько пла́че
У само́му се́рці—и ніхто́ не ба́чить.
Кому́ жъ ії покажу́ я?
И хто ту́ю мо́ву
Привіта́е, угада́е
Вели́кее сло́во?
Всі оглу́хли — похили́лись
Въ кайдана́хъ — байду́же...
Ти смі́ешся, а я пла́чу,
Вели́кій мій дру́же.
А що вро́дить зъ то́го пла́чу?
Боли́головъ, бра́те...
— — —
Неха́й, бра́те! а ми бу́демъ
Сміятись та пла́кать.

Т. Шевченко.

ЛИСТИ ШЕВЧЕНКА.

11) ДО С. СТ. АРТЕМОВСЬКОГО.

I.

1 іюля 1852.

Всякое даяніе благо, тѣмъ болѣе, если оно неожиданно, какъ, напримѣръ, твои 20 р., полученные сегодня. Благодарю тебя, искренній друже мой! Трижды благодарю. Ты знаешь, я прежде въ счастливое мое время, не ворочалъ, можно сказать, капиталами, а теперь, когда я уже шестой годъ и кисти въ руки не беру (мнѣ рисовать запрещено), то можешь себѣ представить, что значатъ для меня твои 20 руб.! Только вотъ-что: если я не ошибаюсь, у насъ съ тобой уговору не было, чтобы платить мнѣ за работу. Кажется, такъ. Правда, давно это было; я могу и забыть. Я помню только печене порося и пирожки въ корзинкѣ. Помнишь ли, добрый другъ мой! Счастливое время! Кажется, недавно, а вотъ уже 12 годъ тому назадъ! Летятъ наши годы,—Богъ ихъ знаетъ, куда они такъ торопятся... Я какъ теперь вижу тебя, непосидящаго Элькана и флегму Ѳедота и щирого козака Кухаренка, та ще родича твого скрипника, та ще... и, Богъ ихъ пересчитае. Много ихъ... гдѣ-то они теперь? Живутъ себѣ дома припѣваючи; только я одинъ, какъ отколотая щепка, ношуся безъ пути-дороги по волнамъ житейскаго моря! И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ меня не носило впродолженіе этихъ бѣдныхъ пяти лѣтъ? Киргизскую степь изъ конца въ конецъ всю исходилъ, море Аральское и вдоль и

впоперёгъ все изплавалъ, и теперь сижу въ Новопетровскомъ укрѣпленіи, та жду что́ дальше будетъ; а это укрѣпленіе, да вѣдомо тебѣ будетъ, лежитъ на сѣверовосточномъ берегу Каспійскаго моря, въ Киргизской пустыни. Настоящая пустыня! песокъ да камень; хоть бы травка, хоть бы деревцо — ничего нѣтъ. Даже горы порядочной не увидишь — просто, чортъ знаетъ что́! смотришь, смотришь, да такая тебя тоска возьметъ — просто, хоть давись; такъ и удавиться нечѣмъ. Да, человѣкъ въ несчастіи живетъ въ самомъ себѣ, какъ говорятъ разумные люди, т. е. размышляетъ. А къ чему ведетъ размышленіе? спросить бы этихъ умныхъ людей. Къ тому, что разрушаетъ надежду, эту всесвѣтную прекрасную обманщицу! Признаюсь, я долго надѣялся, но потомъ и рукой махнулъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, мнѣ счастье не къ лицу. Родился, выросъ въ неволѣ, да и умру, кажется, солдатомъ. Какой нибудь да былъ бы скорѣе конецъ, а то, въ самомъ дѣлѣ, надоѣло чортъ знаетъ по-каковски жить.

Если будешь писать Ивану Михайловичу, то благодари его отъ меня за его участіе въ твоемъ добромъ дѣлѣ. Я самъ хотѣлъ писать ему, да боюсь: Богъ его знаетъ, можетъ-быть онъ еще и разсердится, что какъ дискать смѣлъ солдатъ себѣ позволить то и то... Правда, онъ былъ когда-то человѣкъ негордый, да вѣдь это было давно, а время и счастье сильно людей измѣняетъ. Впрочемъ, я не думаю, чтобъ И. М. перемѣнило генеральство; онъ, мнѣ кажется, такой же добрякъ и хлѣбосолъ, какъ и прежде былъ,—поэтому я все-таки напишу ему, только не съ этой почтой. А почта у насъ приходитъ и отходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Чи жива въ Городищѣ твоя стара мати? Коли́ здраствуе, то низько кланяюся ій.

И кланяюся всѣмъ общимъ нашимъ знакомымъ, особенно Л. Элькану и С. Крамаревскому — когда здравствуютъ.

О новостяхъ литературы, музыки и театра я не имѣю совершенно никакого понятія: кромѣ »Русскаго Инвалида« ничего у насъ не имѣется; »Сѣверную Пчелу«, газету литературную, забылъ уже какъ и зовутъ. Сначала было для (меня) ужасно тяжело безъ всякаго чтенія. Потомъ сталъ привыкать, и, кажется, совсѣмъ привыкну;—когда бы поскорѣе! а то сидишь, сидишь сложа руки, да и захочется прочитать что-нибудь новенькое, а его нѣтъ. Такъ больно станетъ, что не знаешь, куда дѣваться. Но самое мучитель-

ное для меня то, что мнѣ рисовать не позволяютъ. А причины— не знаю почему. Тяжело! больно тяжело! А дѣлать нечего... Прощай, мой искренній друже, не забывай безталанного *Т. Шевченка*.

P. S. Чи не зострінисся часомъ зъ Василемъ, або Михайломъ Лазаревськими, то познакомся зъ ними.

Сегодня попался мнѣ лоскутокъ печатной бумаги; читаю, а тамъ говорится о концертахъ прошедшей весны и о концертѣ г. Артемовскаго, какъ о замѣчательнѣйшемъ, и артисткѣ г-жѣ Артемовской, очаровавшей слушателей игрой на инструментѣ, давно забытомъ, т. е. на арфѣ! Боже мой!—думаю себѣ, — онъ уже женатый!

Господи, пошли тебѣ счастіе въ твоей семейной жизни!...

II.

Новопетровское укрѣпленіе. Іюня 15, 1853 г.

Я такъ думаю, друже мій милостивий, что только одни безталанные одинокіе *сіроми*, — такіе, какъ я теперь, — въ одиночествѣ, на чужині, способны ощущать то счастіе, ту великую радость, какую я почувствовалъ, получивши твое сердечно-дружеское письмо. Добре ти робишъ, брате Семене. Нехай Господь посилае твое добро на тебе и на жіночку твою и на діточокъ твоіхъ!

Впродолженіе шести лѣтъ моей тяжкой неволи, я пробовалъ писать де-кому изъ своихъ друзей-пріятелей—такъ чтожъ!.. Тяжко, страшно-тяжко, друже мій единий!

Съ іюля прошедшаго года, я до сей поры не получилъ ни одного письма и думалъ уже, что я всѣми забытый; только на прошлой недѣлѣ получается астраханская почта, а съ почтою и письмо твое, друже мій добрый. Только какая исторія изъ того письма вышла: Комендантъ Маевскій умеръ прошедшею зимою, а новый комендантъ письмо твое съ 10 р. хотѣлъ обратить назадъ. Великаго труда мені стояло ублагать его, чтобы онъ раскрылъ конвертъ. Отакимъ-то побитомъ получилъ я твое искреннее посланіе. А де вже его не возили: и на Кавказъ, и въ Оренбургъ, и знову въ Астрахань, та вже изъ Астрахані на силу прийшло въ моі рукі.

Что́ же теперь написать тебѣ о моей бѣдной, невольнической жизни? Думаю, лучше всего — ничего не писать, потому что хорошаго сказать нечего, а про дурное лучше промолчать. Нехай воно ворогамъ нашимъ снится. Ты пишешь, что не знаешь дѣла, по которому меня постригли въ солдаты! Знай же, что дѣло не подлое, и еще знай, что мнѣ запрещено писать (окромѣ писемъ) и рисовать, — вотъ гдѣ истинное и страшное наказаніе. Шесть лѣтъ уже прошло, какъ я мучуся безъ карандаша и красокъ. Горе! и еще горе! Отъ до чого довели мене стишки, трижды проклятые...

Нашелъ я близь укрѣпленія хорошую глину и алебастръ. И теперь, тоски ради, занимаюся скульптурой. Но, Боже, какъ жалко я занимаюсь этимъ новымъ для меня искусствомъ: въ казармахъ, гдѣ помѣщается цѣлая рота солдатъ; а про модель и говорить нечего. Бѣдное занятіе!

Спасибі тобі, шо нагадавъ ти мені про К. И. Іёхима; хоть я, правду-сказать, и не забываю моихъ добрыхъ пріятелей, но не писалъ ему потому, что боялся его молчанія на мое посланіе, какъ это сдѣлали другіе мои пріятели, въ томъ числѣ и Михайловъ, товарищъ мой по академіи. Кто его знаетъ, гдѣ теперь онъ? Да и не одинъ онъ такой. Перовскій привезъ съ собою въ Оренбургъ нѣкоего Гороновича, тоже моего товарища по академіи, и когда его спросили, не знакомъ ли онъ со мною, то онъ просто сказалъ, что и не видалъ меня никогда. И такіе бываютъ люди на свѣтѣ! Іёхиму я пишу небольшую цидулу и прошу тебе передать ему и просить его о томъ на словахъ, о чемъ я его въ письмѣ прошу, а прошу я его вотъ о чемъ: если онъ и теперь занимается гальванопластикою, то у него, вѣроятно, есть форма небольшихъ фигурокъ, то пускай изъ (нихъ) вибере одну или двѣ изящнѣйшихъ, та выльe хоть изъ папьемаше и пришле мнѣ, ради святого искуства. Я могъ бы ихъ копировать изъ глины и это замѣнило бы мнѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, натурщика, або натурщицу. Попроси его, брате Семене! Вылѣпилъ я небольшой барельефъ, вылилъ его изъ гипсу и хотѣлъ тебѣ послать одинъ экземпляръ, такъ не знаю, довезетъ ли почта такую хрупкую вещь какъ гипсъ, это разъ; а другое и то, что совѣстно и посылать въ столицу такую ничтожную штуку, какъ мой первенецъ-барельефъ. А вотъ,

дастъ Богъ, поучусь, та вылѣплю второй—такъ тотъ уже стеариномъ залью, та пришлю тобі.

Я слышалъ, что графъ Толстой занимался опытомъ надъ гутаперчею, чтобы выливать свои медали, такъ спроси у Іёхима, не знаетъ ли онъ, каковы результаты опытовъ г. Толстого. Вотъ бы хорошо было! я бы и себѣ выписалъ гутаперчи, та и заходився бъ выливать свои бѣдныя произведенія.

Я уже думалъ-было устроить себѣ невеличкий галванопластическій апаратъ, такъ что́жъ! въ великомъ городѣ Астрахани, окромѣ кумысу и тарани, ничего достать нельзя, даже немуравленнаго горшка, который при этомъ дѣлѣ необходимъ, а о мѣдной проволокѣ и не слыхала Астрахань. Вотъ городъ, такъ городъ! Настоящій восточный, или лучше сказать, татарскій.

Я еще прошу К. И., не сообщитъ ли онъ мнѣ своихъ простыхъ практическихъ средствъ въ-отношеніи галванопластики, потому что я, кромѣ физики Писаревскаго, ничего не имѣю, а въ ней говорится о семъ предметѣ слишкомъ-лаконически.

Эхъ! то-то було бъ, дурний Тарасе, не писать було бъ поганихъ віршъ, та не впиваться почасту горілочкою, а учитьця було бъ чому-небудь доброму, полезному, — отъ би теперъ якъ нахідка. А то посивівъ, оголомозівъ, дурню, та и заходився вчитьця физики. Не думаю, чтобы изъ этого что́ вышло, потому что я отъ природы вышелъ какой-то неконченный: учился живописи и не доучился, пробовалъ писать—и вышелъ изъ меня солдатъ, да какой солдатъ! просто, копія съ того солдатскаго патрета, что́ написалъ Кузьма Трохимовичъ, у покойнаго Основьяненка. А тимъ часомъ старіюсь, и постоянно болѣю, Богъ его знаетъ, отъ чего это? должно быть, зъ нудьги та неволі. А конца все-таки не вижу моей грустной перспективѣ, та безъ протекціи, правда, его и видѣть невозможно; а у меня какая протекція? Правда, були деякі люде, такъ что́жъ?

Однихъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече,
Какъ Пушкинъ нѣкогда сказалъ.

И мнѣ теперь осталося одно—ходить отутъ, по степу—долго еще ходить та мурнькать:

Доле моя, доле, чомъ ти не такая,
Якъ инша чужая!

Кланяюся низенько твоій Александрі Ивановні и щиро цілую твоіхъ діточокъ и Варвару и Александру,—нехай здорові ростуть, та щасливі будуть.

Такъ теперъ, для тебе, Городище—чуже село: стара твоя мати умерла, царство ій небесне.

Оставайся здоровий и будь щастливий во всѣхъ твоихъ начинаніяхъ, мій искренний, мій единий друже Семене!

Твій щирий *Т. Шевченко.*

III.

6 октября 1853.

Въ декабрѣ (или генварѣ) теперешняго года получишъ ты, единий друже мій Семене, изъ частныхъ рукъ, а не черезъ почту, невеликий ящикъ съ дѣломъ рукъ моихъ,—сказать по правді, съ пренечепурнымъ діломъ: такъ щóжъ я маю робить? виліпить я то ще якъ небудь виліпивъ, а вилить и досі не вмію; не те, правду сказать, шо и не вмію, але матеріалу доброго нігде взять, сірічъ, алебастру. Прийми Богу приёму що есть,, та й не осуди: на той рікъ, Богъ дасть, пришлю що-небудь крашче, и то тогді тілько якъ достану алебастру изъ тиеі поганоі Астрахані.

Ежели въ декабрѣ или въ генварѣ ты не получишъ сего добра, то, якъ будешъ на Васильевскомъ острову, зайди въ академію наукъ, у ту, шо коло биржи, и спроси на квартирѣ у академика фонъ-Бэра камердинера его, Петра, а у Петра спроси ящикъ на твое имя, а може тобі той Петро и самъ принесе — не знаю.

К. Ивановичу Іёхиму не показуй моего *тріо*, а то я добре знаю, шо вінъ мене вилае. А все-таки поклонися ему, якъ побачишъ, и попроси его, шобъ вінъ мені прислявъ який небудь маленькій барельефикъ; а щобъ ему не тратитьця на почту, то нехай отдасть тобі, а ти передай оцёму Петрові, а Петро и привезе ёго въ марті місяці ажъ у Астрахань. А академикъ Беръ весною буде знову у насъ и привезе мені той подарокъ К. И.

Видишъ ли, друже мій единий, для чого я такъ прошу отъ К. И. барельефа якого-небудь: мені, ти знаешъ, рисовать запрещено, а ліпить—ні, то я и ліплю теперъ, а кругомъ себя не бачу нічого,

прочъ степу та моря: то хотілося бъ хочъ подивитьця на що-небудь хороше! Може бъ, подивившися, и моя стара мучена душа стрепенулася; хоча бъ и не стрепенулася, то може бъ на старості тихенько заплакала бъ, дивлячися на прекрасное созданіе души человѣческой.

Теперъ хоть би на стороні постоять коло тиеі академіі, а перше! та що те перше. и згадувать! Коли буваешъ часомъ у старого Григоровича, то поклонись ёму старому одъ мене, и Софіі Ивановні, коли жива, то тежъ поклонися.

Та ще, прошу тебе, зайди въ магазинъ Дагіаро (на углу Невскаго проспекта и Адмиралтейской площади) и подивися на тетрадь литографированныхъ рисунковъ *Калама*, а подивившися спитай, що вони коштують и напиши мені. Аминь.

Жіночці твоій и діточкамъ твоімъ кланяюсь. Не забувай мене, друже мій единий.

Може ти не получивъ (а я получивъ твої гроші) мого пісьма, то отъ тобі ще одинъ адресъ.

IV.

30 іюня.

Благороднійшій ти изъ людей, брате-друже, мій единий Семене! Не треба було бъ тее... та, знать, у тебе стала потилиця глибока, бо брешешъ собі, нівроку, та й не схаменесся. Ну, скажи по-правді, чи есть та великая душа на світі, окроме твоеі благородноі душі, щобъ згадала про мене въ далекій неволі, та ще й 15 карбованцівъ дала? Нема теперъ такихъ великихъ душъ на світі; може и були коли-небудь, та въ прій полетіли. Одна твоя осталася міжъ нами зімовать, та тулячись самотня на морозі и сочинила собі поэму, да такую сердечную, задушевную поэму, що я и досі читаю та плачу. Великий ти поэтъ, друже мій Семене! Благодарю тебе всімъ серцемъ и всімъ помишленіемъ моімъ. Чимъ, якъ и коли заплачу́ я тобі за твое истинно-христіянське діло! Теперъ, кроме слёзъ благодарныхъ, нічого въ мене нема. Я—»нищій въ полномъ смыслѣ этого слова, и не только матеріально,—душою, сердцемъ обнищалъ.« Отъ що зробила зъ мене проклятая неволя! трохи-трохи не ідіота. Десятий годъ не пишу, не рисую и не

читаю наветь нічого; а якъби ти побачивъ, межъ якимъ людомъ верчуся я оці десять літъ. Та не дай, Господи, шобъ и приснилися тобі коли-небудь такі недолюди, а я у іхъ »въ кулакѣ сижу,— давятъ, безъ всякого милосердія давятъ, а я повиненъ ще и кланятьця. а то візьме разомъ, та й раздавить, якъ ту вошу межъ ногтями. До тяжкого горя привівъ мене Господь на старість, а за чіі гріхи? ей-же-Богу не знаю.

Два, чи може вже и три, годи тому буде, якъ писавъ я до тебе друже мій единий, и до Іёхима, але одвіту не получивъ; думавъ шо пісьма моі пропали де-небудь. Або... прости мене, друже мій единий! була и така думка, що може ви мене занехаяли... ажъ бачу, що Богъ мене ще не покидае.

Якъ побачишъ Іёхима, то поклонися ему гарненько одъ мене и проси ёго, — нехай вінъ, ради святого Апполона, пришле мені хочъ маленький болванчикъ (статуетку), або барельфикъ який небудь изъ купидоновъ своеі фабрики гальванопластическоі. Ему воно не дорого коштуватиме, а мені буде великий подарокъ. Ще позаторікъ заходився я бувъ ліпить изъ воску—и нічого не вдіявъ, тимъ, шо передъ очима нема нічого доброго скульптурного, а якъ би Іёхимъ прислявъ мені що-небудь, то я бъ знову заходився коло воску. Нудьга, крий мати Божа, яка нудьга сидіть склавши руки, и такъ сидіть дні, місяці и годи. О Господи, сохрани всякого чоловіка отъ такоі живоі смерти!

Кланяюся твоій добрій жіночці, цілую твое едине дитя, и плачу разомъ зъ вами о погребеніі вашоі Александри. Прощай, друже мій единий, не забувай безталанного, сердцемъ преданного тобі земляка твого, *Т. Шевченка*.

ДНЕВНИКЪ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

Отрывокъ тринадцатый.

19 марта 1858.

Въ 10 часовъ утра вышли мы съ Михайломъ Семеновичемъ изъ дому и, не смотря на воду и грязь подъ ногами, обходили пѣшкомъ по-крайней-мѣрѣ четверть Москвы. Я не видалъ Кремля съ 1845 г. Видъ новаго дворца его много обезобразилъ, но онъ все-таки оригинально-прекрасенъ. Храмъ Спаса вообще, а главный куполъ въ-особенности, безобразенъ. Крайне-неудачное громадное произведеніе, точно толстая купчиха въ золотомъ повойникѣ остановилася на-показъ среди Бѣлокаменной. Изъ Кремля прошли мы на Большую Дмитровку. Зашли къ Еленѣ Константиновнѣ Станкевичъ, моей старой знакомой, напилися чаю, отдохнули и пошли въ книжный магазинъ Н. М. Щепкина. Изъ магазина возвратилися опять къ Станкевичъ, гдѣ я встрѣтилъ еще одну мою старую знакомую, Олимпіяду Ивановну Миницкую. Пообѣдали у Станкевичъ и въ 6 часовъ вечера благополучно, пѣшкомъ же, возвратилися во-свояси, дивясь бывшему.

20 марта.

Мой неразлучный спутникъ и чичероне М. С. сегодня ставилъ себѣ банки, и я одинъ, отъ 10 до 4 часовъ, мѣсилъ Московскую грязь. Поутру велѣлъ я кучеру вымазать сапоги добрымъ дегтемъ; вооружился и по Тверской отправился въ Кремль. Полюбовавшися старымъ красавцемъ Кремлемъ, прошелъ я къ юному некрасавцу Спасу, съ цѣлію посмотрѣть скульптурныя работы.

Но меня и на дворъ не пустили. — »Не приказано«, сказалъ сторожъ. Я ему не противорѣчилъ и возвратился въ Кремль. Полюбовавшись еще разъ старикомъ, вышелъ я на Ильинку и потомъ на Покровку. Зашелъ къ А. А. Сапожникову, моему спутнику изъ Астрахани до Нижняго. Боленъ — никого не принимаетъ. И хорошо дѣлаетъ, потому что я весь облѣпленъ грязью. Распросилъ у будочника дорогу къ почтамту и поплелся тихонько къ Мокрицкому. Отдохнулъ у него, полюбовался эскизами незабвеннаго друга моего покойнаго Штернберга, и пошелъ къ уральскому козачинѣ Савичу. Взялъ у него »Лѣтопись Величка«, которую онъ получилъ отъ О. М. Бодянскаго, два года тому назадъ, для пересылки (мнѣ) и держалъ у себя — самъ не знаетъ, съ какимъ намѣреніемъ. Отъ Савичева зашелъ въ харчевню, напился чаю съ кренделями, и Страстнымъ бульваромъ вышелъ на Дмитровку. Потомъ къ старому Пимену, и ровно въ 4 часа пришелъ домой.

Вечеромъ М. С былъ готовъ на новые подвиги и мы отправились къ Станкевичамъ. Весело, нецеремонно поболтали о Малороссіи, о дняхъ минувшихъ, и на разставанье В. А. Станкевичъ подарилъ мнѣ экземпляръ стихотвореній Тютчева.

21 марта.

Въ 10 часовъ утра, не пѣшкомъ, а въ пролеткѣ, пустились мы съ М. С. Москву созерцать. По дорогѣ заѣхали къ сыну его Николаю. Выпили по стакану чаю и потянули далѣе. Заѣхали также по дорогѣ къ Кетчеру, встрѣтили тамъ Бабста. Кетчеръ подарилъ мнѣ всѣ изданія своей компаніи, кромѣ своего перевода Шекспира: онъ еще въ типографіи; а Бабстъ подарилъ свою рѣчь о умноженіи народнаго капитала, изданіе той же (типографіи) компаніи. Выпили у Кетчера по рюмкѣ сливянки и поѣхали къ Якушкину. Хозяина не застали дома, а милѣйшая хозяйка подарила намъ по экземпляру портрета кн. Волконскаго, и мы раскланялись и поѣхали къ Краснымъ воротамъ къ Забѣлину. Это молодой еще человѣкъ, самой симпатической кроткой физіономіи, обитающій не въ квартирѣ, а въ библіотекѣ. Онъ не совсѣмъ здоровъ, и я не рѣшился просить его показать мнѣ Оружейную палату, гдѣ онъ служитъ помощникомъ Вельтмана. Отъ Забѣлина

поѣхали мы въ книжный магазинъ Н. М. и тутъ разстался я съ моимъ путеводителемъ.

Грѣшно роптать мнѣ на судьбу, что она затормозила мой поѣздъ въ Питеръ. Впродолженіе недѣли я здѣсь встрѣтился и познакомился съ такими людьми, съ какими впродолженіе многихъ лѣтъ не удалось бы встрѣтиться. Итакъ—нѣтъ худа безъ добра.

Вечеръ провелъ у своей милой землячки, М. В. Максимовичъ. И не смотря на страстную пятницу, она, милая, весь вечеръ пѣла для меня наши родныя задушевныя пѣсни. И пѣла такъ сердечно-прекрасно, что я вообразилъ себя на берегахъ широкаго Днѣпра. Восхитительныя пѣсни! Очаровательная пѣвица!

22 марта.

Радостнѣйшій изъ радостныхъ дней! Сегодня я видѣлъ человѣка, котораго не надѣялся увидѣть въ теперешнее мое пребываніе въ Москвѣ. Человѣкъ этотъ—Сергѣй Тимофѣевичъ Аксаковъ. Какая прекрасная благородная старческая наружность! Онъ нездоровъ и никого не принимаетъ. Поѣхали мы съ М. С. сегодня поклониться его семейству. Онъ узналъ о нашемъ присутствіи въ своемъ домѣ, и вопреки заповѣди доктора, просилъ насъ къ себѣ. Свиданіе наше длилось нѣсколько минутъ. Но эти нѣсколько минутъ сдѣлали меня счастливцемъ на цѣлый день и навсегда останутся въ кругу моихъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній.

Послѣ постнаго обѣда въ Троицкомъ трактирѣ, отправился я домой съ намѣреніемъ приготовиться къ ночному Кремлевскому торжеству. Намѣреніе мнѣ не удалось, въ 11 часовъ я отправился въ Кремль. Еслибы я ничего не слыхалъ прежде объ этомъ торжествѣ, то можетъ-быть оно бы на меня и произвело какое-нибудь впечатлѣніе, — теперь же ровно никакого. Свѣту мало, звону много, отсутствіе малѣйшей гармоніи и ни тѣни изящнаго.

Въ 3 часа возвратился домой и до 9 часовъ утра спалъ сномъ праведника.

23 марта.

Христосъ воскресъ!

Въ семействѣ М. С., торжественнаго обряда и урочнаго часа для розговѣнъ не уставлено: кому когда угодно. Республика! Ху-

же—анархія! еще хуже—кощунство! Отвергнутъ вѣками освященный обычай—обжираться и опиваться съ восходомъ солнца!

Въ 10 часу пришелъ къ М. С. съ праздничнымъ поклономъ актеръ Самаринъ и сообщилъ ему миленькую эпиграмму Щербины, которую присемъ и прилагаю.

Боже! въ какомъ я теперь упоеніи
Съ »Вѣстникомъ Русскимъ« въ рукахъ.
Что́ за прекрасныя стихотворенія —
Ахъ!
Тутъ Данилевскій, Плещеевъ таинственный,
Майковъ нашъ флюгеръ-поэтъ,—
Лучше же всѣхъ несравненный, единственный
Фетъ!
Много нелѣпостей здѣсь патетическихъ,
Множество фразъ посреди,
Много и рифмъ... но красотъ поэтическихъ—
Жди!

24 марта.

Еще разъ видѣлся съ Сергѣемъ Тимофеевичемъ Аксаковымъ и съ его симпатическимъ семействомъ и еще разъ счастливъ. Очаровательный старецъ! Онъ приглашаетъ меня къ себѣ въ деревню, на лѣто, и я, кажется, не устою противъ такого искушенія. Развѣ воспрепятствуютъ.

Отъ Аксакова заѣхали къ В. Н. Репниной, а отъ нея къ актеру Шумскому. Вкусили священной пасхи съ вестфальской колбасой и поѣхали къ Станкевичамъ. Не застали дома. Отправились въ книжный магазинъ Н. М. Щепкина и Комп. гдѣ и остались обѣдать. Обѣдъ былъ званный: Н. М. праздновалъ навоселье своего магазина и по этому случаю задалъ пиръ московской ученолитературной знаменитости. И что́ это за очаровательная знаменитость! Молодая, живая, увлекающаяся, свободная! Здѣсь я встрѣтилъ Бабста, Чичерина, Кетчера, Мина, Кронеберга-сына, Афанасьева, Станкевича, Корша, Крузе и много другихъ; я встрѣтился и познакомился съ ними какъ съ давно-знакомыми родными людьми. И за всю эту полную радость обязанъ я моему знаменитому другу, М. С. Щепкину.

Въ 8 часовъ вечера отправились къ купцу Варенцову, музы-

канту и любителю искусствъ. Тутъ встрѣтился я съ нѣкоторыми московскими художниками и музыкантами, и послушавши Моцарта и Бетговена и другихъ великихъ представителей слышимой гармоніи, въ 11 часовъ удалился во-свояси дивяся бывшему.

25 марта.

Многоуважаемый М. А. Максимовичъ задалъ мнѣ обѣдъ, на который пригласилъ, между прочими, и ветхихъ деньми товарищей своихъ, Погодина и Шевырева. Погодинъ еще не такъ старъ какъ я его воображалъ себѣ. Шевыревъ старше. — — Сладкій старичекъ. Въ концѣ обѣда амфитріонъ прочелъ въ честь мою стихи собственнаго сочиненія. А послѣ обѣда милѣйшая хозяйка пропѣла нѣсколько малороссійскихъ пѣсень, и восхищенные гости разошлись кто куда, а я заѣхалъ къ Сергѣю Тимофеевичу Аксакову, съ намѣреніемъ проститься. Онъ спалъ и я не имѣлъ счастія облобызать его сѣдую прекрасную голову. До 9 часовъ пробылъ я у Аксаковыхъ и съ наслажденіемъ слушалъ мои родныя пѣсни, пѣтыя Надеждой Сергѣевной. Все семейство Аксаковыхъ непритворно сочувствуетъ Малороссіи и ея пѣснямъ и вообще ея поэзіи. Въ 9 часовъ съ Иваномъ и Константиномъ Аксаковыми поѣхалъ я къ Кошелеву, гдѣ встрѣтился и познакомился съ Хомяковымъ и со старымъ кн. Волконскимъ. Кротко, безъ малѣйшей желчи, разсказалъ онъ мнѣ нѣкоторые эпизоды изъ своей 30-лѣтней ссылки.

26 марта.

Въ 9 часовъ утра разстался я съ М. С. Щепкинымъ и съ его семействомъ. Онъ уѣхалъ въ Ярославль, а я, забравши свою мизерію, поѣхалъ къ желѣзной дорогѣ и въ 2 часа, закупоренный въ вагонѣ, оставилъ я гостепріимную Москву. Въ Москвѣ болѣе всего радовало меня то, что я встрѣтилъ въ просвѣщенныхъ москвичахъ самое теплое радушіе лично ко мнѣ и непритворное сочувствіе къ моей поэзіи,—особенно въ семействѣ С. Т. Аксакова.

27 марта.

Въ 8 часовъ вечера, громогласный локомотивъ свиснулъ и остановился въ Петербургѣ. Въ 9 часовъ я былъ уже въ квартирѣ моего искреннѣйшаго друга М. М. Лазаревскаго.

28 марта.

По снѣгу и слякоти пѣшкомъ обѣгалъ я половину города почти безъ надобности. На перепутьи зашелъ въ гостинницу Клея и нашелъ тамъ только-что пріѣхавшаго изъ Москвы Григорія Галагана. Онъ передалъ мнѣ письмо Максимовича съ его стихами, читанными имъ за обѣдомъ 25 марта, записку на полученіе »Русской Бесѣды«, и моего, въ Москвѣ обрѣтшагося, *Еретика*, т. е. Яна Гуса, котораго я считалъ невозвратно погибшимъ. Въ 3 часа возвратился я домой и обнялъ моего задушевнаго Семена Артемовскаго, а черезъ полчаса я былъ уже въ его домѣ, какъ въ своей родной хатѣ. Много и многое мы вспомнили и переговорили, а еще большаго не успѣли ни вспомнить, ни переговорить. Два часа мелькнули быстрѣе одной минуты; я разстался съ моимъ милымъ Семеномъ, и въ 6-ть часовъ вечера, вмѣстѣ съ Лазаревскимъ, отправились мы къ графинѣ Н. И. Толстой.

Сердечнѣе и радостнѣе не встрѣчалъ меня никто, и я никого, какъ встрѣлись мы съ моей святой заступницей и съ графомъ Ѳедоромъ Петровичемъ. Эта встрѣча была задушевнѣе всякой родственной встрѣчи. Многое хотѣлось мнѣ пересказать ей, и я ничего не сказалъ. Въ другой разъ. Бутылкой шампанскаго освятили мы святое радостное свиданіе, и въ 8 часовъ разстались.

Вечеръ провели мы у В. М. Б—л—з—рскаго, моего соузника-сосѣда въ 1847 г. У него встрѣтилъ я моихъ товарищей оренбургскихъ: Сѣраковскаго, Станевича и Сову. Радостная, веселая встрѣча! Послѣ сердечныхъ рѣчей и милыхъ родныхъ пѣсень мы разстались.

29 марта.

Въ 10 часовъ утра явился я казанскимъ сиротой къ правителю канцеляріи оберъ-полиціймейстера, къ земляку моему, И. Я. М. Онъ принялъ меня полуофиціально, полуфамильярно. Старое знакомство сказалось въ скобкахъ. Въ-заключеніе, онъ мнѣ посовѣтовалъ сбрить бороду, чтобы не произвести непріятнаго впечатлѣнія на его патрона, къ которому я долженъ явиться какъ главному моему надзирателю.

Отъ М — цкаго я опять пошолъ гранить уже высушенную

мостовую и упражнялся въ семъ хитромъ ногодѣльи до 12-ти часовъ, а въ 12 часовъ съ М. Лазаревскимъ поѣхали къ Василью Лазаревскому. На-удивленіе симпатическіе люди эти прекрасные братья Лазаревскіе, и всѣ шесть братьевъ, какъ одинъ. Замѣчательная рѣдкость. Василь принялъ меня какъ давно невиданнаго своего друга. А мы съ нимъ въ первый разъ въ жизни встрѣчаемся: отъ землякъ, такъ землякъ!

Вечеромъ отправились мы въ Циркъ-театръ, смотрѣть и слушать живописную лекцію геологіи профессора Роде. Лекція мірозданія прекрасна. И астрономическія картины почти не лишни, но къ чему эти аляповатые, суздальскіе виды городовъ и зданій, оскорбляющихъ искусство? и къ чему эти живые, вертящіе ситцевые узоры, оскорбляющіе науку? Странно! а еще болѣе странно то, что публика рукоплещетъ этой балаганной пошлости. Толпа. Да еще столичная толпа!

30 марта.

Заказалъ фотографическій портретъ въ шапкѣ и тулупѣ для М. А. Дороховой. Искалъ квартиру Бабета и не нашелъ. Жаль. Не смотря на возмутительную погоду, прошелъ на Васильевскій Островъ, зашелъ къ художнику Лаврову и отъ него узналъ о смерти Павла Петровскаго. Отвратительная новость! Бѣдная старуха-мать, она не переживетъ этой страшной новости.

Вечеромъ графиня Н. И. представила меня своимъ знакомымъ собравшимся у нея въ этотъ вечеръ порядочной толпой. Онѣ привѣтствовали меня, какъ давно ожиданнаго и дорогаго гостя. Спасибо имъ. Боюся — какъ бы мнѣ не сдѣлаться модной фигурой въ Питерѣ. А на то похоже.

31 марта.

Съ художникомъ Лукашевичемъ былъ въ Эрмитажѣ. Новое зданіе Эрмитажа показалось мнѣ не такимъ, какъ я его воображалъ. Блескъ и роскошь, а изящества мало. — —

Въ три часа возвратился домой и привелъ себя въ горизонтальное положеніе, какъ вошелъ ко мнѣ мой старый незабытый, но изъ виду потерянный, знакомый и щирый землякъ Л. Н. Дзю-

бинъ. Вспомнили старину и отправились въ отель »Парижъ« обѣдать. Послѣ обѣда прошлись по Невскому и на сегодняшній день разстались.

Вечеръ провелъ у Семена.

1 апрѣля.

Обманываютъ и обманываются. Хорошо, еслибы это случалось только перваго апрѣля.... Откуда взялъ свое начало этотъ нелѣпый обычай?

Долго шлялся по Невскому Проспекту безъ всякой цѣли. Потомъ прошелъ на Бассейную, нашелъ квартиру Кокорева, а самого хозяина не нашелъ дома. Обѣдалъ у Б-л-з-рскаго. Послѣ обѣда получилъ записку отъ графини Н. И. и вечеромъ отправился къ ней. Никакой экстренности. Ей просто хотѣлось меня видѣть. Доброе созданіе! Къ графинѣ заѣхалъ Сошальскій и увезъ меня къ имянинницѣ, землячкѣ М. С. Кржисевичъ. Мы съ нею не видалися съ 1845 г. — едва замѣтно постарѣла. На-удивленіе землячка!

2 апрѣля.

Въ 1 часу Сошальскій повезъ меня къ землячкѣ Ю. В. С — вой. Я зналъ ее наивной, милой институткой въ 1845 году. А теперь — барыня! — Отъ С — вой заѣхали къ Градовичу — тоже старый знакомый. Отъ Градовича зашелъ я, уже безъ Сошальскаго, въ Палкинъ трактиръ; пообѣдалъ и отправился домой.

Вечеромъ, въ Циркѣ-театрѣ смотрѣлъ и слушалъ »Бронзоваго Коня.« Великолѣпная постановка, и больше ничего. Одинъ старикъ Петровъ и Семенъ со славою поддержали Бронзоваго Коня. А прочее — чепуха.

3 апрѣля.

НАВУХОДОНОСОРЪ

(изъ Беранже, В. Курочкина.)

Въ давнопрошедшіе вѣка, и проч.

Только-что успѣлъ я положить перо, дописавши послѣдній куплетъ этого прекраснаго и мѣткаго стихотворенія, какъ вошелъ

ко мнѣ Каменецкій, за нимъ Сиряковскій, а за нимъ Круневичъ, въ заключеніе— Дзюбинъ, который и пригласилъ меня обѣдать. Вотъ тебѣ и письма! Нужно гдѣ нибудь спрятаться.

Послѣ не совсѣмъ умѣреннаго обѣда, вышли мы на улицу и пройдя нѣсколько шаговъ, встрѣтили мы вездѣсущаго, вѣчнаго— Элькана. Послѣ продолжительной прогулки, мы съ нимъ разстались, и по его указаніямъ, пошли искать квартиру актера Петрова и, разумѣется, не нашли. По дорогѣ зашли къ Бенедиктову. Встрѣтилъ онъ меня непритворно радостно и, послѣ разнородныхъ разговоровъ, онъ, по моей просьбѣ, прочиталъ намъ нѣкоторыя мѣста изъ *Собачьяго Пира* (Барбье), и теперь только я увѣрился, что этотъ великолѣпный переводъ принадлежитъ дѣйствительно Бенедиктову.

4 апрѣля.

Каменецкій сообщилъ мнѣ всѣ мои сочиненія, переписанныя Кулишемъ, кромѣ *Еретика*. Нужно будетъ сдѣлать выборъ и приступить къ изданію. Но какъ мнѣ приступить къ цензурѣ?

Въ 3 часа пообѣдалъ съ Дзюбинымъ, тоже не совсѣмъ умѣренно, и вечеръ провелъ у Семена.

5 апрѣля.

Пріѣзжій Смаковскій проситъ меня обѣдать съ нимъ и съ Дзюбинымъ. Я спалъ; меня, спасибо, не сбудили. И я, подъ предлогомъ болѣзни, не поѣхалъ на лукулловскій обѣдъ. Богъ съ ними; съ непривычки можно серьезно захворать. Вечеръ провелъ у Галагана.

6 апрѣля.

Имѣлъ великое несчастіе облачиться во фракъ и явиться къ своему главному надзирателю графу Ш. Онъ принялъ меня просто не форменно, а главное, безъ приличныхъ случаю назиданій, чѣмъ сдѣлалъ на меня выгодное для себя впечатлѣніе.

При этомъ удобномъ случаѣ познакомился съ женою правителя канцеляріи оберъ-полиціймейстера, И. Н. Мокрицкаго. Она урожденная Свичка и настоящая моя землячка. Мы съ нею встрѣтились, какъ старые знакомые

Разставшись съ милѣйшей землячкою, прошолъ я въ академію художествъ на выставку. Пейзажи, преимущественно передъ другими родами живописи, мнѣ бросились въ глаза. Каламъ имѣетъ сильное вліяніе на пейзажистовъ. Самого Калама двѣ вещи не перваго достоинства.

Вечеръ провелъ у графини Н. И., слышалъ въ первый разъ игру Антонія Контскаго, и лично познакомился съ поэтомъ Щербиною.

7 апрѣля.

Было намѣреніе съѣздить въ Павловскъ, къ старику Бюрно. Но этому доброму намѣренію невинно поперечилъ художникъ Соколовъ, къ которому я зашелъ по дорогѣ, пробылъ у него до 4 часовъ и опоздалъ на желѣзную дорогу. Непростительная разсѣянность!

Вечеромъ пошли съ Михайломъ *до* Семена и не застали его дома.

8 апрѣля.

Воспользовавшись хорошею погодою, пустился я пѣшкомъ въ Семеновскій полкъ искать квартиру Олейникова. Квартиру нашелъ, а хозяина не нашелъ и прошелъ въ Бассейную къ Кокореву. И сего откупщика-литератора не нашелъ дома. По дорогѣ зашелъ на Литейную къ Василью Лазаревскому, отдохнулъ немного и пустился, пѣшкомъ же, въ большую Подъяческую, къ Семену, обѣдать. Послѣ обѣда вышли на улицу и случайно зашли къ бѣдному безталанному генералу К.

Вечеромъ зашелъ къ Круневичу, къ моему сонзгнаннику, и между многими поляками встрѣтилъ и людей русскихъ, между которыми и двѣ знаменитости, графа Толстого и защитника Севастополя, генерала Хрулева. Послѣдняя знаменитость мнѣ показалась приборканою.

9 апрѣля.

10 апрѣля.

Посѣтилъ московскаго знакомаго, нѣкоего Безобразова. Потомъ Рамазанова и Михайлова. Хотѣлъ пройти на выставку, да

не удалось: помѣшали. Смотрѣлъ въ Циркѣ-театрѣ *Москаля-Чарівника*. Очаровательный Семенъ! а прочіе — чушь.

11 апрѣля.

Поручилъ Каменецкому хлопотать въ цензурномъ Комитетѣ о дозволеніи напечатать *Кобзаря* и *Гайдамакъ*, подъ фирмою: »Поэзія Т. Ш.« Что́ изъ этого будетъ?

Зашелъ по пути къ пѣвцу-актеру Петрову. Онъ только потолстѣлъ. А она—увы! Изъ миленькой Анны Яковлевны сдѣлалась почтенная, но все-таки милая старушка. Непрочный полъ! Забѣжалъ къ Семену, выпилъ рюмку водки и пошолъ къ К. обѣдать. Скучно и грязно, какъ у стараго холостяка и въ добавокъ у военнаго. Вечеромъ у Б-л-з-рскаго слушалъ новую драму Совы и съ успѣхомъ доказалъ Сѣраковскому, что Некрасовъ не только не поэтъ, но даже стихотворецъ аляповатый.

12 апрѣля.

Снѣгъ, слякоть, мерзость. Не взирая на все это, отправились мы, т. е. я, Семенъ и М. Лазаревскій, въ академію смотрѣть выставку. Во-избѣжаніе простуды завернули къ Смурову, выпили по рюмкѣ джину и проглотили по десятку устрицъ. Съ выставки пошли мы на званный обѣдъ къ графинѣ Н. И., данный ею своимъ близкимъ многочисленнымъ пріятелямъ, по случаю моего возвращенія. За обѣдомъ графъ Ѳ. П. сказалъ коротенькое слово въ честь милостиваго царя. А въ честь моего невольнаго долготерпѣнія сказалъ почти-либеральное слово Николай Дмитріевичъ Старовъ, потомъ Щербина и, въ-заключеніе, сама графиня Н. И. Мнѣ было и пріятно и вмѣстѣ неловко. Я не чаялъ себѣ такой великой чести. Для меня это было совершенно ново. Семенъ замѣтилъ, что за столомъ всѣ были блѣдны, тощи и зелены, кромѣ несчастнаго изгнанника, т. е. меня. Забавный контрастъ!

Послѣ обѣда, повезъ меня Сошальскій къ землячкѣ М. С. Кржисевичъ, а часу въ первомъ къ Борелю, а отъ Бореля къ А..., гдѣ я его и оставилъ.

13 апрѣля.

Отъ Н. Д. Старова поѣхали мы съ Семеномъ къ М. В. Остро-

градскому. Великій математикъ принялъ меня съ распростертыми объятіями, какъ земляка и какъ надолго-отлучившагося куды-то своего семьянина. Спасибо ему. Остроградскій съ семействомъ ѣдетъ на лѣто въ Малороссію,—пригласилъ бы, говоритъ, и Семена съ собою, но боится, что въ Полтавской губерніи сала не хватитъ на его продовольствіе.

Обѣдалъ у Семена; вечеръ провелъ у графини Н. И. Слушалъ стихотворенія Юліи Жадовской. Несчастная, бѣдная дѣвушка!

14 апрѣля.

Семенъ познакомилъ меня съ весьма приличнымъ юношею—съ В. П. Энгельгардтомъ. Многое и многое пошевелилось въ душѣ моей при встрѣчѣ — съ сыномъ моего бывшаго помѣщика. Забвеніе прошедшему! Миръ и любовь настоящему!

Вечеромъ Грицько Галаганъ познакомилъ меня съ Черниговскими земляками — съ Карташевскими. Нежеманные, милые, настоящіе земляки.

15 апрѣля.

По желанію графини Н. И., представлялся шефу жандармовъ. Выслушалъ приличное случаю, но вѣжливое, наставленіе, и тѣмъ кончилась аудіенція.

Вечеръ провелъ у земляка Трохима Тупиці, гдѣ встрѣтился съ Громекою, авторомъ статьи о *полиціи* и о *взяткахъ*, и познакомился съ старикомъ Персидскимъ.

16 апрѣля.

Грицько Галаганъ пріѣхать проситъ, записать ему мой *Весенній вечеръ*. (1) Я охотно исполнилъ его желаніе, а онъ, чтобы не остаться у меня въ долгу, записалъ прекрасное стихотвореніе Хомякова. (2)

И. Н. Дзюбина познакомилъ я съ Семеномъ, а онъ, чтобы

---

(1) Садóкъ вишнéвий коло хáти, *и проч.*

(2) Тебя *(Россію)* избралъ *(Богъ)* на брань святую, *и проч.*

тоже не остаться въ долгу, вздумалъ попотчивать меня какимъ-то молодымъ генераломъ.

Вечеромъ Мей прислалъ мнѣ тотъ самый »Весенній вечеръ«, который я поутру записалъ для Галагана, въ русскомъ переводѣ собственнаго издѣлія. Спасибо ему.

ПЬЯНИ́ЦЯ.

(Съ записокъ юнкера.)

(*На-незабудь Ганні Петровні Хріновой*).

Пізно у-вечері увійшли ми у село и квартиргери заразъ розвели насъ по кватерамъ. Мені, наче на пеню, одвели найпоганійшу, я хочъ бувъ юнкеромъ.

У хаті, окромі батька, жило, якъ кажуть у казці, два сини розумни, а третій дурень. У кожного зъ розумнихъ було по три, чи по чотирі дитини, инши ревли на припечку, други пищали у колискахъ.

Тілько що я послався и бувъ задрімавъ трохи, якъ дурень почавъ кричати не своимъ гласомъ на усю хату, перебивъ мені сонъ, и я вже до світу не спавъ.

У-ранці пішовъ я до капитана и розсказавъ ёму свое горе.

Вінъ загадавъ мені йти до отамана, щобъ одвели мені иншу хату.

Прихожу до отамана. Вінъ сидить підпилий изъ якимъсь кумомъ; на столі пляшка и чарка, балакаютъ вони про насъ—москалівъ. »Принесла нечиста мати—каже отаманъ: то було клопітъ, а теперъ хочъ тікай світъ за очи. Правду у приказці кажуть: »тату, тату, лізе чортъ у хату!« Ледве по хатамъ розсажавъ, принайме хочъ теперъ оддишу.« Я не давъ доказати отаманові и потребовавъ, щобъ одвели мені иншу кватеру.

— Овва! бідна моя голівонька, —застогнавъ отаманъ:—тілько що надіявсь отдихати, ажъ изновъ лихо. Дежъ мені, паничу, знайти вамъ кватеру—скрізь москали.—Отаманъ узявсь обіручъ за голову.—Куме-Обраме, чи не нараявъ би ти: ихъ благородію кватеру треба. Вони у Селеха стоять, да тамъ чортъ дурня уплодивъ, — спати не дае.

Кумъ Обрамъ піднявъ голову, вирачивъ попереду на мене баньки, після почухавъ потилицю, трохи подумавъ и тогді сказавъ: »Постанови

іхъ, куме, у вдови, у Сохвиі, тамъ и хата простірна, и спокійно имъ буде«.

— Де вже то імъ у Сохвиі жити: у іі й курчати нема; имъ страву треба, а вона й сама мо зъ голоду опухла. Въ іі й хата три годи не мазата.

Я сказавъ, щобъ сімъ не клопотались, що я и хату причепурю и істиму свое, аби тілько не тіснота.

— Яка тамъ тіснота,—обізвавсь отаманъ:—хозяйка ніколи у хаті не сидить, волочитця усе; коли вамъ приварку не треба, то я заразъ и одведу васъ.

Привели мене отаманъ изъ кумомъ до Сохвиіної хати. Хата стоіть у кінці села, у садочку, біля іі нічого нема, ни хлівця, ни клунки, навітъ и воротъ у дворі. Отаманъ пхнувъ ногою у сінні двери. Двери були не замкнети. Ми увійшли у хату. Хата була велика, изъ кімнатою, тілко облуплена, чорна. Стола и ослона не було, обурени лавки лежали долі; на полиці ані горщечка, у вибити шибки понавісали вітки окациі и бузка.

— Хиба тутъ нихто не живе,—попитавъ я отамана.

— Ні, хозяйка есть,—такъ вона, бачте, пьяниця, все по шинкахъ, та по чужихъ хатахъ тягаетця, изъ такими жъ якъ сама, а іі хата пусткою стоіть.

— Ви, добродію, — додавъ кумъ-Обрамъ: — якъ стоятимете тутъ, то пильнуйте, щобъ вона изъ товаришками у васъ чого не вкрала.

— Пусте,—одказавъ я:—що́ въ мене вкрасти? Житиму тутъ; спасибі вамъ, що мені хоча спокійно буде.

Того жъ дня перенісъ я свою одежу на нову кватеру. Хозяйки ще не було. Я запаливъ люльку и сівъ у садочку на присьпі. Сівъ и задумавсь. Згадавъ я батька и матеръ, братівъ и сестеръ; якъ весело жилося дома, а тутъ я неначе у тюрмі, ні до кого й слова промовити. До капитана ходити шкода: вінъ дивитця якось неначе зъ неба, слово ласкаве скаже, неначе тій собаці скибку хліба кине. Сижу и сумую; не вгадавъ якъ и сонце зайшло и ватага мене усёго вкрила курявомъ. Скрізь по селу було чутно, якъ реве череда и якъ хозяйки зкликають скотину.

Тимъ часомъ щось забубоніло біля хати. Озірнувсь я: нашъ усатий ефрейторъ стоявъ підъ дверима обнявшись изъ якоюсь жінкою. Обидва ледве стояли на ногахъ.

Убачили вони мене. Ефрейторъ, хоча й бувъ пьяний, заразъ покинувъ молодицю и знявъ шапку.

— *Вы, ваше благородіе,* — почавъ вінъ, — *изволите здѣсь на квартерѣ стоять, а я пришелъ посмотрѣть, все ли исправно, чтобы шатанія какого, безобразія не произошло, пьянства всякого. Порядокъ, дисциплинное дѣло...*

— *Ступай домой.*

— *Я и пойду; вы, ваше благородіе, капитану не извольте сказывать: мнѣ самому какая охота таскаться, еслибъ не служба.*

Ефрейторъ хитаючись вийшовъ за ворота; а хозяйка полізла у хату. Вона навітъ и не попитала мене, черезъ що я въ ії хаті,—упала и захропла.

Живу я тиждень, живу й другий, по три дні не бачу хозяйки; якъ же прийде до дому, то або пьяна, або наведе изъ собою пьяниць непритореннихъ: гармидеръ, зикъ, галасъ, хочъ зъ хати тікай; та се ще нічого; а то инколи, якъ прийде сама, то доводитця тікати відъ ії, наче прегарному Іосифу відъ Пентефрихи. Добре що у мене була не египетська одежа, а солдацька шинеля.

Я привісивъ икъ кімнатьнімъ дверямъ замокъ и почавъ зачинятись відъ Сохвиі. Мені й дивитись було на ії гідко: разъ-у-разъ розхрістана, очипокъ на бакиръ, хустка, колись була чорна изъ габою, теперь стала руда, сорочка якъ у цигана-коваля, патли вісять, лице не вмите, шея, хочъ ріпу сій. Не легко було пізнати, скільки літъ хозяйці, по ії жовтому, худому виду. Тільки чорниі брови не злиняли, та темно-сині очи, якъ не були залити горілкою, пекли наче огнемъ, або дивились ласкаво и зъ любовью, и хиба тільки печаль, та мука, а не злоба, світилася въ іхъ.

Не разъ бачивъ я, якъ плакала нишкомъ Сохвия, а то було ухопить де-небудь чужу дитину, візьме ії на руки, цілуе, жалуе, пригортае, а слёзи тимъ часомъ зъ очей такъ и ринуть. Часто чула вона відъ людей насмішки, та доганки, а никого було не вилае,—мовчить и йде собі геть. Разъ якось увійшовъ я у хату, — бачу — сидить хозяйка на лаві коло вікна, дивитця у садочокъ и плаче.

— Чого ти плачешъ, Сохвие? спитавъ я. Такъ, нудно,— одказала вона, втираючи слёзи:—горілки душа бажае, а нема зá що купити, шинкарка на віру не дае, такъ и плачу.

Легко було постерегти, що не того плаче Сохвия.

— Оце такъ! —кажу,—черезъ се та плакати? постривай лишень, я заразъ унесу. Випьемо й повеселішаемъ.

— Чому не повеселішаю, якъ випью?

Я унісъ пляшку, чарку, насипавъ собі, випивъ трохи и піднісъ хозяйці повну чарку, трохи що не зъ осьмуху.

Вона випила її не по-жіночи,—прикоштовуючи, а однимъ замахомъ.

— Ось якъ у насъ пьють — по московски!

— Чого се ти плакала? скажи мені.

— Того, що мое життє гірке, то и плачу собі; якъ заплачу, або чарку — другу випью, то неначе й полехшае.

— Хиба мало кому життє гірке, та не всі жъ журятця якъ ти. Чого тобі треба? може я поражу, або пособлю чимъ небудь.

Сохвия не дала мені доказати:

— Инши не журятця такъ якъ я, бо вони мо зроду долі не мали, такъ и не звикли, а я... Хиба я такъ колись жила? Э, та що́ згадувати! не вернетця, тілько серцю важче буде. Теперъ, бачите, усі одпихнули мене відъ себе; усяке сміетця, лае, а за́ що? хиба я кому що зробила? никому не бажаю я лиха. Колись то було до кого пригорнутись мені, да бодай не було, мо бъ я счасливіша була: а теперъ що́ я?—пьяни́ця!

Сохвия випила ще дві чарки; тогді тілько навівъ я її на ладъ и ось що почувъ:

Матери я не зазнаю; кажуть, умерла вона того жъ дня, якъ мене породила; я у її ще перша дитина була. Цілий день лежала я негодована; тілько на другий день надумавсь батько, та й пішовъ до старого пана; хочъ козакамъ до ёго діла не було, а разъ-у-разъ за порадою ходили, бо панъ се любивъ; навчить було, якъ що зробить, та ще й чарку горілки піднесе. Якъ умеръ, такъ панськи люде раділи, а козаки усімъ селомъ ёго зъ церкви проводили, навітъ инши й плакали, бо багато пособлявъ вінъ козакамъ: кому грошей позичить, кому пропасницу прожене, кого зъ суду визволить. Добрий панъ бувъ: багато людей ёму дякуе... да бодай ёму підъ землею важко, — черезъ ёго я на світі живу, та муку терплю. Прийшовъ до ёго батько та й каже: »Ось така да така річъ: умре дитина безъ матки« —а панъ козу й подаровавъ. Тая гаспедова коза мене й вигодувала на горе, та на муку. Незабаромъ після матки вмеръ дідъ, а батько у-друге оженивсь, розледащівъ, кажуть—ёму такъ зроблено було,—почавъ тягатись такъ, якъ я грішна, та й вмеръ. Мені тогді десятий годъ пішовъ. У моеі мачухи дітей не було (теперъ за другимъ чоловікомъ—тожъ нема), до роботи вона не охоча—такъ було усе зо мною

граетця: уберe мене у квітки, або заплете якось чудно, посадить передъ собою на ослоні, дивитця та й сміетця: »чи знаешъ ти, дівко« каже було, »що якъ підростешъ, то гарнійшої надъ тебе у світі не буде« .Або пряде, та цілий день співае, та й голосъ у ії добрий бувъ, а я усе сижу та слухаю. То вона й каже: »ледащо зъ тебе буде! пряди, битиму« . Я було й питаю: за́ що жъ ти, мамо, битимешъ? Вона було й скаже: а же жъ мачухи разъ-у-разъ бьютця; такъ и мені треба робити, якъ люде« . Скаже се, та й засміетця. А ни разочку не била мене, така жалослива була. Попереводивъ батько худобу, зе́млі позаставлявъ, та й вмеръ. А тутъ ёго менша сестра заміжъ пішла. Мачуха тожъ. Тітка изъ чоловіkомъ и перебрались жити на батьківъ грунтъ, бо се материзна, такъ на тітку частка впадала.

Тітка не въ мачуху була. Почали у ії діти плодитись: та все якись плохи, разъ-у-разъ було-занедужае дитина, а далі и вмре. Нажила я клопітъ изъ імѝ. И по хозяйству за скотиною порайся и за дітьми; а зодягае тітка катъ-зна-якъ; зимою безъ чобітъ ходила. А я вже чи-мала стала, шоснадцятий годъ, чи що, пішовъ. Дядько Федько (матчинъ братъ) каже: »Якъ тобі, Сохвие, тітці дурно робити? тибъ лучше де нанялась.« Насіли на мене думки, та гадки; бачу що правду каже дядько, та не хочетця батьківський курінь кидати. Хочъ якъ важко дома, а сумно міжъ чужиі йти. Одначе довелось мені й наймицтва спитати. Попобйла якось тітка,— я у нашого дяка й нанялась. Два годи вибула я въ іхъ. Нічого казати, люде гарні були; да тільки отъ-що. Пряду, було, а дякъ сяде коло мене да співае, а я підсобляю; якъ же збрешу що, вінъ и довбне пучкою у голову,—такъ инколи якъ що черезъ ладъ мудре співае, такъ ажъ голова опухне. Колибъ не се, такъ усімъ би добре було. Отбула я два годи, де-що придбала и зновъ до-дому. Се чи не у мьясниці було; а у Петрівку вже зуспіла мене лихая година.

Ходила я по людяхъ заробляти: якось полю у Шевчихи на горо́ді,— (вона паньська жінка; а у насъ паньщане живуть округъ паньського двора; за ії типомъ и починалась паньска ливада: черезъ ворье перелізти, заразъ и въ ливаду.)

Полю та співаю. Бачу—щось ходить по ливаді; мені оддалікъ показалось неначе окономъ; того я кільки разівъ бачила, такъ я й не придивляюсь гараздъ. Зновъ нахилилась, та й полю; не вгадала, якъ воно икъ самому тину підійшло, та на ворьечку й сіло. Я співаю та й не бачу, що вінъ позаду сидить, а далі и озирнулась: хтось незнаёмий, паничъ; мені якось соромно стало, я нахилилась зновъ, та вже годі співати.

Вінъ и озвавсь; у мене ажъ у серці похолонуло.

— Чому се ти не співаешъ, — питае: мене злякалась? Ти гарно співаешъ; співай, я слухатиму.

Я мовчу та дріжу, сама не знаю чого.

— Ось яка лиха, — каже вінъ: — не хоче до мене слова промовити! хиба въ тебя язика нема?

Де й страхъ мій дівся. — Ні,—кажу—язикъ е, та що жъ я вамъ казатиму?

— А скажи жъ: чия ти?

— Батькова та матчина, — кажу, та думаю: »чого се вінъ до мене присіпався? чи не одвязне, якъ такъ одкажу.«

— Батька й матку якъ-небудь же звали? — каже вінъ.

— Батько, — кажу, — бувъ Яківъ, а мати Параска. (Збрехала: батька Левкомъ, а матку Марусею звали).

— Тебе жъ якъ зовуть? — питае вінъ, та неначе всміхаетця.

— Ось, — думаю, — нахаба... Солоха, — кажу.

— Де жъ ти живешъ?

Бачу, що не дурно вінъ питае про всячину, та й дивитця на мене, якось не звича́йне.

— Далеко, на самому краі, відці не видно,—одказала я, та знялась пішла не озираючись. Вінъ щось ще гукавъ, та я не чула.

Питаю у-вечорі Шевчиху, що се за панъ такий по ливаді похожавъ.

— Се, — каже,— нашъ паничъ; вінъ десь служить, такъ до-дому одпустили.

Минуло день десять; я й про панича и про наши баляки забула. А вінъ не забувъ! мабуть я ёму міцно підъ мислі підпала.

Живе у насъ на селі кравець Степанъ, панський чоловікъ; то все бідкався, та плакавъ, що істи нема чого; а якъ волю прочитали, такъ де въ ёго и гроши узялись: торгуе усячиною, неначе жидъ, людямъ гроши підъ заставу позичае, замісць своеі халупи, що мо десять годъ лисицями держалась, хати супротивні поставивъ, живе неначе купець, або панъ який, чай у-ранці и у-вечері пье; помошниківъ собі понаймавъ,—тиі на усіхъ панівъ, що округа живуть, шиють, а вінъ більшъ тілько порядкуе....

Степана сёго ще малимъ у панський двіръ узяли; бувъ вінъ довго тамъ у будинкахъ за попихача, а тогді и паничъ малимъ бувъ, оть вони игрались разомъ, неначе одного заводу; а туди далі, постерігъ старий панъ, що Степанъ балуетця, та й отдавъ ёго у науку, у Київъ, до кравця.

Повернувсь вінъ изъ Київа и зновъ у панському дворі живъ. Парубковавъ вінъ годівъ зо три. Що вінъ за се уремя дівчатъ поподуривъ: наданий на все бувъ, чи танцювати, чи на скрипці, чи на гармоні; пісні було усе якись кумедни, московські співае.

Дівчата було за имъ слідомъ бігають; а вінъ було до сирітъ, або до вбогихъ, и не кидаетця: »сі,—каже, мені й за вухомъ не сверблять, а хозяйська дочка хоча й нагодуе и настоиванки для мене вкраде. «Одна чумаківна такъ у его укохалась, що якъ батько не оддавъ за его, пішла та въ клуні на сволоку й завісилась; добре хоча у время отчепили, що не пропала.

Далі Степанъ оженивсь; а якъ старий панъ вмеръ, вінъ и перейшовъ на село, на батькивський грунтъ.

До сёго Степана и кинувсь паничъ. — Ти, — каже, — Степанъ, мені змалку товаришомъ бувъ, пособи у такій притузі; уподобавъ я дівку, — якъ би ii підманити?

— Яку жъ? — питае Степанъ.

Паничъ и каже:—Зовуть Солохою, батько Яківъ, мати Параска, живе на самому кінці села.

Думавъ, думавъ Степанъ: »не знаю, — каже, — такої; хиба чи не знае жінка.

Покликали й кравчиху, вона тожъ зъ дворокъ була, така жъ пронозувата, якъ и чоловікъ, неначе ихъ чортяка спаровавъ.

— Не знаю, — каже, — такої. Та де жъ ви ii бачили?

Паничъ и каже, що на Шевчисіному городі полола.

— Значить вбога, — каже Степанъ, — се намъ наручъ; та чия жъ вона? Думали-гадали вони зъ жінкою, ні якъ на мене не нападуть. А паничъ и каже: »якъ знаете, а щобъ довідались.

Якъ тутъ довідатись? Ажъ Степанъ надумавсь, та й каже жінці: Ось-що: сходи ти буцімъ то за якимъ діломъ до Шевчихи, та скажи, що руку забила, полоти нездужаешъ, нехай тобі половницю нарае.

Побігла кравчиха до Шевчихи:— Чи не бачила, тітко, моеі телиці, десь проклята забігла?

— Не бачила, — каже Шевчиха.

— Отъ лиха година! тутъ, бідна моя голівонька, зовсімъ нездужаю, бовдуръ мазала, та впала, забилась міцно и руками нічого робити не вгодна. Городъ чисто увесь зарісъ, треба половницю наняти, ніколи не наймала, а тутъ и бігати нездужаю. Ви, тітко, разъ-у-разъ наймаете, чи не нараяли бъ кого, хто добре поле? хоча бъ мені не клопотатись....

Шевчиха на мене и вказала.

— Хиба-жъ вона наймаетця? — питае Степаниха.

— Отъ-це въ мене, — каже Шевчиха, — на тому тижні, у пятницю, чи що, полола.

Степанисі тілько того й треба; подяковала, та заразъ изъ хати. Прібігла до дому, вже й одужала; а паничъ изъ Степаномъ дожидали.

— Вамъ, паничу, — каже, — дівка мабуть набрехала: у пятницю у Шевчихи полола не Солоха, а Сохвия Нестеренкова; ії батько Левко бувъ, вона сирота, въ ії ни батька, ни матки.

— Отъ, проклята, — каже паничъ: — одурила мене! що жъ, якъ ти, Надеждо, надіісся: можно підъ ії підійти, чи ні?

— И підъ чорта підійти можно, — озвавсь Иванъ: — кінь іногді який дикий, а обговтують.

— Кінь конемъ, — каже жінка, — а до дівки імъ добратись не легко: се не парубокъ.

— Кажи ти мені! *побачить пьятака, такъ схоче й не така;* а се: хозяйска дочка, чи що? наймичка, ій и Богъ загадуе.

— Не пьятака, — каже паничъ, — а пятдесятъ карбованцівъ дамъ, аби була моя.

— Підождіть трохи, — каже Степанъ: Надежда покличе ії завтра, а ви у-вечері навернітця, піднесемо ій горілки, та тоді гроши покажемо; мо й нашихъ рукъ не мине.

У-ранці, ще й череди не прогонили, прибігае до насъ Надежда: — приходь, — каже, — до мене полоти.

Мені, звісно, де не робить, то робить.

— Добре, кажу: прйиду.

Прийшла я до Надежди. Полемо; а вона цілий день мені теревені жене: якъ вона якусь панську дівку знала, що ії охвицеръ уподобавъ, викупивъ, велику за ії силу грошей давъ, а після й оженивсь; якъ вона панією приздила, у колясці, що попереду усі люді съ тоеі дівки сміялись, а після здивовались усі. Цілий день усячину мені росказувала. Страву таку наготовила, що хочъ би панамъ: борщъ изъ гускою, кашу зъ молокомъ, и по осьмусі передъ обідомъ випили.

Не вгадала я, якъ и осмеркло. А вечеря ще не поспіла. Задлялась я, вже зовсімъ темно, раталі зъ поля попріздили, вже й люде спати полягали, а ми ще не вечеряли. Я й кажу Степанисі:»не хочу вечеряти; пійду й такъ до-дому, бо вже не рано; тітка лаятиме, що задлялась.« Де вже я тебе безъ вечері пущу! — каже Степаниха, — щобъ собі довіч-

нёго осудку досягти. Нумъ вечеряти, а передъ вечерею випьемо, щобъ вечеря на душу йшла.

Винесла вона зъ комори пляшку випила чарку, піднесла чоловікові и мені. Покоштовала я — якась така смачна горілка, що я й зроду такої не пила. Посіли вечеряти, хозяйка ще силуе щобъ випила; я й випила чарки зо дві, а чоловікъ на двіръ вийшовъ. Чую, балякае зъ кімъ-сь, рипнулися дверима, уходить у хату и паничъ за нимъ. Я уся й похолонула. Вінъ усе изъ Степаномъ про якись підводи балякае, на мене й не дивитця. Думка така, мо й справді за якимъ діломъ забігъ, а далі озирнувся, та й каже: »здорова була, Солохо.« Надежда якъ зарегоче: »яка вона Солоха, вона Сохвия.« Паничъ до мене, а я на покуті, за столомъ, такъ мені и втікти не можна: »на віщо ти, — каже, — мене одурила«, та й обнявъ мене за шию, а Степана вже й вода вмила, тілько Надежда у хаті. Я посунулась, тремчу уся. »Се я, — кажу, — пошутковала, гетьте відъ мене, чого се ви пристали.« Вінъ ще ближче пригортаетця; а Надежда тимъ часомъ зъ хати. Я й почала плакати, та кричу: »Куди се ти, Надеждо, се ти мене на безумме підвела« а паничъ тілько цілуе мене, та каже: »годі тобі ревти, бери скільки хочешъ«, — та тиче мені у руки гроши: »тілько не кричи«. Я одипхнула ёго, та зъ хати; ажъ Надежда у сіняхъ мене за руку: »Не тікай, дурна! Вінъ тобі що схочешъ дасть, богатирка будешъ.« »Нехай тобі й дае, — кажу, — коли ти охотниця«; зъ сінець вискочила, та й герсóнула до-дому.

Прибігла я до дому, чи жива, чи мертва, та никому й не кажу, щобъ не сміялись.

Такъ, днівъ черезъ три, приходить Степанъ до дядька — а дядько Охрімъ (тітчинъ чоловікъ) стрілець бувъ — и кличе ёго, щобъ у-ранці у трохъ изъ паничемъ на охоту йти. Мій дядько й пішовъ. Якъ почалась ся охота, такъ дядько и хозяйство занехаівъ, дарма що дільне уремья було. Положивъ ёму паничъ у день два восьмигривенники, щобъ ходивъ на охоту, а Степанові трояка, бо той багато кравецтвомъ зароблявъ. У день стріляють, та по болотахъ ходять, а у вечері до Степана, та тамъ пьють; дядько мало й до-дому навертався; туди далі и закликавъ дядько до себе панича изъ Степаномъ. Я саме вечеряла изъ тіткою, — чуемо граютъ на скрипці, та на сопілці на улиці; вихожу на двіръ визирнути, ажъ то вони. Дядько мене и вбачивъ, годі грати на сопілці, витягъ зъ кешені гроші. »Біжи, каже, швидче за горілкою.« Я й побігла. Прихожу: ажъ паничъ за столомъ, Степанъ біля ёго, грае на скрипці, а дядько співае, дядько вже пьяненький, а вони тверези; паничъ на мене й не дивитця,

наче зроду не бачивъ; Степанъ тожъ не озиваетця, тілько разъ всміхнувсь; тутъ ще сосіди, Чорногубенки, пришли; гуляли цілу ночъ. Паничъ изъ Степаномъ до горілки не ласи, такъ и не понапивались, а дядько и Чорногубенки до півдня спали. Я й не бачила, якъ вони пили, бо якъ тілько принесла горілку, заразъ и втікла у комору, двери зачинила и дрючкомъ підперла зъ середини.

Зъ сёго часу почалась у насъ гульня. Що-вечора дядько и сусіди понапиваютця, а паничъ сидить, іхъ теревені, та співи слухае, а до мене й не озиваетця, бо якъ вони прийдуть, я заразъ у комору, тамечка лежу та слухаю, и весело, що музика грае, и не бійзко. Настали жнива; тітка и каже чоловікові: се ти й теперечка такъ питимешъ? багато жъ у насъ хліба буде, я нездужаю (а вона усе було кахи-кахи, та на бікъ жалілася), а ти тожъ гулятимешъ. Дядько и розлютовавсь: »ти мені будешъ указовати«; мо бъ и бивъ жінку, такъ побоявсь що недужа. У-вечорі приходить паничъ, тітка почала ёго прохати, щобъ одпустивъ чоловіка на жнива, наче дядько вже панський ставъ. Паничъ каже »добре«; а на другий день який-сь празничокъ бувъ, економъ и поскликавъ людей на толоку, поприходили поспілъ панськи изъ козаками. Почастували іхъ, якъ треба; отъ люде й питають: »де жъ жатимемъ«, а Степанъ тожъ тужъ. Вінъ и каже: »де загадаю, тамъ и жатимете«. Вже вінъ за старшого встраився. Повели людей, да й постановили на нашому полі. Люде й кажуть: »се не панське«, та дивуютця, що́ за знакъ. Степанъ зновъ каже: »яке ваше діло, жніть!« Увъ одинъ день угоріла наша нива, кінъ більшъ ніжъ на тридцять нажали, дядько тілько своімъ скотомъ поперевозивъ.

Такимъ побитомъ, не виводитця у насъ гульня. Хотівъ дядько йти на лугъ сіна заробляти, бо въ насъ сінокосівъ не було,—такъ паничъ и сіно подарувавъ:—аби ти—каже,—тілько відъ охоти не одмагавсь;—а у дядька и у самого жижки дріжать на охоту йти.

Нема одначе паничеві ни якоі користи, бо я усе ховалась: паничъ изъ Степаномъ у хату—я въ комору. Такъ и тутъ надумались! Була у дядька Охріма сестра Стеха, дівка вже дохожала, тілько поганкува́та, и до роботи лінива, такъ іі й не сватано. То, було, ся Стеха коли-не коли до насъ зайде, а якъ почавъ паничъ вчащати, такъ и вона усе було бігае; а въ суботу, та у неділю зъ улиці зо мною и йде до брата ночувати. Прийдемо, а тутъ саме гульня: Степанъ грае, дядько співае, або скаче, и сосіди поприходять, тожъ усячину виробляють. Степанъ вже й пильнуе, якъ прйдемо, заразъ и кличе насъ у хату. Якъ би я сама, то й не пішлабъ, а то Стеха тягне: »ходімъ та ходімъ:—хиба́ вони намъ що

зроблють? повна хата людей, а ти боісся.—Сидимо було й ми; попереду мене усе страхъ ошибавъ, а далі Стеха було почне співати й я пособляю; а паничъ до мене й не озиваетця, инколи пожартуе изъ Стехою, а мене буцімъ то й не бачить. Розийдетця капелля, я зъ Стехою и поляжу у коморі. Вона усе було про панича заводить баляки:—що,—питае,—якъ би парубокъ такий гарний бувъ, чи бъ пішла за ёго, Сохвие?—Мені не вдогадъ, що вона намовлена.—Чому,—кажу,—не пішла бъ? у насъ парубківъ такихъ и въ заводі нема.—Мало-що, було, про панича балакаемо: таки правди не заховаешъ, уподобала я ёго. Пошибае, було, думка думку: то хочешъ, щобъ не ходивъ більшъ, а то було, якъ днівъ два не прийде, мені й нудно: »колибъ сёгодні пришовъ; чого мені у своій хаті боятись, хиба вінъ мені щó зробить? коли вже у Степана у рукахъ була, та й то одпустивъ.

Кажу вамъ, що вінъ до мене ціле літо не касавсь; тілько якось у сіняхъ стрілись, такъ поціловавъ двійчі, та и се не въ дивовижу, бо вінъ изъ Стехою разъ-у-разъ ціловавсь. Що изъ Стехою балякаемо, вона заразъ Степанові й донесе. Недурно я разъ запримітила, що Стеха у церкві у шовковій хустці була. Питаю ii:—де ти узяла?—Вона й каже:—у Кобзаряхъ жінка якась стару продавала, у мене три восьмигривенники було, я й купила,—а я добре постерігла, що хустка не стара, а нова, та усе не вдогадъ мені.

Минула перша Пречиста, и Семенъ, и друга Пречиста, а у насъ гульня невиводня. Вже й холодно стало, почала я у хаті спати. Приходить якось у-вечері паничъ, и Степанъ, звісно вже, изъ імъ. Стеха тожъ тутъ. Випили по чарці, підносять и мені;—я одмагаюсь; ні,—кажуть,—сёгодні тобі треба випить, сёгодні, Сохвия—твоі имянини.—Пристали, мусила и я пити. Чи-мало випили за сю нічъ, тілько паничъ не багато пивъ, та я постерігалась. Стеха до дому пішла, та не знаю чи долізла, мо на дорозі ночувала. Степанъ тожъ не знать де дівсь, може и справді впився, бо багато вінъ випивъ, а може й потатурився, ёго не розберешъ, дуже ехидний чоловікъ бувъ. Дядько, я добре знаю, що пьяний бувъ, бо упавъ у кімнаті, долі, та й захрівъ. Тітка, хочъ не пьяна та недужа, тожъ на печі заснула. А на дворі дорщъ такий пірить, не доведи Господи.—Ідіть до дому,—кажу я паничеві,—бачите усі поснули.—Вінъ надівъ шапку, та й каже:—пійду, тілько поцілуемось на дорогу.—Тікати нема куди,—мусила я зъ імъ пицілуватись. Вийшовъ вінъ изъ хати, я почала слатись, а губи ажъ щемлять: такъ міцно поцілувались. Чую, ажъ винъ озиваетця:—Нема въ тебе Бога, Сохвие! отчини, увесь мок-

рий. — Такъ идіть, — кажу, — швидче до-дому. — Якъ не одчинишъ, то тутъ, — каже, — цілу нічъ стоятиму. Отчинила я сіни, та швидче у хату, вінъ за мною, а я безъ хустки и безъ корсета. Сівъ вінъ біля мене та й пригорнувъ мене до себе.

Я не одсовуюсь, чую що на печі тітка соне́.

— Така-то ти добра, — каже вінъ, — и у хату упустити не хотіла... хиба ти не знаешъ, яку черезъ тебе я терплю муку.

— Яку? — питаю я.

— А ся охота — хиба не мука, а се пьянство, ся тяганина, — усе для того, щобъ тілько побачить тебе, щобъ хочъ слово відъ тебе почути.

— Хиба жъ я вамъ велю, — одказала я.

— Ти не велишъ, та що жъ мені робити, коли тілько й думки, що про тебе: — цілий день, цілу нічь, стоішъ ти передъ очима.

Серце у мене якъ не вискочить, и бійзко и якось весело, и неначе плакати хочетця, бо вінъ у мене вже давно зъ думки не сходивъ.

— Люби мене хочъ трошечки, хочъ десяту частину якъ я тебе кохаю, — каже вінъ, та цілуе мене и у голову и въ плечи и у руки, та неначе огнемъ пече тими поцілунками.

— Що-жъ — кажу я — буде зъ того кохання? ви панъ, я проста, ви розумни, я дурна, — тікайте відъ мене, Богомъ прошу васъ тікайте, не зводте мене зъ розуму, я сирота, не губіть моеі души.

Не знаю, де у мене сила узялась се вимовити, бо приміла бъ устала увійшла у кімнату, — такъ не могу: наче мене щось ланцюгомъ до ёго приковало. Почала я плакати, а вінъ ще горій цілуе, пригортуе: — любитиму тебе — каже — до-віку, що загадаешъ робитиму.

Съ того часу стала я панською полюбовницею.

Отъ-що мені й досі чудно: у-ранці устала я, и нема у мене журби ни якоі: то було и боюсь, и тікаю, и тремчу уся, якъ вінъ прийде, а то не жаль мені и дівования мого, — тілько й думки, колибъ вечоръ, колибъ скорішъ ёго побачити.

Довго нихто не знавъ про насъ. Паничъ не такъ часто почавъ до дядька ходити, бо я що-ночи до ёго виходила. Надіну хутрянку, вийду, сядемо у садочку, та й просидимо цілу нічъ.

Тоді саме хвістата зірка на небі проявилась, — сама маленька, якъ и инши зірки, а хвістъ широкий та довгий, простягсь черезъ усе небо.

Було питала ёго, що се за зірка така, а вінъ усе було дурить. »Се — каже — вона, мабуть, провиноватилась, такъ ій хвістъ и почепили, нехай тягае.

Перша тітка дозналася про мое безчестє, бо нічъ не сплю, такъ цілий день и куняю; а далі Степанъ пробрехавсь якось Стесі, а та по цілому селу рознесла:—у її чи не було думки, щобъ самій изъ паничемъ зазнатись.

Та й безъ того — де вже у людей вкрасти?

Тільки и балівъ на селі, що про мене, безщастну: де йду, усі неначе за відмедемъ слідомъ біжать,—та мені що́ до іхъ? байдуже! мені тілько аби вінъ у-вечері прийшовъ.

Тітка було усе мені очи паничемъ довбе, такъ уже дядько оступившсь, настрахавъ ії. — Колибъ, — каже, — я дівкою бувъ, я бъ самъ поступивъ для такого пана.« —Вінъ такъ панича уподобавъ, що колибъ паничъ загадавъ у пельку лізти, мо бъ и полізъ.

Осень—весілля, а я й по вессіллямъ не хожу; цілий день місця собі не найду и прясти не хочетця, шити тожъ: вінъ зъ думки не сходить. Настае вечоръ, я вже у квартирку й визираю. Рипнутця ворота, вибіжу: вінъ. Хутко минула и Пилипівка и Різдтво й мясниці, я й не вгадала якъ наставъ великий пістъ; весело мені було се времья,—що́ вечоръ вінъ біля мене, та й любивъ таки вінъ мене, дуже любивъ. Навезе було мені усякихъ подарунківъ, гостинцівъ: —я, — кажу, — тобі не продалась, на́ що ти мені се надававъ? гріхъ мені буде за сей скупъ: вічно на тімъ світі вінъ передъ душею стоятиме.

— Що, — откаже вінъ,—сі гостинці? Я бъ душу свою винявъ, та 'давъ тобі.

Думала я, дурна, що й до-віку такъ буде, що до-віку будемо у ночі сходитись; що кінця нашому коханню не буде.

У нстъ постерігла я, що не той вінъ ставъ. То, було, цілу нічъ зо мною просидить, а то почавъ приходити неначе на панщину,—заразъ и тікае.

— Ніколи, — каже: — засплю, а въ мене гості. — Далі и зовсімъ мало почавъ навертатись. Зразу я усе плакала, бо вже почуло серце, що наставъ конець мойму щастю. Недурно кажуть: *Панськее кохание—гірке горюванне*. Що я попоплакала! и не перелічишъ того, а далі вже й слізъ не стало; бігаю по хаті неначе божевільна: — колибъ вечіръ, колибъ швидче, мо прийде; — тоді-то й зазналась я изъ сімъ скляннимъ богомъ... нового коханка собі знайшла. Не сплю, було, цілу нічъ, думаю: мо въ ёго гості, нерано прийде,—усе сама себе дурю; засвітить тітка на досвітки; а я усе дожидаю; а якъ уже розсвяне, то випью зъ-дебела на самоті та й сплю до вечора.

Прийде вінъ; де те й горе, де ті слёзи подінутця!—знов повеселію, знов така думка, щобъ або вмерти, або бігти за імъ на край світа.

Настала весна — Великъ-день; почавъ вінъ що-дня ходити: — у пістъ, — каже, — черезъ грязюку нечасто ходивъ. — Такъ-то вінъ любивъ мене!.. я бъ до ёго, колибъ тре́ба, черезъ пекло пішла, а ёго грязюка не пускала. Та й ставъ не такий вже вінъ, якъ спершу бувъ, надокучила я ёму.

На хоминому тижні, зовсімъ не ставъ ходити вінъ; нема одну нічъ, нема й другу, и третту, и четверту, и пьяту, мо бъ я й вмерла зъ жалю, або втопилась, — тілько ча́рка и держала на світі.

Не втерпіла: побігла у панський двіръ; біжу наче скаженна, того й не бачу, що усі зъ мене регочуть; була бъ на впростець у будинки ускочила, такъ лакей не пустивъ. — Куди ти, — каже, — лізешъ тутъ и пани и панночки.

— Де вінъ, — питаю: — ёго хочу побачити! — Постерігъ лакей, що я зъ глузду зъіхала. Покликавъ пана.

Ажъ злякавсь вінъ, якъ подививсь на мене: така я страшна за сі дні стала.

— Иди, — каже — до-дому; у ночі безперемінно буду. —Поціловавъ мене: — иди, — каже, — иди; негарно, якъ тебе моі родичи побачуть. Мені соромъ буде.

Ёму соромъ, ёму! А у мене жъ хиба душа не людська, не однака? Мо й ще чистійша:—не я ёго, вінъ мене зъ розуму звівъ! Ему соромъ! вінъ же парубокъ, панъ, багатий! Що ёму до людей? не вінъ до іхъ, вони до ёго горнутимутця, ще й похвалють за те, що загуби́въ вінъ вікъ дівочий! Не я перша, не я остання. Мені якъ було дивитись людямъ у вічи? Мені, бакъ, и сорому нема! Де той со́ромъ у мужички візьметця? Ій—що́! Вона и у-день побіжить у панськи будинки. Соромъ ёму!.. хиба за те, що я ёму отдала свою душу, що вподобала ёго... а більшъ який же відъ мене ёму соромъ?

У Сохвиі — заблищали, очи неподобно гарна була вона теперъ. Вона узяла пляшку, сама насипала чарку и випила. — Се въ мене теперь таки думки, бо ажъ за сердце бере, якъ згадаю, а тоді я зраділа, що побачила, що ёму ничого не сталось, що прийде у-вечері.

Надъ-вечіръ тітка и дядько поіхали у Кобзарі до родичівъ. Зосталась я сама, сижу, та усе визираю. Ажъ иде вінъ.

Вискочила я до ёго, обняла ёго, та й зомліла на ши́і.

Сівъ вінъ, та щось невеселий, понурий.

— Чи знаешъ, Сохвие, що я робивъ сі дні?

— А що? — питаю.

— Усе у карти гравъ, на твое щасте ось скілько вийгравъ — поховай!

Витягъ вінъ изъ кешені два папірчики, абидва новюсенькиі, и на обохъ неначе веселка намулёвана. Я не хочу брати.

— Бери, — каже: — колибъ я бувъ проигравъ, то бъ узявъ твою хутрянку та й заставивъ. Витягъ вінъ у мене зъ кешені ключъ, одчинивъ мою скриньку, та й поховавъ туди гроши. Неначе шуткуе, та сміетця, а я бачу, що щось важке у ёго на серці.

Питаю ёго: чому се ти такий невеселий?—Помовчавъ вінъ трохи, а далі й каже: — Ой, не казавъ би тобі, та треба; нема що робити, ніде правди діти. Іду я.

— Такъ що, — кажу, (а серце якъ не вискочить),—забери и мене зъ собою.

— Не можно, — каже, — іду на войну, а тамъ жінокъ и дівчатъ не приймають.

Я такъ и остовбіла, — не можу й слова промовити.

Почавъ вінъ мене ціловати, а самъ плаче такъ гірко: — Ще не заразъ, — каже, — поіду; не журись бо. Не нуди серця. Якъ журитись, випьемо лучче по чарці.

Присиловавъ вінъ мене; я випила и очуняла.

— Слухай,—каже вінъ,—Сохвие, що я казатиму. Знаешъ ти Остапа Пилипенка? вінъ тебе свататиме. Иди за ёго. Парубокъ вінъ плохий, хозяйстливий, не докорятиме вінъ тобі;—буде у васъ и худоба и діти. Житимешъ, якъ и люде. Не журись!

Сей Остапъ, ще якъ я изъ паничемъ не зналась, думавъ мене сватати. На улиці такъ було до мене й вьязне.

— Ні,—кажу,—не жити мені на сёму світі, коли ти мене покидаешъ!

Злякавсь вінъ; а въ мене така гадка була, що або завіситись, або втопитись. Постирігъ вінъ, що въ мене на думці, бо почавъ мене частувати, и самъ пье, якъ я й зроду не бачила. Начастувались ми такъ, що й поснули. У-ранці прііхавъ дядько; побудили насъ. Паничъ покликавъ тітку у сіни, побалякавъ щось изъ ею; почала й тітка мене всовіщати. А дядько мовчить, тілько люльку смалить. Горілка тимъ часомъ бреде, та бреде. Тутъ ще й дядина пришла Федчиха, а потімъ и дядько. Напались на мене, заторопили зовсімъ, а тутъ ще й у голові шумить. — Добре, — кажу, — пійду.

Дядина заразъ изъ хати. А вже перано, темно. Чую—ажъ старости озиваютця. Паничъ вийшовъ на задвірокъ. Увійшли старости, почали свої речі, далі и присіпались: давай рушники, та й годі. Не знаю вже, якъ я тиі рушники подавала, пьяна трохи була. Поскликали родичівъ, запили могоричъ, поросходились, а паничъ усе на задворку. Побігла я до ёго, почавъ вінъ мені дяковати, цілуе, пригортае мене: — ти — каже, — мою душу ослобонила.

Се у неділю було, а у середу повінчали насъ, бо пінъ одіздивъ кудись...

До самого дівчь-вечора я зъ горілки не виходила, бо паничъ усе у нашій хаті сидівъ, на часъ до-дому навернетця, та й зновъ до мене. Дядина, та дядько тожъ зъ нашоі хати не виходили, усе боялись, щобъ я не одкинулась. Думали — аби повінчати, то вже я мушу щасливою бути.

Повінчали насъ; пішла я по дружкамъ. Подивлюсь я на свого молодого: вінъ и молодий бувъ и неначе й гарний, та якъ згадаю панича, серце якъ не перверетця; а тутъ дружки частують; ажъ теперъ соромно—у вечері корогвай ділять, а я препьяненна за столомъ сижу, тілько куняю. Се така молода чесна!... Перейшла я жити до тестя. Нудно мені; тілько якъ побіжу у шинкъ, та стебону, то й повеселію. Що мене тесть усовіщавъ и бивъ, лае було разъ-у-разъ, зовиці зъ мене сміютця, паничемъ докоряють и чоловіку моёму очи довбуть; тілько вінъ, бідолашний, було й не сміетця зъ мене, убачить, що я плачу: — годі тобі, — каже, — Сохвие, плакати: горюваннемъ старого не вернешъ; покинь, моя голубко, горілку пити; се на тебе й нудьга зъ похмілля насідае; погано такъ робити, люде сміютця.—А я й не дивлюсь на ёго. Зарідае було, сердега, а я ще й радію: не я одна, — думаю, — у світі безталанна. Такъ я ёго зненавиділа, гідко й дивитись на ёго. Увъ осені вмерла тітка. Перебрались ми на батьківъ курінь. Тутъ мені воля настала, нихто мені не вказъ. Чоловіка я й ухомъ не вела. Занедужавъ вінъ, пропасницця, чи що, приключилась, а далі такъ рознемігся, що и не встае вже, —стогне. — Ось, —думаю, —слухатиму, якъ ти стогнатимешъ. Одяглась, гроши яки були узяла, та зъ хати. — Куди се ти, Сохвие? — озвавсь вінъ: — не кидай бо мене самого; якъ идешъ, то хочъ сестру покличъ. — Я не слухаю, та зъ хати, — понесе мене чортяка твого гаспедового батька, — щобъ лаявсь.

Тоді саме у Кобзаряхъ храмъ бувъ, Микола. Гуляю я на храму, ночую у накритки знаёмоі, а про чоловіка и гадки нема.

На четвертий день, чи що, прихожу до-дому, ажъ вінъ на печі замерзъ: наче залізний ставъ.

Поховала я чоловіка, та зъ того часу и живу такъ, якъ бачите.

— Щожъ изъ паничемъ сталось? — попитавъ я.

— Приздивъ вінъ торікъ изъ жінкою. Бачить я ёго не бачила, бо зновъ кудись поіхавъ; грошей мені Степаномъ передавъ, та я садъ застаила, отъ-сей, такъ викупиввъ.

Сохвия вмовкла. Я задумась.

— Э! годі намъ журитись, та старе згадувати; випьемо, паничу! насипайте лишень.

Та по чароцці,
Та по пароцці,
Та по стакану́,
Щобъ наша душенька стала на стану!

Заспівала Сохвия, насипаючи сама собі чарку.

Митро́ Олелькович ъ.

6-го Лютого, 1862 року.

ПТАШИ́НА ПІСНЯ.

(Зъ Андерсона).

Увъ одному́ вели́кому го́роді, въ тіснімъ муро́ванімъ острозі, зда́вня сидівъ непра́вди́ве осу́жений чоловікъ. Лихи́ лю́де зака́нули ёго́ въ куну́, та ще й закленцёва́ли въ кайда́ни.

Остро́гъ той, звісно, бувъ пліснявий, темний и холо́дний. За́мість посте́лі, дали́ сіро́мі оберемочокъ гнилóі соло́ми и годова́ли ёго́ хлібомъ та водо́ю. Бага́то ро́ківъ отта́кеньки вінъ ви́сидівъ; нудьга́ знівечила чоловіка — ставъ бліди́й, хістки́й и неду́жий. Якъ на те́, и со́нце на́че забу́ло его́ — коли́-не-коли́, оце́, гледи́, зазирне́ на хвили́нку, крузъ залізни шта́би, у те́е вікóнечко, та чімъ-дужъ и тікае; свіжий вітере́ць тежъ бувъ не захо́дний до остро́гу,—ча́сомъ духъ займа́ло у живóі души́.

Су́мно, су́мно робилось тому́ чоловіку, якъ було́ згада́е про ро́дичівъ своіхъ лю́бихъ та щи́рихъ, про діточо́къ кохáнихъ: — забу́ли вони́ мене́, ду́ма собі, а мо вже й лічять уме́рлимъ... И холо́дни слёзи тихе́нько коти́лись на сиру́ долівку. Що-то діетця на світі? Що-то діетця на доли́вці?!

Отаке згадуючи, підступи́въ вінъ одного́ ра́зу до свого еди́ного вікóнця. На дво́рі почина́ло вечорíти; со́нечко саме хова́лось за дале́кий гаёкъ, и черво́нимъ промінням облива́ло ёго́ вершéчки; люде снова́лись по ву́лиці: инший іхавъ, и́нший йшовъ — кому́ якъ припа́ло. Остро́гъ міститься на висóкимъ шпилі — и лю́де здава́лись мале́ньки́ми. Го́лосно обізва́вся невóльникъ до во́льного лю́ду, та тільки ті лю́де ёго не почу́ли. Въ блакітнімъ не́бі гра́ли уся́ки пти́ці, и на той часъ, передъ са́мимъ вікно́мъ, роспла́тавшись на крилахъ, пливъ оре́лъ.

— Орле, о́рле, — гукну́въ невóльникъ: — сядь на моé вікóнце, та роскажи́, що́ діетця на землі, — проспівай мені свою́ пісню!

— Шкода́, одказа́въ оре́лъ: вікóнце твоé дýже малé проти мéне, нігде менí помістúтись. А що витворя́ють на землі, не менé питáй: я рíдко спускáюсь на зéмлю; гніздó свое мощý на велúкихъ скéляхъ, на крýчахъ страшéнныхъ, и на старúхъ помóрхлихъ дубáхъ, — мощу я геть-геть вíдъ лю́ду, бо въ іхъ пага́ний звúчай — у чужій хáті господарюва́ти; и пісні тобі не заспіва́ю: ти на землі, а я за-для пісні підно́шусь въ незгрунто́ване нéбо, и мене слýха одно вічне со́нце...:

И на широ́кихъ крúлахъ оре́лъ піднявся вúсоко–вúсоко и вгоря́хъ зникъ изъ очéй.

Ажъ ось и лéбідь нагодúвся.

— Ле́бедю, ле́бедю! розкажи́ менí, що дíетця на землі, — проспіва́й менí свою́ пісню!

— Шкода́! —одказавъ ле́бедь:—не менí розка́зувати про зе́млю: вода́ чúста, пого́жа, у зелéнихъ очерета́хъ, вúростила мéне, вона́ моя́ хáта, вона́ моé по́ле; я раннім ра́нкомъ, якъ займа́етця свíтъ и вода починáе жéвріти, го́лосно грего́чу свíту на добри́день; не заспіва́ю тобі й пісні, бо моя́ пісня не розва́жить твоéі ту́ги: я співа́тиму іі собі, въ оста́нній часъ мого́ вікова́ння....

И ле́бедь попрямова́въ до рідного ста́ву; тільки ви́дко було́, якъ ся́ли ёго́ бíлі кри́ла.

Зашумівъ табу́нъ горобцівъ.

— Горо́бчики, горобчики! сядте на вікóнце, та розкажíть менí, що́ дíетця на землі; а коли́ — то й пíсні заспіва́йте!

— Чижúвъ, чижúвъ! ось на́ша пісня... чижúвъ, чижúвъ, намъ нíколи й сíéі співáти: намъ ще трéба позбірáти зернятка, котрі мірóшникъ нéхотя россúпавъ.

И шугну́ли — немóвъ іхъ и не було́.

Ажъ ось, зне́тельки, шу́рхнула малéнька сіренька пта́шка, майну́ла разівъ кíлька біля вікóнця, и сіла на залíзній крáті.

— Здоро́въ, соловéйку! Спасúбі, що хочъ ти одвідуешъ менé; заспіва́й менí, дру́же, пíсні: неха́й же я почу́ю що́ дíетця на землі!

— До́бре, бра́те, я заспіва́ю тобі що́ дíетця на землі, —почáвъ соловéйко; и пісня ёго́ розлилáсь на-округи́ и досягла́ до го́ремъ-уби́того се́рця; невóльникъ запла́кавъ—да вже тúми слізьми, котри́ зогріва́ють душу; упáвъ на соло́му — и все пла́кавъ и все слу́хавъ.

Ось-що співáвъ соловéйко:

»Свíтомъ-ране́нько було свіжéнько; я прилетівъ у твій садóчокъ, сівъ проти розчúненого вікóнця на зеленíй калúні, и все співáвъ и співáвъ.

Ба́чивъ я, якъ у коли́сці спавъ твій хло́пчикъ; делі вінъ проки́нувся, згля́нувъ на ме́не своіми ка́рими очи́цями, и, слу́хаючи мою́ пісню, спита́въ — де та́то, де́ та́то?

»Зга́дують тебе́ твоі ро́дичі; гли́боко імъ въ се́рце запа́ла твоя́ нево́ля; вони́ люблять тебе, й якъ лю́блять! Въ іхъ тільки й ду́мки, я́къ-би то тебе́ поба́чить. Не подава́йся! — Бо́гу звісно, що ти неви́нний и ху́тко тебе́ ви́зволять твоі жъ-таки здра́йці; и ти знова ви́йдешъ на во́льную во́лю, и лю́де зно́въ тебе́ при́ймуть до своéі ха́ти.

»Дітки твоі тебе́ приголу́блять... и ти́химъ га́рнимъ лі́тнімъ ве́чоромъ, сидючи́ на рундучку́, ти розка́зуватемешъ дітямъ про свою́ неволю; а оста́нній про́мінь со́нця пильно згляне на те́бе и розва́жить твоі ду́ми.

»За до́вги зі́мні вечори́ ти на́вчишъ іхъ не попуска́ти лихи́мъ лю́дямъ лихо ко́іти, на́вчишъ проси́ть Бо́га, щобъ наверну́въ іхъ на до́брий пу́ть, и щобъ усі лю́де коха́лись, якъ брати́ рідни.

»Діти послу́хають тебе́, и якъ повироста́ють — и що́ то за га́рні лю́де ви́йдуть: сироти зна́йдуть приту́локъ въ іхъ ха́ті, голо́дні зна́йдуть хлібъ и до хліба.

»И до́вго, до́вго жи́тимешъ ти на сві́ті, и неразъ твое́ се́рце затёхка, дивлючи́сь на но́вий наща́докъ; — голова́ твоя́ побілі́е, а на душі буде весело й я́сно.

»Якъ умре́шъ ти—не одно́ се́рце запла́че по тобі и помо́литця по душі твоій; однесу́ть тебе́ на зеле́не гробови́ще, и у той день не́бо розкри́етця, и со́нечко засся́е, щобъ въ оста́нній разъ гля́нуть на те́бе.

»Моги́лу твою усте́лють квіти; у голова́хъ зацвіту́ть васи́льки, гвозди́чки, чебре́ць, нагідки́; у нога́хъ зазеленіе зеле́ний барвінокъ; хрестъ опови́ють роже́ві кущі, а я співа́тиму на твоій моги́лі....«

Л. Ященко.

ЗЪ НАРОДНІХЪ УСТЪ.

I.

ДВА БРАТИ.

У багатого пана було двое синівъ. Старшенький удався собі тихий, слухняний, все за книжкою сидівъ, а меньшеньке,—таке вродилось швидке́, шаловливе,—тільки ёму й діла, що гаса́ було по госпо́ді, шпурляе каміннямъ та собакъ бье. Разъ, иде старець побиля двору, въ сімряжці, а меньшенький паничъ вихопивсь на вулицю и давай цьковать ёго собаками. Ну, сказано, собака и на владику бреше; отъ вони й рвуть, а старець уговорюе панича: »гріхъ тобі«, каже, »си́нку, згнущатись надъ старими людьми; за се«, каже, »Богъ тебе покарае!« А паничъ ще́ гіршъ цькуе и язикъ ёму висолоплюе, такъ-що старець годі вже поучати, та скорішъ на втікача. Розсердився той старець на меньшенького панича, та заразъ святому Петру и пожалівся: »святий Петре«, каже: »покарай ёго за мене, щобъ вінъ, ледащо, десятому заказавъ, якъ цьковать старихъ людей собаками!« А Петро й каже: »добре, тільки не заразъ; теперъ воно ще дурне́ хлопья, не зрозуміе тиі й кари; а отъ, якъ виросте, то вже хиба тогді.«

Повиростали паничі, а тамъ, якъ померъ батько, то вони поділились худобою, поженились, и сами стали жить панами. Старшому Богъ у всёму помагае: посіе пшеницю, то вона виросте заввишки зъ чоловіка, и по четверті зъ копи зерна дасть; а у меньшого—або градомъ вибье, або оврахъ понівичить. Старший збудовавъ караванъ, и жене таку горілку, що люде зо всіхъ слобідъ ідуть до ёго куповати, а у меньшого така смердюча, що й до носа ніхто не донесе. У ста́ршого степи вкриті гуртами, отара-

ми, табунами, а у меньшого усе видохло и перевелось на нівіщо. Тільки й дае ёму Господь діточокъ: що рóкъ, то й пророкъ; народилось іхъ зъ пятнадцятеро. Старший братъ и негадки собі, лежить, та загріба гроши лопатою: усе ёму Богъ дае; а меньший працюе, якъ риба объ лідъ побиваетця, а нічого не вдіе, ні въ чому нема ёму таланý. Все спродавъ, щó въ ёго було: и степи зъ хуторами, и гаі, и такъ знищавъ, що нема въ ёго ні одежини, ні шматка хліба. Голодна дітвора голосить, а вінъ зъ жінкою сидить та плаче. Плакавъ, плакавъ, а далі й просить свого янголя-хранителя: »Змилуйся«, каже, »хочъ ти надо мною! Полети до Господа, та вúмоли мині зъ дітками хочъ по шматочку хліба!« Полетівъ янголь и росказавъ Господу, яке лихо терпить меньший братъ, та й каже: »Боженьку мій милий, дай імъ хочъ по шматочку хліба!« — »Добре«, каже Богъ: »нехай же вінъ иде до старшого брата, и попросить хліба; якъ не дасть, то нехáй у нёго молотить зъ коробки; якъ же й зъ коробки не дасть, то нехай зъ нимъ такъ згодитця: щобъ тільки те зерно прийшлось на ёго долю, которе впаде ёму въ постоли, якъ вінъ молотúтиме.

Прийшовъ меньший братъ до старшого, а той сидить на рундуці, такий гладкий та ситий, сказано — багáтий; тільки уздрівъ свого брата, заразъ вставъ и сховався въ будинокъ. Черезъ яку тамъ годину, висилае спитать, чого брату треба? Отъ, меньший и каже: »Прийшовъ до брата попросить шматокъ хліба — собі и діточкамъ моімъ.« А старший братъ вибігъ на рундукъ, та й крикнувъ: »Женіть ёго зъ двору!« Меньший зновъ просить: »Братíку мій, дай мині хочъ зъ коробки молотить!« — »Не дамъ«, каже старший: »який зъ тебе молотникъ? ти мині тільки понівичишъ пшеницю!« — »Ну, якъ такъ«, каже меньший, »то нехай тільки те зерно буде мое, яке попаде въ моі постоли!« Старший братъ засміявся та й каже: »Добре; дайте ёму молотить зъ тиеі скирди, щó затекла и миши поточили.«

Молотивъ бідолаха цілісенький день; у-вечері роззувся, дивитця — въ постоли заскочило тільки два зéрняточка. На другий день молотивъ — принісъ три зернини; на третій — чотирі; щó дня прибувало тільки по одному зернятку. Оттакъ молотивъ сердега цілісеньку зіму, и намолотивъ тільки зъ-пригорщъ пшениці. Вернувся до-дому; жінка зъ дітьми вийшла назустрічъ, и не пізнали сердешного: одъ праці висохъ, вичахъ, ажъ очи ёму въ

*

лобъ позападали, и такъ ослабъ, що ледві до своеі хати припхався. Голодни діти обступили батька, просять хліба, а вінъ імъ и показуе пригорщъ пшениці що вимолотивъ; а слёзи такъ и капають на ту пшеницю. »Бачите, діточки«, каже: »більшъ слізъ витекло и трудового піту, якъ тихъ зернятъ, що для васъ намолотивъ; слёзами жъ«, каже, »нікого не нагодуешъ, а одъ трудового піту ніхто ще не сидівъ голодний,— тільки я зъ вами, моі безталанні діточки!« Далі и каже янголю: »що́ мині на світі робить зъ сією пшеницею: змолоть та спекти, то й одному істи нічого?« Полетівъ янголь до Бога и пита: »що́ робить меньшому брату зъ тією пшеницею, що вимолотивъ?«—»Нехай«, каже Богъ, »попросить у брата землі и посіе.«

Зновъ потягъ меньший братъ до старшого. »А чого тобі треба?» пита старший: »чи не схотілось ще съ постола молотить?«— »Ні«, каже меньший: »прийшовъ до тебе просить земельки, щобъ посіять ту пшеницу, що зъ ласки твоеі намолотивъ«. — »А багацько намолотивъ?« пита старший. »Ось скілько«, каже меньший, и показуе ёму ту пригорщъ. »Добре«, каже старший,—а самъ регочеця, ажъ за живітъ беретця: »дамъ тобі землі скільки душі твоеі завгодно! Иди жъ у царину,—тамъ есть ланъ десятинъ въ пьядесятъ, а може и більшъ буде: то коли достане сіеі пшениці, то хочъ увесь засівай,—нехай тобі Богъ помагае!« Подяковавъ меньший братъ старшого, пішовъ собі до того лану та й почавъ сіяти. Сіе та й сіе, — відкиля та у Господа й пшениця беретця, неначе зъ рукава сиплетця, якъ дощъ шумить. Цілісенький день сіявъ, ажъ поки всёго лану не засіявъ, ище й осталось зъ пригорщъ, стільки, скільки й було. Такъ вже, бачите, давъ ёму Богъ милосердний. »А що́«, спитавъ старший братъ, побачивши меньшого: »чи стало тобі лану«? (а самъ сміетця). »Ні, не стало«, каже меньший: »ось скільки ще осталось пшениці.«—»Брешешъ«, каже старший: »ти мабуть не сіявъ, бо стільки мині й вчора показувавъ.«—»Піди, подивись«, каже меньший, »коли не ймешъ віри«. Поіхавъ старший въ царину; дивитця, ажъ справді, увесь ланъ засіяний и заволочений. Що воно за причча така, подумавъ собі, та й каже: »побачимо, який зъ сёго пива буде квасъ!«

Не забаромъ зійшла пшениця, така густа та рясна якъ щітка,—ажъ весело на неі глянуть; а та, що на лану старшого брата, ледві зъ землі вилазить, жовта и позакручовалась. Завидно

стало старшому брату,—отъ вінъ и каже: »Ні, вже, вибачай, брате, не оддамъ я тобі сёго лану,—бери мій«. Нічого робить меньшому; прійшовъ до-дому та й плаче. Полетівъ янголь до Бога; »такъ и такъ,« каже: »старший братъ обіжае меньшого: що звелишъ робить бідоласі?« А Богъ и каже: »Нехай бере братівъ ланъ, а сей я градомъ вибью.«

Недовго и втішався старший братъ одібраннимъ ланомъ: набігла хмарка,—якъ учистить градъ зъ курине яйце, всю пшеницю до стебла вибивъ. Розсердився старший братъ. »Се«, каже, »ти мині таке нещастя принісъ: зроду сёго зо мною не було; не хочу твого лану,— я свій назадъ беру!« Зновъ заплакавъ меньший братъ и зновъ янголь полетівъ до Господа за порадою: а Богъ и каже: »Нехай не журитця: я зроблю его ланъ такимъ, якъ и бувъ.«

Ославъ Господь хмарку на ви́толочений ланъ, вона ёго и теплими дощами скропляе, и вкрива, по холоднимъ зорямъ, и вітерцемъ продува, стереже ёго, пестуе якъ рідна матіръ свою дитину. У Бога, кажуть, усе за дверима: відкиля що й взялось! и пшениця розрослась и заколосилась на-вдивовижу. Ажъ ось иде Петро зъ старцемъ по-надъ тимъ ланомъ, а старець и каже: »Подивись-лишень, святий Петре, яку Богъ пшеницю вродивъ: зроду такоі не бачивъ!« А Петро й пита: »А знаешъ, чия се пшениця?«— »Не знаю«, одказуе старець. »Се того чоловіка«, каже Петро, »що цьковавъ тебе собаками«.—»Глянь«! подумавъ старець: »не багацько жъ буде ёму користи зъ сіеі пшениці: я такъ зроблю, що скільки бъ вінъ кіпъ не навантаживъ на візъ, то більшъ зъ нёго не вимолотить, якъ одинъ тільки мішочокъ«. Зрозумівъ сю ёго́ ду́мку святи́й Петро́ та якъ вернувся до себе, заразъ и попросивъ Бога послать до меньшого брата янголя. »Скажи«, звелівъ ёму Богъ, »щобъ вінъ, якъ буде перевозить пшеницю, більшъ не клавъ на візъ, якъ по одному снопочку.«

Зжавъ меньший братъ свою пшеницю и перевізъ якъ ёму звелено. Ставъ молотить: що вдарить ціпомъ, такъ ёму мішокъ пшениці и висиплетця. Позасипавъ повнісенькі закрома, ище й здоровенні вороха стоять на току,—нікуди вже й ховать. Зновъ иде Петро зъ старцемъ побиля току меньшого брата, а старець и каже: »Дивись-лишень,« святий Пе́тре, »скільки Богъ давъ сёму чоловікові пшениці; та яка жъ гарна та чиста, нема въ неі ні зани, ни ку-

кілю«.—»А знаешъ, чия се пшениця?« пита святий Петро́. »Не знаю, одказавъ старець. »Се того чоловіка«, каже Петро́, »що цьковавъ тебе собаками«. — »А щобъ вінъ не діждавъ, зъ сіеі пшениці, хлібъ Божий істи!« скрикнувъ старець,—ажъ почервонівъ зъ досади: »щобъ той«, каже, »подавився першимъ шматкомъ, хто ёго й істиме!« Зновъ попросивъ Бога святий Петро́, зновъославъ Богъ янголя до меньшого брата: »скажи«, каже, »ёму, щобъ вінъ напікъ зъ пшениці буханцівъ, и, крий Боже, щобъ не івъ и не куштувавъ які вони, а нехай несе іхъ у церковъ Божу и роздасть старцямъ«. Напікъ меньший братъ буханьцівъ повнісеньку торбу и понісъ въ церкву. Якъ скінчилась служба, отъ вінъ и вийшовъ на цвинтарь, а той старець сидить собі зъ-краю и протягуе руку и голосить: »Христа ради!« Отъ, меньший братъ и давъ ёму першому буханець; а старець трошки проголодавсь, хіпъ той буханець, укусивъ та, не розжовавши гараздъ, хотівъ проковтнуть, та й подавився. Тутъ инші старці почали ёго въ спину штовхать,— хто кулакомъ стусоне межи-плечі, хто костилемъ ткне підъ ребро, хто затопить по потилиці,—на силу вибили ёму зъ глотки той шматокъ. Стрівся старець зъ Петромъ, та й каже: »Яка, сёгодні, зо мною кумедна причча трапилась: трохи бувъ на смерть не подавився!« А Петро́ ёму й каже: »Се тобі, ста́рче, такъ Богъ зробивъ, за те, щобъ другому не бажавъ давитись. Розсердився-еси на дурне хлопьятко, що цьковало тебе собаками, та й ставъ вадить чоловікові, который на своймъ віку доволі принявъ того лиха, а не зробився жъ ледащомъ. Та ще хотівъ щобъ вінъ подавився першимъ кускомъ хліба, добутого слёзою и трудовимъ пітомъ!«—»Господи«! сказавъ тоді старець: »Ти одинъ и милосердний, и справедливий! помилуй мене грішного; нікóли вже не буду вадить тому чоловікові, которого ти милуешъ!«

Съ тиі пори, перевернулось щастє братівъ. Меньший ставъ багатіть, а старший все стративъ и прийшовъ до меньшого голодний и холодний, за шматкомъ хліба. Меньший принявъ ёго якъ брата рідного, бо зкоштовавъ на своему віку гіркоі, такъ знавъ що́ таке лихо; — наділивъ ёго землею, скотиною, построівъ ёму будинокъ, а самъ ще багатший и щасливіший ставъ.

II.

ДУРЕНЬ.

Скорішъ дурень одурить розумного, якъ розумний дурня на розумъ наведе.

(Приказка).

Бувъ собі дідъ та баба, а въ іхъ було три синй: два розумнихъ, а третій дурень. Старі були собі заможненькі хазяпни, и якъ повмірали, то зоставили діткамъ чимало-таки худобоньки, а особливо тиеі скотини. Живуть розумні брати поживають, всімъ тимъ добромъ користуютця, а дурневі нічого не дають, та ще й орудують імъ, неначе наймитомъ. Отъ, разъ, дурень и пита своіхъ братівъ:

— А що, братіки, чи будемо ми коли ділитись, чи ні?

— Чомъ не поділитись, — одказують розумні брати: — тільки, коли тобі схотілось того розділу, то вже самъ и діли, та гледи, якъ ти нерівно насъ поділишъ, то ми тобі нічого не дамо, та ще й зъ господи у-три-вирви проженемо!

— Добре, — каже дурень: — заплітайте жъ собі загони, а я собі заплету; и якъ у-вечері зъ поля приженуть скотину, то въ чий загінъ піде, того вона й буде: нехай, — додавъ, — самъ Богъ насъ поділить!

Згодились брати и стали городить загони; розумні позаплітали собі високі та просторі, а дурень заплівъ собі лозою такъ невеличкий захистокъ. У-вечері, якъ пригнали череду зъ поля, то вся скотина, скільки іі не було, такъ и пішла у дурнівъ загінъ, неначе хто іі туди загнавъ. Повернулись брати у хату, та й замислились; поставили вечерю; дурень же тріска, ажъ за ушами лящить, а розумні брати, сидять собі похнюпившись и кришки у ротъ не візьмуть. Наівшись, дурень подяковавъ Богу, та й каже своімъ братамъ:

— Якъ бачу, моі братіки, вамъ дуже жаль вашоі скотини, такъ не журітця: візьміть іі собі, а мині віддайте тільки: отту драбинчасту кобилу.

А въ ту добу умерла у нихъ дядина, стара бабуся, що зъ ними таки й жила.

— Такъ, — каже дурень, — я ії повезу у слободу, та тамъ, якъ слідъ, и поховаю.

— Бери, — одказали брати засміявшись, — хочъ на шию ту драбинчасту собі повісь!

Убравъ дурень гарненько мертву и повізъ на базарь. Привізши, посадивъ ії на возку, підперъ у спину цурупалкомъ, щобъ сиділа; накривъ платочкомъ голову, ажъ по самі очи, та купивши яблукъ и поклавъ кругомъ неі, буцімъ то баба продае яблука, а самъ уклався підъ возкомъ спати, та знай поглядуе окомъ що кругомъ ёго дієтця. Де-яки миряне, проходячи побіля старої, спитають: »по чімъ яблука?« та бачуть що вона мовчить, и йдуть собі дальшъ: и безъ неі, на базарі, багацько яблукъ; коли йдé панъ, підійшовъ до возка, та й пита:

— А по-чімъ десятокъ яблуківъ?

Мовчить стара.

— Позакладало! — гукнувъ панъ, — не чуешъ, чи що? По чімъ десятокъ, питаю?

Мовчить стара, не ворухнетця и не гляне на пана, буцімъ не хоче зъ нимъ розмовлять, не хоче й глянуть на ёго.

— Кажи жъ, матері твоій сто чортівъ! — гримнувъ панъ розсердившись, та черкъ мертву по пиці, а вона опукою зъ возка, и ніжки відкидала.

А дурень якъ схопитця, якъ наробить репету:

— Охъ мині лишечко!... матінку мою убивъ!

— Цить, дурню, — шопотить панъ: — на́ тобі сто рублівъ, тільки мовчи!

— Не візьму и двісті и триста, — репетуе дурень...

— На тобі пьятьсотъ, тільки мовчи!...

— Давай тисячу, — каже дурень: — не даси, такий гвалтъ підійму, що.... калавуръ кричатиму!

Нічого робить пану, тиць ёму скорішъ у руку ту тисячу, та відрізавши поли, яко мога відь ёго. Перелічивъ дурень грошики, сховавъ у кишеню, та поклавши дядину на возокъ и повізъ до попа. Купивъ труну и поховавъ ії, якъ слідъ, по хрістіянськи.

Повертаетця дурень до-дому, іде черезъ гай, и щось дуже

замисливсь, и девять розумнихъ не вгадали-бъ объ чімъ вінъ коверзуе. Іхавъ, іхавъ, а тамъ звернувъ зъ дороги въ гущину, одпрігъ драбинчасту, та, недовго думавши, узявъ, та й зарізавъ ії; далі облупивъ, перекинувъ черезъ плече шкуру и потягъ собі пішки. Вже зовсімъ смерклось, посутеніло, якъ прийшовъ вінъ у якусь слободу, а до свого хутора ще далеченько; отъ вінъ иде вулицею и поглядуе, у якій би ёму хаті заночовать. Дойшовъ до чиеісь господи, дивитця—у вікнахъ темно, зайшовъ зъ горóду, ажъ світитця у віконце. Підійшовъ вінъ до того віконьця, заглянувъ, ажъ у кімнатці сидить на ліжку *кацапъ*, а молодиця така гладка, та гарна, ставить передъ нимъ макітру зъ варениками, а печена гуска, книші и пляшка зъ горілкою, вже стоять на столику. Тільки хотіла поставить молодиця макітру, а щось и затурготіло біля дверей:

— Жинко, — почулось: — відчини.

— Ой мині лихо, — зкрикнула молодиця: — чоловікъ приіхавъ! хотівъ бувъ у свата заночовать, та й принесла ёго нечиста мати! — Та се кажучи, скорішъ ті вареники и гуску зъ книшами у пічъ, а пляшку зъ горілкою на припечокъ у попілъ. — А ти, — каже кацапу, — лізь-лишень у кадібъ!

Кацапъ, підобравши поли, скорішъ у той кадібъ, а вона и прикрила ёго ряденцемъ.

Одъ віконця пішовъ дурень икъ дверямъ, віткнувсь иззавугла, ажъ біля дверей стоять два чоловіки, чекають, щобъ імъ відчинили. Одинъ зъ нихъ побачивъ дурня й пита:

— А що ти тутъ робишъ, чоловіче?

— Иду до-дому, та спізнившсь, — каже дурень, — чи не пустите у хату переночувать?

— Пустивъ би, чоловіче, та колижъ, бачъ, жинка й мене не пуска: спить, неначе навіки заснула.

Стали стукать у двері, гукать, коли чують—щось стогне у хаті; далі й пита:

— Хто тамъ?... Не просітця—не пущу: чоловіка нема дома!

— Та се жъ я! — гримнувъ чоловікъ: — отце заспалась, що й голосу мого не пізнаешъ!

Одчинила молодиця, — за живітъ держитця обома руками и стогне.

— Що се зъ тобою, жинко? — спитавъ чоловікъ.

— Соняшниці, чоловіче, — заголосила молодиця: — охъ мині лишечко, ратуйте, ратуйте, духъ зъ мене пре! — та швидче у кімнатку, такъ и гепнулась на ліжко.

Увійшли у хату, засвітили каганець, чоловікъ стоїть якъ не самовитий.

— Оце, свате, пеня, — каже, ударившись объ поли: — жинка занедужала!

— Та воно, — каже дурень, — дасть Богъ, полегшае.

Посідали; хазяінъ зъ сватомъ сівъ на покуті, а дурень, зъ своєю шкурою, притулився у куточку проти печи, та й мовчать; далі чоловікъ и пита молодицю:

— Жинко, чи нема у насъ горілки? треба свата почастовать....

— И води нема, не тільки горілки, — одказала молодиця черезъ силу.

А дурень якъ забелькотить до своі шкури:

— Та цить, цить! кажуть тобі нема.

— Що ти таке шопотишъ, чоловіче? — спитавъ хазяінъ, — зъ шкурою, чи що, розмовляешъ?

— Та се, — озвався дурень, — вона мині каже, що на припечку у попелі захована пляшка зъ горілкою.

— Оттаке збреши! — зкрикнувъ хазяінъ, та глянувши на свата и каже: — щó се за чоловікъ, чи вінъ божевільний, чи що?

— Не знаю, — одказавъ сватъ: — недалеко до припечка, — подивись.

Уставъ хазяінъ, шурхнувъ рукою у попілъ, ажъ стримить пляшка; витягъ, покоштовавъ.

— Справді, свате, горілка, — скрикнувъ: — Богъ мене побий коли не горілка! Оце диво, — каже дурню: — що се въ тебе, чоловіче, за шкура така?

— Кобиляча, — озвався дурень.

— Бачу, що кобиляча: такъ яка жъ вона розумна,—знае де й горілку ховають!

— Э, вона у мене усе знае! — пробубонівъ дурень.

— Одъ чого жъ вона усе знае?

— Атъ, роспитуете... на здоровьечко пийте, та й мині влийте!

Випили по чарці, по другій, и дурню дали; повеселішали; велике діло горілка!

— А що, жинко, — спитавъ чоловікъ: — чи нема чого повечеряти? істи хочу, ажъ шкура тріщить?

— Нема, чоловіче, — застогнала жинка: — у мене, зъ самісенького ранку, и кришки въ роті не було!

— Та цить, навіженна, цить! — зновъ забелькотівъ дурень въ кутку.

— А що́ вона тобі каже? — спитавъ хозяінъ.

— Отъ що каже, — отвітивъ дурень: — що въ печі стоять вареники, книші и печена гуска.

Глянувъ хазяінъ у пічъ, ажъ справді: и вареники, и кишни, и печена гуска.

— Оце кумедія, — скрикнувъ хозяінъ, витягаючи зъ печи потрави: — що се въ тебе, чоловіче, за шкура така?...

— Атъ, — озвався дурень: — на здоровья іжте, та й мині вріжте!

Стали вечерять, и дурня зъ собою посадили; дивлятця на ёго и на кобилячу шкуру, и не надивуютця. Повечеряли, и стали лагодитьця де кому спати лягать, а дурень якъ крикне:

— Та цить, скажена собако, цить!.. яке тобі діло?

— Що вона тобі каже? — спитавъ хазяінъ.

— Атъ, — загугнівъ дурень: — якъ усе тобі росказувать, то дуже розумний будешъ!

— Будь ласковъ, чоловіче, скажи, що вона тобі каже?

— А то каже, що въ тімъ кадовбі, що ряденцемъ накритий, кацапъ сидить!

Схопився хазяінъ, знявъ ряденце, зиркъ!.. якъ наробить ререпету:

— Сидить, диявольський синъ!... Свате, дай помочи!

Вхопили того кацапа за бороду, та за патли, виволокли зъ кадівба, давай ёго вихрить та стусовать, такъ-що сердешний ледві въ двері втрапивъ; далі до жинки:

— Э, жинко, такъ оттакі-то соняшниці вхопили тебе за живітъ?

Якъ давъ ій кільки ляпасівъ, такъ вона й одужала. Далі и каже дурню:

— Ну, чоловіче, що хочъ бери, а продай мині твою шкуру: половину моеі худоби тобі за неі віддамъ!

Довго торговались; дурень удававъ, буцімъ-то ёму не хотілось продавати тиеі шкури, а тамъ и згодився, за три паровиці волівъ, сто овечатъ, ще й повнісенький капшукъ карбованцівъ на придачу узявъ. Вернувся дурень до-дому; якъ побачили брати волівъ и овечатъ и питають:

— Чия се скотина?

— Моя, — каже дурень.

— Де жъ ти іі узявъ?

— Богъ мині давъ.

Якъ показавъ ще гроши, такъ брати ажъ руки до-гори підняли, ажъ зацмокали.

— Хто се тобі, — питають, — надававъ стільки грошей?

— Богъ мині давъ. Аджешъ, — каже, — хиба не знаете: розумний дбае, а дурня Богъ наділяе!

— Якъ такъ, — каже старшій братъ, — то лучче бути дурнимъ якъ розумнимъ.

— Эге, — одказуе дурень: — коли хочете, зробітця дурнями, то й вамъ Богъ дасть.

— Якъже намъ зробитьця дурнями, — питають брати, — коли, бачъ, ми розумни?

— Атъ, — одказуе дурень: — то важко дурню зробитьця розумнимъ; а розумному дурнемъ—якъ разъ плюнуть: на гору важко, а зъ гори шпарко!... Віддайте мині вашу худобу,—отъ и будете дурнями; аджежъ розумний скорішъ чуже загарба, якъ свое віддасть?...

— А що, брате, — спитавъ старшій меньшого: — послухаемо дурня, станемо й ми дурнями; може и намъ, якъ и ёму, Богъ дасть?

— Добре, брате, — одказавъ меньшій: — послухаемо дурня.

Оддали брати дурню всю свою худобу, та й пішли у дурні; нічогісенько й на дорогу зъ собою не узяли,—якъ слідъ дурнямъ. Идуть брати та йдуть, переходять слободи, хутори, уже бъ не то що обідать, и полудновати пора: такъ ніхто жъ не запрошуе и на дорозі нічого Богъ не дае. Уже такъ надвечіръ, прийшли вони у село, голодні и потомлені, не знають сердешні що імъ и чинить, ні-за-що купить и шматка хліба, а по-підъ вікнами

собакъ дратовать соромъ. Отъ вони и стали роспитувать людей, чи нема у кого якоі роботи. Знайшовся такий чоловікъ, що купивъ на зрубъ гай, такъ найма робітниківъ лісъ рубати. Згодились зъ нимъ брати, за невеличку плату, бо сами шукали тиеі роботи, та переночувавши, на другий день, и пішли у той гай. Рубали, рубали, днівъ зо три, а на четвертий, якось зрубане дерево упало, та й забило вітями одному брату голову, а другому руку, такъ-що вже й робити не зможуть. Заплативъ імъ хозяинъ, що вони заробили,—отъ вони й рушили дальшъ. Идуть та йдуть кілька днівъ; що заробили, то й прохарчили, а Богъ усе-таки нічогисенько не дае, знову прийшлось шукать роботи, щобъ не опухнуть зъ голоду. Знайшли такого чоловіка, що найма викопать ёму па горі колодязь.

— А що, брате, — спитавъ старший меньшого: — згодимось; може, копаючи той колодязь, Богъ намъ поможе скарбъ викопать?

— Добре, — одказавъ меньший: — може, справді скарбъ викопаемо!

Копають брати тиждень, копають и другий,—нічо́го імъ Богъ не дае. Потомились сердешні,—робота, бачите, не аби-яка, прокопали широкий пластъ глини и до каменюкъ докопались, а нема ни скарбу, ни води. Отъ вони бачать, що тутечки Богъ імъ нічогісенько не дасть, покинули роботу, и грошей за працю не взяли, та й помандровали собі дальшъ талану шукать. Идуть, та йдуть, дивлятця ажъ щось на дорозі лежить; надвечіръ, бачите, трошки посутеніло, такъ добре й не видно, що воно таке. Дуже брати зрадніли: отъ, коли, думають, Богъ намъ посила щастя, певно́ се гроши. Притьма кинулись, зиркъ,—ажъ то лежить чоловікъ, облитий кровью, ще й теплий, не захолонувъ, зъ перерізаною горлянкою и ніжъ у груди застромлено. Стоять брати якъ опарені, не знають що імъ на світі робить; коли чують щось торохтить, озирнулись, ажъ то тройкою біжить зъ письмоводителемъ комисаръ. Уздрівъ братівъ и мертве тіло,—зъ брички та до іхъ.

— А що ви тутечки робите сякі-такі, — гримнувъ: — чоловіка зарізали, розбишаки? А нуте-лишень звьяжіть іхъ!

Вискочили зъ брички письмоводитель и підводчикъ, не дали братамъ и слова промовить, та вони й не боронились: съ переляку якъ телепні стояли; скрутили імъ назадъ руки, поклали у брич-

ку якъ дрова, и помчали. Привезли у го́родъ, заразъ заперли бідолахъ въ острогъ, та й почали писать слідство. Писали місяць, и другий, и третій: папіру, бачите, до-чорта по судахъ; все роспитують братівъ та випитують, и що вони судейськимъ не кажусь, не ймуть імъ віри, бо, бачите, на вчинку іхъ захопили, та ще й, на лихо собі, ни якого билета, ни виду зъ собою не взяли.

Тимъ-часомъ, дурень господаруе собі и чекае своіхъ братівъ; бачить що вони довго не вертаютця, та й подумавъ, чи не трапилась імъ яка халена; запрігъ коня, та й поіхавъ шукать іхъ по світу. Заразъ-таки напавъ на слідъ, та й вислідивъ, якъ сами знаете, у острозі. Батечки, ледві пізнавъ дурень своіхъ братівъ, такъ вони змарніли сидючи въ неволі, въ кайданахъ, та ще й міжъ злодіяками и розбишаками.

— За що́ се васъ, — спитавъ дурень, — сюди запроторили? що́ ви таке зробили?

Росказали брати дурню усе що зъ ними зкоілось: якъ вони шукали собі талану, дожидаючи поки імъ Богъ дасть, та знайшли одну напасть, и ажъ до нігъ ёму кланялись, та просили, щобъ вінъ за нихъ заступився и вирятовавъ. Оттаке-то на світі дієтця: якъ припаде лихо, то й дурню вклонисся. Пішовъ дурень до судді та й пита:

— За що ви держите у острозі моихъ братівъ? Кому вони яку кривду зробили? вони жъ дурні...

— Э, росказуй, — одказавъ суддя: — не похожи вони на дурнівъ!... Зарізали вони чоловіка, на самому вчинку іхъ захопили.

— Хто жъ бачивъ, якъ вони різали того чоловіка, та й нащо́ бъ, спитаюсь?

— Якъ на що? щобъ ограбить!

— На що жъ імъ чуже грабовать, коли вони и свою худобу мині віддали? кажу жъ вамъ, що вони дурні!

— Якъ віддали свою худобу?—хутко спитавъ суддя: — може ти брешешъ?

— Та я,—каже дурень,—ледве правду роскажу, а тобъ ще мині брехать! коли не ймете віри, пошліть якого небудь судейського у нашъ хутіръ,—нехай роспита: сами тогді побачите, що не брешу.

Послухали дурня и послали судейского у тей хутіръ, де жи-

ли брати: навели, якъ кажуть, ту справку, такъ воно й вийшло якъ дурень казавъ; а тутъ ще витрусивъ дурень де-що зъ капшука, та й визволивъ своіхъ братівъ. Привізъ іхъ до-дому та й каже:

— Беріть собі, братіки, мою и свою худобу, и господаруйте: нехай вамъ Богъ помагае; а я піду собі по світу,—може мене Богъ не покине, якъ и досі не покидавъ!

Попрощались брати зъ дурнемъ и стали господарёвать. Усёго доволі: и хліба, и грошей, и скотини, отъ вони, неначе пани, сидять собі згорнувши ручки, та нічого й не дбають. Хиба, якъ обридне імъ оттакъ сидіть, то вони підуть у шинокъ погулять, або запросять до себе у гості добрихъ людей, та й бенкетують зъ ними. Минувъ рікъ, минувъ и другий; розледащились брати такъ, що важко вже імъ, не тільки, за косу або за ціпъ узятись, вже важко імъ и хату вимести и скотину въ поле вигнать, все наймити роблять, а вони гуляють собі та людей частують. На третій рікъ, покаравъ Господь людей превеликою засухою: хліба не вродило, и насіння не вернулось; паша вигоріла до корня; всі родники, ставки, колодязі висушило до каплі, такъ що й скотина безъ паши и водопою вся повиздихала. Які зоставались у братівъ грошенята, потратили на хлібъ, а тутъ ще, якъ на те, сказано, »одна біда не ходить, а съ дітками«, у ночі, въ превеликий вітеръ, загорілась невеличка халабудка, то одъ тиі халабудки спалився и весь хутіръ. Брати повискакували зъ хати въ одніхъ тільки сорочкахъ, и зостались на світі безъ копійчини, одежинки и шматка хліба. Згородили бідолахи собі край-дороги курінь, та й сидять: хто іде, кине імъ шматокъ хліба то й зсідять, а не кине то й такъ голодують. Разъ, якъ такъ вони сиділи, дивлятця — іде якийсь панокъ, чи купець, въ бричці, у-три-конь, добре убранний у синій чуйці, кримськихъ смушківъ шапка. Тільки побачивъ братівъ, зараз гукнувъ на машталіра, щобъ зупинивъ коней.

— Що ви тутъ, люде добрі, робите? — спитавъ вінъ братівъ.

— Якъ бачишъ, добродію, — кажуть брати, низенько вклонившись: — погоріли! нема у насъ ни хати, ни одежи, ни шматка хліба, а колись були и заможними хазяінами.

— А гляньте на мене, — каже панокъ: — чи не пізнаете, хто я такий?

Глянули брати, зъ місця схопились и въ одинъ голосъ крикнули: — Дурень, дурень! — та до ёго, хапають за руки, цілу́ють, та слезами обливають: — братіку нашъ, — кажуть, — вирятуй насъ, не дай намъ отутечки на роспутті загинуть.

— Ну, брати моі милні, брати моі любиі, — каже дурень:— якъ бачу, ви таки розумні, що сами не придбаете собі, и таки дурні, що й Богъ вамъ не дае: такъ сідайте жъ, поідьмо до мене, я васъ буду годовать и зодягать!

Тамъ и теперечки у дурня живуть, хлібъ жують и постоломъ добро возять.

Олекса Стороженко.

БАЙКИ.

I.

МИША Й ПАЦЮКЪ.

— Добри́-вечіръ, сусіде мій!
Чи всі ви жи́ві та здоро́ві?.. —
Мовля́ла Ми́ша Пацюко́ві.
»Та ще...« Пацю́къ мовля́е ій.
— А я се, — каже, — прилину́ла,
Щобъ росказа́ть тобі, що чу́ла,
Щобъ ти ради́въ, якъ я́, та знавъ:
Левъ, ка́жуть би, кота́ пійма́въ...
»Яко́го?«
— Катю́гу на́шого руд о́го,
Що́ намъ просві́тку не дава́въ.
»Гай-га́й!« Пацю́къ мовля́: »раде́нька,
Якъ ка́жуть, що дурне́нька!
Що́ зъто́го, що пійма́въ?...
Якъ дійдетця у іхъ до чо́го —
Не ба́чить Ле́ва намъ живо́го!
Бо зна́ешъ, що́ за звіръ той кітъ!«

Отта́къ, якъ хто́ кого́ боїтця,
То й ду́мае, що на того́ ввесь світъ
Такъ буде, якъ и вінъ, дивйтьця.

II.

ВІВЧАРЪ.

Бувъ на селі Вівча́ръ Тара́съ:
Вінъ пановихъ ове́чокъ пасъ.

Ставъ мій Тара́съ чого́сь журѝтись:
Сидѝть, голо́воньку схилѝвъ,
А па́нові боїтця похвалѝтись —
Щобъ панъ не бивъ...
»Чого́ ти, бра́те, свѣтомъ ну́дишъ?«
Пита́ютця ёго́.
— Охъ, бра́тця! лѝшенька мого́
Абѝ-якъ не відбу́дешъ... —
Отъ, ставъ хвалѝтись вінъ, що е́ въ болоті Вовкъ
И, на́-лихо ёму, хапа́е овечо́къ...
»Що́-жъ, брате, бу́демо робѝти?
Ще й не таке́ намъ дѣе Вовкъ...
А панъ за-вѣщо бу́де бѝти?...«
Гурто́мъ вонѝ до па́на всі пішлѝ,
Усе́ по-пра́вді росказа́ли;
Звелівъ імъ панъ, щобъ Во́вка стерегли́
И, колѝ мо́жна, щобъ піймали.
Пилну́ють Во́вчика; нема́-колѝ й засну́ть,
А Во́вка щось нема́ й не чу́ть...
Чого́ жъ се такъ, що у Тара́са ча́сомъ
Буває до́брий борщъ изъ мьясомъ
Та зъ на́чинкою пирожкѝ?
Дурні дядькѝ,
Ні о́динъ зъ васъ не розчовпа́е!..
Якѝй тамъ въ-бѣса звѣръ!
На Во́вка тілько поговіръ,
А овечо́къ Тара́съ хапа́е! ..

III.

ЛЯЩІ.

Въ гаю, у па́на, бувъ ставо́къ;
Вода́ якъ скло; на днѣ піско́къ;
Кругомъ цвілѝ воло́шки та васѝльки;
Чірво́ная калѝна тамъ росла́;
Підъ га́емъ па́сіка була́, —
Ну, рай та й тільки!

Въ ставý було чи-ма́ленько Лящівъ;
Ніхто́ іхъ не лови́въ
Ні во́локомъ, ні въятірями.
Життє Ляща́мъ,
Мовъ тимъ пана́мъ! —
Гуля́ють — ля́пають хвоста́ми...
Приіхавъ разъ зъ сусідомъ панъ у гай
И щукъ звелівъ у ставъ понапуска́ти.
»На-біса щукъ пуска́ешъ, па́не-бра́те?«
Озвавсь сусідъ: »ось, потрива́й,
Якъ тімъ нашко́дишъ:
Усіхъ Лящівъ позво́дишъ, —
Іхъ шу́ки заідя́ть...«
»Даре́мна річъ!« хазя́інъ ставъ каза́ть
(Та й усміхну́вся після то́го...):
«Жалку́ю, чомъ давнішъ не звівъ...
А ти-жъ, сусіде, чувъ одъ ко́го,
Що я охочий до Лящівъ!...«

Л. Глібовъ.

68

II.

Опытъ Южнорусскаго Словаря, *К. Шейковскаго* (1).

Г. Шейковскаго поразила мысль Як. Гримма—сдѣлать словарь самою популярною, настольною книгою! »Дѣйствительно,« замѣчаетъ авторъ »Опыта,« — »въ словарѣ какого-нибудь языка легче всего представить все нравственное богатство народа отъ первыхъ проблесковъ его развитія, такихъ проблесковъ, о которыхъ ничто другое, кромѣ языка, не можетъ намъ даже намекнуть, до послѣдняго фазиса развитія.« Г. Шейковскій сознаетъ, что подобный словарь тогда только будетъ возможенъ, »когда исторически и сравнительно съ другими языками прослѣдимъ какъ внѣшнія, такъ и внутреннія модификаціи каждаго слова«; но съ другой стороны, убѣжденъ, что выработкѣ такого словаря также можетъ значительно пособить и то, *если будетъ представлено много данныхъ изъ эпическаго фазиса языка*. Имѣя въ виду это послѣднее, онъ старался, при составленіи своего словаря, *привести какъ можно болье* пословицъ, загадокъ, пѣсень, повѣрій, суевѣрій, заговоровъ, заклинаній, обрядовъ, обычаевъ, забавъ, игоръ и т. п., — такъ-какъ въ нихъ болѣе всего сохранилось остатковъ эпическаго періода жизни народа и языка, и такъ-какъ они, въ извѣстной мѣрѣ, могутъ характеризовать народъ и степень его развитія.

Мысль Як. Гримма о словарѣ — превосходна. Стремиться къ осуществленію этого современнаго идеала словарей — дѣло въ высшей степе-

---

(1) Хотя, въ мартовской книжкѣ *Основы*, былъ уже напечатанъ краткій отчетъ о южнорусскомъ словарѣ, но мы считаемъ полезнымъ помѣстить еще и подробную статью г. Гатцука, заключающую въ себѣ безпристрастный разборъ труда г. Шейковскаго и весьма дѣльные совѣты и указанія.
Ред.

ни похвальное. Обо всемъ этомъ считаемъ лишнимъ распространяться. Наше дѣло — принять во вниманіе этотъ идеалъ, остающійся недосягаемымъ даже для самихъ нѣмцевъ; принять во вниманіе задачу автора и сказать, съ одной стороны, на сколько авторъ понялъ требованія современнаго идеала, — съ другой, на сколько онъ выполнилъ свою задачу.

Г. Шейковскій, какъ видно изъ предисловія къ *Опыту*, поставилъ себѣ задачею слѣдующее: во 1-хъ, составить возможно-полный словарь, т. е. сборникъ словъ южнорусскаго языка, съ обозначеніемъ, откуда слово взято или гдѣ употребляется и съ переводомъ ихъ на русскій языкъ; во 2-хъ, привести въ немъ какъ можно болѣе пословицъ, загадокъ, пѣсень и т. д., дабы представить побольше »данныхъ изъ эпическаго фазиса языка« и тѣмъ облегчить какъ разработку исторіи языка, такъ и знакомство съ народомъ, съ его бытомъ и поэзіею. Авторъ, вѣроятно, полагалъ, что такимъ образомъ мысль Як. Гримма о достоинствѣ словаря нѣсколько достигается: кто будетъ пользоваться словаремъ, тотъ знакомится не только съ словами и общимъ ихъ значеніемъ, но и съ употребленіемъ этихъ словъ въ поэзіи и въ быту народа, наглядно знакомится съ самымъ его бытомъ, поэзіею и понятіями. Такъ, напримѣръ... Къ сожалѣнію, довольно трудно найти въ »Опытѣ« г. Шейковскаго примѣръ безукоризненнаго (какъ бы намъ хотѣлось) объясненія какого-нибудь любопытнаго слова. Беремъ наиболѣе извѣстное и наиболѣе трудное для объясненія.

Бара́н, м. р. *а*=баранъ. — *ыще*, — *нянко*,— *ыско* (ув); — *нец'*, р.— *ня*,— *чык*,— *чычок* (ум). *Дывыця як баран на нові ворота* (погов.) = глупо смотрѣть. — Сильное теченіе (!!) волнъ:

Волны верх ных (Жулына и Калывы) каламутні
Красні сукні дерлы,
Віючэся *баранами*,
Білі бокы терлы.

(Вінок., стр. 101).

Родъ игры въ мячь (Слѣдуетъ весьма подробное описаніе игры.)

Или:

Барвінок, м. р. *у*. — sempervivum fl (Linn), vinca. Цвѣтокъ этотъ, всегда зеленый, употребляется преимущественно на *вэсілі* и на *хрэстинах*. Ему обыкновенно придается эпитетъ *хрэща́стый* (Подольск.) или *хрэщатый*, иначе *кратчастый*:

Скажы мэні правду, моі сэрдынятко,
Которая зелэнь найперш проц'вітає,
Чи кратчастый барвіночок,
Чи запашный васылечок,
Чи повна рожа?
(Метл. нар. пѣсни 364 стр.)

Ой вінку мій, вінку,
С хрэщастого барвінку!
Купувалам тя у рынку,
Замыкалам тя у скрынку;
А тэпер тя порушу,
Та й заплакаты мушу.
(Свадебн. пѣсня Под. губ.)

—нчык, чычок, ночок, р. чку (ум). *Барвінок* въ Галиціи называется еще *кудэрявым деревцем*. Издатель »Вінка« основываясь на этомъ, болѣе остроумно, нежели правдоподобно, замѣчаетъ, что *барвінок* заступилъ мѣсто кедра, послѣ того, какъ предки южно-руссовъ оставили тѣ страны, въ которыхъ росъ кедръ. Барвінок служитъ символомъ жизни, красоты и невинности. На свадьбахъ и крестинахъ барвінок облѣпливаютъ *шумыхою*, а при нѣкоторыхъ чарахъ — смолою.

Барвінку рваты — итти на любовное свиданіе:

Пусты жъ мэне, маты, *барвіночку рваты*;
А уже жъ наші ворожен'кы полягалы спаты.
(Мал., 288. стр.)

Въ добавленіи) *Барвінэц'*:

А хто ж то сыдыт під вінцем,
Під кудерным дэрэвцем,
Під зэлэнен'ким барвінцем?
Ивасіо сыдыт під вінцем,
Під кудерным дэрэвцем,
Під зэлэнен'ким барвінцем.

(Русск. 102, также pieśni pol. i rusk. ludu, gal., str. 26).

Барвінейко (ум.) Затѣмъ слѣдуетъ еще нѣсколько столь же интересныхъ выписокъ изъ народныхъ пѣсень, которыя мы считаемъ лишними перепечатывать.

Или наприм., вамъ заблагоразсудилось бы узнать объясненіе слова *борщъ*, вы находите его (на 92 стр.) и читаете:

Борщ, м. р. у = 1) квасъ, изъ котораго приготовляютъ кушанье *борщ*. Онъ бываетъ *діжковый и бураковый*. Первый квасъ приготовляется такъ: насыпать въ »діжку« ржаныхъ отрубей, налить туда кипятку, приготовить

изъ ржаной же муки »росквас«, и когда онъ перебродитъ, влить его въ прежній растворъ, куда влить еще кипятку. По прошествіи двухъ сутокъ, квасъ этотъ можно уже употреблять. *Парыты борщ*= приготовлять этотъ квасъ. *Парыты борщ по хатах*=не имѣть дома квасу и ходить за нимъ къ сосѣдямъ. *Бураковый борщ* приготовляется изъ свекловицы. Очищенную свекловицу складываютъ въ бочку и наливаютъ её холодною водою. Квасъ этотъ долженъ киснуть, по-крайней-мѣрѣ двѣ недѣли. 2) Кушанье, приготовляемое изъ квасу. Оно бываетъ съ мясомъ или съ рыбою. Кромѣ того, въ него входятъ еще слѣдующія снадобья: свекла, лукъ, свѣжая капуста, фасоля, лебеда, грибы и т. п. Борщъ бываетъ *забѣлэный, пыткалэный, засыпаный, затовчэный*. На с'вьятый вечір въ него еще бросаютъ *вушка*, или *крешыкы*, т. е. варенички съ соленою рыбою.
— *ык*, р. ку (ум).

Дощыку-дощыку!
Навару тобі борщыку,
У полывьянім горщыку,
Выставлю на дуба,
Люны як з луба.

(Дѣтская припѣвка во время дождя).

—*ыще, ыс'ко* (ув). 3) Растеніе (Heracleum sibiricum. L.)

Далѣе, въ добавленіи, приложенъ галицкій варіантъ этой же пѣсенки изъ сборника Паули.

Какая же, въ самомъ дѣлѣ, книга можетъ быть *популярнѣе, настольнѣе* такого словаря? Кому онъ не нуженъ, кто въ немъ не найдетъ себѣ пищи? Изъ такого словаря (будь онъ, конечно, не первоначальный опытъ) читатель могъ бы наглядно познакомиться не только съ поэзіей народа, съ пословицами, заговорами, анекдотами, обрядами, пѣснями, играми и, вѣроятно, плясками, но и съ бытомъ и опытомъ народа, съ тѣмъ какъ и когда употреблять какой горшокъ или боченокъ, какъ за пчелами ухаживать, овецъ пасти, воловъ запрягать, землю пахать, свиней откармливать, борщи варить и квасы приготовлять. Книга будетъ полезная и, вѣроятно, многотомная!

Настоящій (1-й) выпускъ (слова на бук. А и Б), вмѣстѣ съ приложеніемъ и добавленіемъ, заключаетъ въ себѣ 224 столбца (112 стр.) крупной и самой разгонистой печати. Въ каждомъ столбцѣ заключается объясняемыхъ словъ отъ 19 до 0; а объясненія и добавленія къ значительной части словъ занимаютъ отъ 1-го до $8^1/_2$ столбцевъ. Всѣхъ словъ на буквы А и Б до полуторы тысячи — цифра солидная. Но дѣло, конечно, не въ количествѣ, а въ качествѣ; можно набрать словъ изъ польскихъ, чешскихъ, ц.-славянскихъ, великорусскихъ и т. п. словарей и такимъ образомъ

увеличить количество словъ на А и Б до 5 тысячь. Нѣтъ, г. Шейковскій ведетъ дѣло сдержано, честно. Сколько, напр., можно было бы, даже изъ устъ народа, набрать словъ, сложенныхъ съ предлогомъ *без*, какъ: безхвостый, безсонница, безребрый, безпятый, безносый, безрукый и т. под., а г. Шейковскій ограничился всего только одною сотнею. Мало того, множество любопытнѣйшихъ словъ совсѣмъ опущено; нерѣдко изъ цѣлаго ряда однокоренныхъ словъ встрѣчаемъ одинъ лишь глаголъ или одно имя существительное, или только глаголъ, да одно существительное безъ производныхъ, или производныя безъ основныхъ словъ. Какъ напр: 1) *базь—базь!* базька, базікати, базікало (недост. базя — очка, базиканье, базный, базыч, базічный, базичня и т. п.) 2) *базувір* — (рный,—рье,—рчати). 3) *бахур*, *бахурювати* (нед. бахуріти,—сь, —рівка,— ичко,—рітка,— ринка,— риночка,—ный,— рота,—ище); 4) *базар*, —*ный*, —*ынка* (недост. базаритись, базарувати, базарчук, базурынкати и т. п.; 5) *балакати* (нед. балаканнє); 6) баклага; 7) *бурхат'*, —*нуть* (нед. бурхати, бурхливый,—хота,—ханне,—хня,— бурхач); 8) *буйний* (нед. буіти,—тный,—буіна! и т. д.) 9) *буль-буль! булька*, —*ати*,—*котати* (нед. бульбулькати, — нне,—ун, и т. п. Форма словъ большею частію обозначена только какая-нибудь одна, или одного говора: такъ, напр., глаголъ *баритысь*, безъ дѣйств. зал. *барити*, между тѣмъ какъ и въ дѣйствительномъ зал. этотъ глаголъ очень часто употребляется.

Та не *бари* мене, попович,
Бо в мене ненька перідненька,
Буде на мене сваритися,
Як я буду баритися.

борщывнычыты — безъ *борщивнычаты*; *бігунка* — безъ болѣе употреб. ф. *бігучка*; *бухати*, *бухнути* — безъ *бухчити* и т. под. Понятно, что всѣ эти недостатки могутъ служить не упрекомъ г Шейковскому въ невнимательности къ дѣлу или въ плохомъ знаніи южнорусскаго языка, а, напротивъ, доказательствомъ его осторожности и добросовѣстности при торопливомъ даже составленіи словаря; и конечно, доказательствомъ поспѣшности при составленіи его. Вѣроятно, г. Шейковскій не позволялъ себѣ полагаться на свой инстинктъ, на свою память и знаніе южнорусскаго языка, а вписывалъ въ свой словарь, исключительно только то, что находилъ существующимъ уже въ печати и записаннымъ изъ устъ народа надежными людьми, или что самъ успѣлъ записать. Это предположеніе подтверждается и тѣмъ, что значительная

часть словъ его словаря, взятыхъ не изъ изданныхъ уже произведеній народной малороссійской поэзіи, носитъ отпечатокъ преимущественно той мѣстности, гдѣ живетъ авторъ, или той, съ которою онъ, какъ авторъ »Быта Подолянъ,« наиболѣе ознакомился.

Правда, количество словъ много увеличено словаремъ собственныхъ именъ, фамилій и названій мѣстностей — дѣломъ, впрочемъ весьма полезнымъ; но, повторимъ, дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ.

Относительно *качества словъ* должно вообще замѣтить, что всѣ они чисто *южнорусскія*, болѣе часто встрѣчающіяся въ разговорномъ языкѣ и переданы довольно правильно преимущественно по тому говору, съ которымъ авторъ свыкся. Словъ явно польскихъ или новыхъ, великорусскихъ, обращающихся въ народѣ, въ »Опытѣ« г. Шейковскаго встрѣчается даже слишкомъ мало, равно какъ и словъ устарѣлыхъ или болѣе рѣдкихъ и мѣстныхъ, какъ: буіти, бурделя, бушля, богун, баклан, бандилля; даже такихъ, какъ балухати, балух, балухатый, бульбушка, брындюшка, берегти и т. д. Вообще же *идіомовъ* того или другаго нарѣчія, той или другой отдѣльной мѣстности, въ »Опытѣ« г. Шейковскаго почти не встрѣчается, или встрѣчается безъ обозначенія, и такъ мало, что еслибъ этотъ словарь былъ доведенъ такимъ же образомъ до конца, то по немъ далеко еще не вполнѣ можно было бы познакомиться съ общимъ лексическимъ составомъ не только поднѣпровскаго нарѣчія, но и съ заднѣпровскимъ или доднѣпровскимъ его подрѣчіемъ О нарѣчіи прикарпатскомъ (русинскомъ), конечно, и говорить нечего. Впрочемъ, авторъ самъ сознаетъ недостаточность въ этомъ отношеніи своего »Опыта«: онъ говоритъ (въ предисловіи) »что при обширности распространенія южнорусскаго языка не хватитъ силъ одного человѣка исчерпать все лексическое богатство его. Мы сдѣлали это на столько, на сколько возможно было сдѣлать, и не считаемъ трудъ свой полнымъ и совершеннымъ, а смотримъ на него какъ на »Опытъ«, могущій современемъ пополниться и усовершенствоваться.« Съ этою-то цѣлью г. Шейковскій и началъ издавать словарь *выпусками*, такъ-какъ, при такомъ изданіи, возможны усовершенствованія, пополненія и поправки въ дальнѣйшихъ выпускахъ. Матеріялъ для словаря такъ быстро увеличивается у г. Шейковскаго, что онъ уже принужденъ былъ, даже при 1-мъ выпускѣ, помѣстить *дополненіе*.« Стало быть, можно надѣяться, что современемъ этотъ »Опытъ« можетъ много пополниться и превратиться въ весьма полный словарь не только доднѣпровскаго подрѣчія, но и всего поднѣпров-

скаго нарѣчія, абыть можетъ и всего южнорусскаго языка.—Но мы говоримъ не о будущемъ, а о настоящемъ.

Не смотря на значительную неполноту собранія южнорусскихъ словъ, на неполноту обозначенія важнѣйшихъ ихъ формъ и важнѣйшихъ измѣненій по нарѣчіямъ, мы тѣмъ не менѣе, какъ по количеству словъ, такъ и по качеству ихъ (т. е. по выбору и передачѣ), должны поставить этотъ »Опытъ« значительно выше »Словаря Идіомовъ« и не можемъ не пожалѣть, что вышелъ только одинъ 1-й его выпускъ.

Достоинство словаря, какъ сборника словъ какого-нибудь языка, конечно, заключается не только въ большемъ или меньшемъ количествѣ набранныхъ словъ, не только въ правильной передачѣ ихъ, въ правильномъ обозначеніи всѣхъ важнѣйшихъ формъ каждаго слова и измѣненій его по нарѣчіямъ, — словомъ, не только въ правильной и полной передачѣ матеріяльной, звуковой части языка, но и въ такой же передачѣ духовной стороны его—въ правильномъ и отчеливомъ переводѣ и объясненіи значенія и употребленія словъ, безъ напраснаго многословія. Если въ первомъ отношеніи словарь г. Ш—го не безъ значительныхъ для перваго »Опыта« достоинствъ, то во-второмъ онъ изобилуетъ значительными недостатками, немало затемняющими самыя достоинства труда г. Ш—го. Правда, большая часть словъ объяснена довольно удовлетворительно,—по крайней мѣрѣ правильно указано нѣсколько оттѣнковъ значенія того или другаго слова; но и въ этой значительной части, быть можетъ (въ иныхъ случаяхъ) вслѣдствіе поспѣшности, не всегда соблюдается должный порядокъ значеній. Кромѣ того, много оттѣнковъ въ значеніи словъ не указано, какъ, напр., *бгати* (1) = сплетать, подгибать, загибать (о хлѣбѣ), и только; *бумкати* = играть на віолончели или на *рэшэті* — играть вообще на какомъ-нибудь инструментѣ, но плохо: *музыки бумкають*. Первое же значеніе этого слова — производить или произносить звукъ *бум-бум* (подражаніе звукамъ акомпанимента, баса) здѣсь опущено; равно какъ значеніе слова »*бровко*« — человѣкъ или животное съ большими бровями, совсѣмъ не обозначено, а только сказано, что это »*названіе собаки*«, т. е. означено частное, случайное, а общее, основное, опущено. То же самое встрѣчаемъ при словѣ *балан* (собств. свѣтло-желтый, палевый цвѣтъ, краска) — у г. Ш—го: »*названіе бѣлаго вола, или бѣлой собаки*«; »*баталія*—драка, ссо-

(1) Безъ-сомнѣнія, это — однокоренное слово съ *пхати*. Молдав. — баг (бъга — бъгат) = всовывать, впихивать).

ра«; »*бэрэжына* — земля, покрываемая водою во время половодья«, и въ другихъ. Встрѣчаются слова съ формою и значеніемъ, извѣстными намъ по Академическому, напр., словарю, а обиходныя малороссійскія опущены, напр. есть слово »*брыжі* = 1) брыжи, родъ украшенія на одеждѣ; 2) Брыжейка« (вѣроятно, mesenterium. См. Акад. слов. 1826 г.); а *брыжа* — гудокъ у бумажнаго змѣя опущено, и т. под.

Далѣе, авторъ »Опыта«, вѣроятно по свойственной ему осторожности, оставилъ многія слова необъясненными, даже безъ перевода на русскій языкъ, хотя иногда говоритъ о нихъ очень много. Такъ напр. при словѣ »*бары*« онъ говоритъ, что »такъ въ одной загадкѣ названы волки: *прійшли бары, та забрали дары* (1); *басолі* — тоже. »Это слово, говоритъ г. Ш—ій, употребляется въ слѣдующей поговоркѣ: *А уже мэні нэ до солі, коли граютъ на басолі!* Поздно кормить собакъ, когда пора итти на охоту. Въ такомъ смыслѣ эта поговорка употребляется въ Подольской губ.« Затѣмъ, слѣдуетъ мысль о происхожденіи нѣкоторыхъ поговорокъ изъ анекдотовъ, фацецій, повѣствованій и т. под., и наконецъ, не только приводится *цѣликомъ* весь анекдотъ, изъ котораго, по мнѣнію автора, заимствована вышеприведенная поговорка, но даже (въ добавленіи) и стихотворный его варіатъ; о самомъ же словѣ *басолі* рѣшительно ничего не сказано: не только не сдѣлано намека на то, какой это инструментъ, не польское ли это »basetla«, der Basselel, но даже не указано, что̀ за падежъ »басолі«. Такъ точно слово *бухылы* (подражаніе выговору жидовъ) вызываетъ автора на цѣлую фацецію о двухъ жидахъ, переданную въ стихахъ г. Руданскимъ, а чисто-малороссійское слово »*бухало*« остается не только не объясненнымъ, но даже и не приведеннымъ въ словарѣ г. Ш—го, между тѣмъ какъ оно имѣетъ разнообразное значеніе. Конечно, мы можемъ предположить, что авторъ »Опыта«, имѣя прежде всего въ виду »доставить какъ можно болѣе данныхъ (матеріяла) для эпическаго фазиса языка«, именно: пѣсень, поговорокъ, пословицъ, повѣрій, анекдотовъ и т. д., старался представить голые факты, которые сами собою объясняли бы дѣло, и не обременять словаря собственными догадками и соображеніями; но вѣдь дѣло *словаря*, во 1-хъ, *слова* и ихъ смыслъ, а не пѣсни и анекдоты, которымъ мѣсто въ особыхъ сборникахъ и которые входятъ въ словарь только нѣкоторыми своими частицами, поясняющими особенность значенія

(1) Впрочемъ, въ предисловіи г. Ш. замѣтилъ, что слова, однозначущія съ русскими, онъ не переводитъ.

или употребленія слова; во 2-хъ, слова́ и оттѣнки ихъ значенія едва-ли не болѣе важны для исторіи *языка*, чѣмъ приводимые г. Ш—мъ анекдоты позднѣйшаго образованія; наконецъ, какъ видно по многимъ мѣстамъ »Опыта«, авторъ его не отказываетъ себѣ въ удовольствіи пояснять то или другое слово собственнымъ толкованіемъ и даже *обременить* это толкованіе разсужденіями и подробными опроверженіями высказанныхъ кѣмъ-нибудь мнѣній. Такъ, напр., раскроемъ стр. 101: »*бра́ты*.... 4) *усі псы тэбэ бралы* — всѣ за тобой волочились (?!). Въ послѣднихъ двухъ (3-е жениться) значеніяхъ своихъ глаголъ *браты* сохранилъ въ себѣ остатокъ древняго значенія и намекъ на старинную форму брака у Славянъ, когда *умыкали* дѣвицъ, брали насильно. *Беры*, повел.; *беры выщэ*!—поговорка эта образовалась изъ слѣдующаго анекдота (слѣдуетъ анекдотъ)«... На стр. 100: *братство*... Въ Подольской губ. почти при каждой церкви есть подобныя братства. Это остатки реакціи противъ Уніи и *перепольщенія*. Жаль, что теперь эти братства не имѣютъ возможности дѣйствовать противъ перепольщенія, обладающаго такими огромными средствами для своей дѣятельности« и т. д. Замѣчаніе конечно хорошее, но едва-ли мѣсто ему въ словарѣ. На стр. 113: »*Брыніты*.... Прежде чѣмъ покажемъ значеніе этого слова, считаемъ не лишнимъ—говоритъ авторъ—выписать изъ »Корнеслова« г. Шимкевича трактацію его объ этомъ словѣ. Она покажетъ, до какой степени были знакомы наши филологи съ южнорусскимъ языкомъ и до какой степени допускали произвольныя толкованія (Слѣдуетъ подробная выписка трактаціи). Теперь покажемъ—продолжаетъ г. Ш., — значенія слова брыніты и тогда увидимъ все филологическое достоинство этой тирады«. Къ сожалѣнію, г. Ш—имъ опущены нѣкоторыя однокоренныя съ *брыніты* слова и оттѣнки значенія этого слова, и читатель все-таки не видитъ вполнѣ филологическаго достоинства трактаціи г. Шимкевича.

Ясно, что г. Ш—скій не стѣсняется наполнять словарь разными, едва-ли нужными для словаря, трактатами, разсужденіями, замѣтками въ популярномъ тонѣ и даже фактами, столь же идущими къ словарю, »як корові сідло«; о недостаткѣ мѣста, о необходимой для словаря сжатости при передачѣ фактовъ и при объясненіяхъ, онъ видимо не много думаетъ. Доказательство этому читатель встрѣчаетъ на каждомъ шагу. Объясняетъ, напр., г. Ш—скій слово »*будівля*—зданіе, строеніе; *світове будовля* — мірозданіе, міръ«. Кажись бы и дѣло съ концемъ, потому-что авторъ »Опыта« не допускаетъ въ этомъ своемъ трудѣ ни-

какихъ филологическихъ изслѣдованій, — такъ нѣтъ: *свитове будовля* напомнило ему сказаніе народа о сотвореніи міра, и вотъ онъ, ни съ того, ни съ сего, начинаетъ приводить цѣликомъ извѣстные по разнымъ изданіямъ варьянты этого сказанія, занимающіе три слишкомъ столбца его словаря и нисколько не поясняющіе ни значенія, ни употребленія, ни происхожденія слова »будівля«. Совершенно тоже читатель находитъ при объясненіи множества другихъ словъ, какъ при — бусель, береза, бути (выраж »був собі«), брачьчик, брехати (съ ничего не поясняющимъ анекдотомъ про брехню), при выраж. »беры выще«! (съ такимъ же анекдотомъ) и т. д. Даже слово »братуха« (грубо фамильярно ласкательное, соб. увел. отъ брат.) или »братух« (!!) вызываетъ г. Ш—скаго привести цѣлую шуточную пѣсенку, въ концѣ которой употреблено это слово: »Не псуй шкуры, мій братуху!«

Стало быть, въ недостаткѣ объясненія нѣкоторыхъ словъ (какъ басолі, білозірочка, бухыли и т. д.) мы принуждены видѣть или недосмотръ, или благоразумную осторожность автора — не объяснять и не писать того, чего положительно не знаешь. Въ послѣднемъ случаѣ, конечно, придется только пожалѣть объ одномъ: зачѣмъ авторъ »Опыта« не всегда держится этого прекраснаго правила и въ нѣкоторыхъ случаяхъ позволяетъ себѣ дѣлать объясненія и переводы, на основаніи личныхъ своихъ соображеній и догадокъ. Такъ напр., слово *баран* онъ, между прочимъ, переводитъ: »сильное теченіе волнъ«, тогда какъ, во 1-хъ, извѣстно, что *баранами* называютъ не сильное теченіе волнъ, а закручивающіяся (на подобіе бьющагося барана, или на подобіе бараньяго рога) и пѣнящіяся, бѣлыя (издали — какъ барашки въ полѣ) верхушки волнъ, и во 2-хъ, самыя слова приведенной въ »Опытѣ« пѣсни — »*віючеся* баранами« — наглядно представляютъ то, что такое здѣсь *бараны*. Слово »*безперестанці*« переведено нарѣчіемъ—*постоянно*, — тогда какъ приведенная г. Ш—имъ пѣсня гласитъ: »горять свічі безперестанці«, — стало быть прямо указываетъ, что это слово есть имя существительное, а не нарѣчіе, иначе было бы »*безперестанку*«, и т. под.

Несоблюденіе г. Ш—скимъ того же прекраснаго правила вводитъ его и въ болѣе преступныя, по нашему мнѣнію, погрѣшности, чѣмъ неправильное или неточное объясненіе слова. Кто обратитъ серьезное вниманіе на то, что многія слова невѣрно или неточно объяснены, или совсѣмъ оставлены безъ вниманія, что *безперестанці* — нарѣчіе, что »бугай« = бугай и *пеликанъ* = выпь, что »*бух*!« и »бебех!« — вы-

раженія моментовъ паденія (какого?), что »бурда« —просто »невкусное питье, кушанье« и т. под.? Но едва-ли кого не поразитъ странное осуществленіе г. Ш—скимъ того плана, о которомъ онъ говоритъ въ своемъ »Предисловіи« . Каждый, прочтя это предисловіе и не засматривая въ словарь, конечно, такъ пойметъ дѣло: »Составитель словаря считаетъ нужнымъ стремиться къ осуществленію той мысли, которую высказалъ Як. Гриммъ о словаряхъ; но, сознавая невозможность составить такой словарь и желая облегчить историко-сравнительную разработку роднаго языка доставленіемъ данныхъ изъ эпическаго его фазиса, онъ вмѣняетъ себѣ въ обязанность приводить въ своемъ словарѣ какъ можно болѣе такихъ данныхъ изъ народнаго быта и поэзіи, которыя тѣсно связаны съ объясняемымъ словомъ и служатъ къ уясненію его значенія, со всѣми оттѣнками его употребленія и даже самаго его происхожденія« . По-крайней-мѣрѣ, мы не могли бы иначе понять намѣренія г. Ш—скаго, потому что сроднились съ тою мыслью, что какъ ни разширяй понятія о словарѣ, словарь все-таки есть ничто иное, какъ сборникъ, собраніе и объясненіе словъ языка; что основная, ближайшая и опредѣляющая его цѣль есть изученіе того матеріала языка, который называется *словами*. Мысли В. Гумбольдта о языкѣ вообще и Як. Гримма о словарѣ не измѣнили это основное понятіе и цѣль словаря, а уяснили, пополнили и разширили его. Слова́ — какъ всякому теперь извѣстно — не искусственно изобрѣтенные значки. Они создались (или вѣрнѣе создавались), жили, измѣнялись и живутъ также какъ и самая мысль человѣка, съ которою постоянно тѣсно связаны и въ жизни которой принимаютъ даже активное участіе; будучи хранителями мысли народа, они, естественно, являются вмѣстѣ съ тѣмъ и двигателями ея. Когда-то, въ до-историческое время, въ такъ-называемой эпическій періодъ, словарождались вмѣстѣ съ первыми проблесками человѣческой мысли и поэзіи, характеромъ которой отличалась тогда и самая мысль; нерѣдко они заключали въ себѣ цѣлый миѳъ и были произведеніемъ миѳа, поэзіи. Доселѣ еще слова тѣсно связаны въ душѣ народа съ извѣстными эпическими выраженіями, даже цѣлыми пѣснями и со всею вообще поэзіею. Вамъ не разъ конечно приходилось слышать, какъ напримѣръ, иная бойкая молодица пересыпаетъ свою рѣчь, какъ горохомъ, поговорками, пословицами, выдержками изъ пѣсень, изъ народныхъ анекдотовъ, сказокъ и сказаній, — что́ слово, то и ссылка на родную поэзію. Эти сказки большею частію не есть случайное сближеніе понятій и могутъ служить однимъ изъ наглядныхъ доказательствъ существованія тѣсной связи въ душѣ на-

рода словъ со всею его поэзіею. Изучать матеріялъ языка — *слово*, можно не иначе, какъ рядомъ съ другими его матеріалами — съ поэзіею и самымъ бытомъ народа; равно какъ поэзію и бытъ народа нельзя изучать безъ изученія словъ. Тѣмъ не менѣе, конечно, слова — *звуковыя* понятія, представленія и чувства народа, какъ и весь языкъ — сами по себѣ составляютъ нѣчто самостоятельное, цѣлое, суть слова и языкъ, а не поэзія и не бытъ, и наоборотъ: поэзія или бытъ народа — не слова и не языкъ. Стало быть, и самый идеальный словарь какого-нибудь языка все-таки будетъ не что иное, какъ сборникъ словъ и всѣхъ соединяемыхъ и соединявшихся понятій, представленій, а не сборникъ пословицъ, сказокъ, анекдотовъ, не поваренная или сельско-хозяйственная книга. Поэзія и бытъ народа входятъ въ него лишь на столько, на сколько они необходимы для уясненія словъ, какъ въ современномъ ихъ значеніи, такъ и въ историческомъ развитіи, т. е. выдержками, упоминовеніями о нихъ и ссылками. И тѣмъ не менѣе такой словарь будетъ не просто сборникомъ словъ, а полною энциклопедіею понятій, представленій, свѣдѣній—словомъ, всего нравственнаго богатства народа народа, и можетъ быть самою популярною, настольною книгою. Но конечно о такомъ словарѣ мы покамѣсть можемъ только мечтать и подготовлять для него матеріялы. Въ чемъ же состоитъ подготовка этихъ матеріяловъ? Безъ сомнѣнія, во 1-хъ, въ собраніи полныхъ и точныхъ свѣдѣній какъ о жизни, о бытѣ народа, такъ и о его поэзіи — т. е. въ сборникахъ этнографическихъ свѣдѣній, въ сборникахъ пѣсень, пословицъ, анекдотовъ, сказокъ и т. под.; во 2-хъ, въ разработкѣ грамматики; въ 3-хъ, въ собраніи словъ языка и въ правильномъ обозначеніи ихъ современнаго значенія и употребленія въ рѣчи, какъ разговорной, такъ и поэтической; въ указаніи, на сколько позволяютъ изслѣдованія, и наблюденія, связи этихъ словъ съ произведеніями народной поэзіи и т. д., и наконецъ, въ 4-хъ, въ опредѣленіи корней словъ и въ сличеніи словъ съ родственными языками и т. д. Здѣсь уже начинается выработка изъ этихъ матеріяловъ *идеальнаго* словаря. Но мы говоримъ о подготовкѣ матеріяловъ и о подготовкѣ первоначальной, т. е. о собраніи фактовъ, гдѣ первое дѣло — точность, полнота передачи и отчетливое обозначеніе мѣста, откуда добыты факты, и второе — правильная, естественная и разумная группировка фактовъ, т. е. чтобы не дѣлать того, что называется »у городі лобода, а въ Київі дядько«.

Но г. Ш—скій ведетъ дѣло иначе. Повидимому, мысль о популярномъ характерѣ словаря сбила съ надлежащаго такта почтеннаго автора

»Опыта«. Онъ не шутя задумалъ сдѣлать словарь пріятною для чтенія книгою. Зная, что существуетъ связь между словами и понятіями, повѣрьями, поэзіею и всѣмъ бытомъ народа, онъ полагаетъ нетолько возможнымъ, но и необходимымъ, немедленно, безъ предшествующихъ изслѣдованій, вмѣстить въ словарѣ *цѣликомъ* всю поэзію и бытъ народа,—такъ что читатель и изслѣдователь, при каждомъ словѣ находили бы всѣ анекдоты, повѣрья, пословицы, игры, пѣсни (во всѣхъ ихъ варіянтахъ), заклинанія и т. д., относящіяся *(повидимому!)* къ тому или другому слову, и чтобы такимъ образомъ словарь былъ полнымъ сборникомъ не только словъ и понятій или представленій, соединяемыхъ съ ними (это дѣло старое, мало обращающее на себя вниманіе г. Ш—каго, второстепенное!), но вмѣстѣ съ тѣмъ и сборникомъ всѣхъ вообще духовныхъ произведеній жизни народа,—что, какъ дѣло новое, привлекаетъ все вниманіе автора. Изъ приведенныхъ выше примѣровъ (см. »борщ«, »басолі«, »бухылы«, »беры выщэ!«, »будівля«, а также—»брехаты«, »бусель«, »братуха« или »братух«) читатель могъ уже видѣть, какъ *буквально* слѣдуетъ понимать обѣщаніе г. Ш—кого: »*мы старались* въ »Опытѣ словаря Южнорусскаго языка« *привести какъ можно болье* пословицъ, загадокъ, пѣсень и т. д.«, и конечно съ своей стороны продолжитъ это обѣщаніе автора такъ: »мало обращая вниманія на то, какая существуетъ связь между ними и словами«. Конечно, относительно даже такого плана, »Опытъ« значительно грѣшитъ — опускаетъ множество важныхъ пословицъ, загадокъ, анекдотовъ, пѣсень, безъсомнѣнія хорошо извѣстныхъ автору »Быта Подолянъ«, но какъ отъ перваго »Опыта« и при томъ »Опыта,« составлявшагося торопливо, мы не имѣемъ права многаго требовать; мы только можемъ задать себѣ такой вопросъ: если этотъ поспѣшный и тощій »Опытъ« долженъ состоять изъ нѣсколькихъ томовъ, то что же представитъ намъ не опытъ, а полный словарь? сколько бумаги изведется, сколько труда и денегъ напрасно пропадетъ! Вѣдь сборники-то пѣсень, игръ, пословицъ, сказокъ, сборники этографическіе, все-таки будутъ своимъ чередомъ издаваться и »БытъПодолянъ« будетъ продолжать выходить въ свѣтъ. Видимо, что авторъ во 1-хъ не ясно понялъ мысль Як. Гримма и современныя требованія относительно словарей, не вполнѣ уяснилъ себѣ отношенія словъ къ поэзіи и быту народа и не взвѣсилъ должнымъ образомъ, какъ свои собственныя, такъ и наши вообще силы: иначе онъ, конечно, другимъ образомъ выполнилъ бы свою мысль о доставленіи *какъ можно* болѣе данныхъ изъ эпической жизни языка: — издавалъ бы, напр., сборники

поэзіи и быта народа, прилагая къ нимъ отчетливые комментаріи, не упускалъ бы изъ виду при составленіи словаря основную его мысль и цѣль; отложилъ бы на время свое стараніе приводить въ »Опытѣ словаря«, безъ связи съ дѣломъ и цѣликомъ, какъ можно болѣе пословицъ, анекдотовъ, пѣсень и т. д., и не исказилъ бы свой честный трудъ чудовищнымъ накопленіемъ разныхъ данныхъ изъ народного быта и поэзіи.

Неисполненіе авторомъ того же вышепомянутаго прекраснаго правила немало повредило и »Приложенію 1-му словарю« (собственныя имена и названія мѣстностей). Обратя вниманіе только на нѣкоторыя новыя требованія отъ словарей и не уяснивши себѣ ни эти требованія, ни отношенія ихъ къ основной мысли всякого словаря, авторъ впалъ въ односторонность даже при выполненіи такого простого дѣла, какъ словарь именъ и названій мѣстностей. Собственныя имена и названія мѣстностей весьма важны при изученіи языка и исторіи народа: они часто сохраняютъ въ себѣ слова, корни и формы, вышедшія теперь изъ употребленія или весьма рѣдкія; съ другой стороны, представляютъ многія интересныя указанія для исторіи народа, его древней религіи и т. под. Стало-быть, эти слова должны вноситься въ лексиконъ или въ его приложеніе слѣдующимъ образомъ: во 1-хъ, самое слово, во 2-хъ, значеніе его, въ 3-хъ, точное обозначеніе мѣста, носящаго это названіе или тѣхъ мѣстъ, гдѣ преимущественно употребляется или встрѣчается то или другое прозвище, и въ 4-хъ, наконецъ, указаніе на историческія лица носившія это прозвище. Г. Ш—скій говоритъ, что »на помѣщеніе въ словарѣ собственныхъ именъ и особенно фамилій онъ наведенъ былъ словаремъ Юнгмана. Я — продолжаетъ онъ — придаю особую важность помѣщенію южнорусскихъ фамилій въ словарѣ: *изъ такого словаря видно будетъ, какія южнорусскія фамиліи ополячились.* И вотъ, безъ указаній какихъ бы то нибыло отношеній приводимыхъ словъ къ языку, г. Ш—скій пишетъ цѣлые ряды фамилій и названій такимъ образомъ: *Бащэвскій*—фамилія, *Баловия*—id. Барабаш—id., *Басарскій*—id. *Басаврук*—id., *Берво*—id.; *Борсук*—id., *Боклый*—id., *Болгач*—id., *Берчычій*—id., (въ Том. 126) и т. д. *Балын*—названіе мѣста Подольской губерніи (при какой рѣкѣ, въ какомъ уѣздѣ—не сказано). *Безпус* — названіе озера Черниговской губерніи. (Шаф. 215), *Бьжецка Пьятына* — (Новгородской) (?!); *Берізняны*—село Кіевской губерніи; *Борзна* — городъ и т. д.— Если попадается прозвище, принадлежавшее какому-нибудь историческому лицу, то г. Ш—скій прилагаетъ весьма обширную для словаря (а, по его мнѣнію, краткую) біографическую

замѣтку, т. е. не только указываетъ годъ и дѣятельность этого лица, но входитъ въ значительныя подробности о его жизни (см. напр. »*Барскій*«). Если о какомъ-нибудь дѣятелѣ существуетъ народная пѣсня, то г. Ш. считаетъ умѣстнымъ привести въ словарѣ не только всю эту пѣсню, но и варіянты ея (см. напр. »*Байда*«). При названіи гор. *Азова* авторъ почелъ долгомъ перепечатать извѣстную думу о »*побытьи трехъ братьевъ изъ Азова*«. Фамилія »*Анжа Андыберъ*« не вызываетъ г. Ш—кого упомянуть о существованіи въ южнорусскомъ языкѣ слова *ганджа* (названіе сосуда), но вызвала перепечатать на $8^1/_2$ столбцахъ изъ *Украінськой Абетки* всю пѣсню объ этомъ туманномъ въ историческомъ отношеніи героѣ, и т. под.

Перелистывая »Опытъ« г. Ш—кого, удивляешься, какъ авторъ его не обратилъ вниманія на то, что подобное загроможденіе словаря перепечатанными и даже неизданными и неизвѣстными фактами не приноситъ существенной пользы словарю, а уродуетъ его, и притомъ, требуетъ значительнаго увеличенія издержекъ, а г. Ш—скій жалуется на недостатокъ средствъ для печатанія своего словаря (см. прим. 8, с. XI). Не загромождай г. Ш—скій свой »Опытъ« не относящимися къ дѣлу вещами, дорожи онъ сколько-нибудь болѣе мѣстомъ и печатай только то, что̀ необходимо для словаря, да печатай — замѣтимъ — болѣе сжато, не такъ разгонисто, и мы имѣли бы удовольствіе получить весьма порядочный »Опытъ словаря« не только на б. *А* и *Б*, но и еще буквы на три. Вѣдь не въ первый же разъ г. Ш—скому приходится печатать свои труды, чтобы мы могли опровергнуть эти несообразности одною неопытностію!

Положимъ наконецъ, что всѣ приведенныя имъ пѣсни, анекдоты, пространныя разсужденія, тирады, объясненія словъ и т. д., хотя и косвенно и мало, а все-таки небезполезны даже въ словарѣ; но съ какой стати г. Ш—скій, зная, какъ трудно ему дается печатаніе, какъ много ему слѣдуетъ дорожить мѣстомъ, наполняетъ страницы своего труда вещами совершенно уже не относящимися къ дѣлу. На стран., напр., XI (въ Предисловіи) читаемъ: »Объясненіе сокращеній и знаковъ«. Дѣло это, конечно, необходимое; но все оно, даже при томъ шрифтѣ, какимъ пользовался г. Ш—скій, могло бы очень хорошо помѣститься въ 4-хъ столбцахъ, а г. Ш—скій занялъ этимъ »объясненіемъ« цѣлыхъ 7 страницъ (т. е. почти 14 столбцевъ). Какимъ же это образомъ? А вотъ видите: почтенный авторъ заблагоразсудилъ воспользоваться симъ случаемъ, дабы не только объяснить употребляемые имъ знаки и сокращенія, но *(кстати!)* высказать и свой оригинальный взглядъ на то или на

другое сочиненіе, на того или другаго дѣятеля, не стѣсняясь притомъ ни мѣстомъ, ни бумагой и печатаніемъ, ни даже деликатностью. Напр.

Він=Вінок (у меня было это сочиненіе безъ заглавного листка. Не *Головацкого* ли это »Вѣнокъ русиномъ на обжинокъ?« Вѣна 1846). Отчего бы г. Ш—кому вмѣсто того, чтобъ писать это, не справиться сначала въ библіотекѣ Кіевскаго университета или въ какой-нибудь другой?

Кобз=Кобзарь Т. Гр. Шевченка. Спб. 1860 г.

Въ то время, когда узколобые смѣялись надъ южнорусскимъ языкомъ и т. д. Слѣдуетъ хвала Шевченку, какъ истинному отцу южнорусской литературы, потомъ — разборъ или изложеніе мнѣнія г. Шейковскаго о »Гайдамакахъ« и о »Наймичкѣ«, которую, въ ея основѣ, онъ считаетъ плодомъ не *нашей* почвы. — Мнѣнія эти занимаютъ почти 2 столбца.

Осн=Основа. Журналъ этотъ, безсомнѣнія, принесетъ много пользы для изученія южнорусскаго края и его народа Но »Основѣ« не мѣшалъ бы *основательнѣе* изучить южнорусскій языкъ. (Затѣмъ слѣдуетъ трактатъ о стремленіяхъ »Основы« относительно языка, о незнаніи »Основы« народнаго быта, о словарѣ при »Основѣ« и неправильномъ объясненіи слово »черідка«.— Всего почти 2 столбца.

Квіт=Повісти Квітки. Изд. Куліша. 1858. (Къ этимъ повѣстямъ приложена біографія *Основьяненка*, написанная самымъ топорнымъ языкомъ г. Кулиша, нашего Тредьяковскаго). Слѣдуетъ обозначеніе года и мѣста рожденія и смерти Квитки.) Повѣсти его замѣчательны не въ художественкомъ отношеніи, а болѣе какъ слабые матеріялы для изученія народнаго быта. (NB: это значитъ: вотъ, дескать, еще тебѣ гостинецъ, г. Кулишъ — раскусывай!...)

Каждый человѣкъ дорожитъ своими мнѣніями и каждый стремится заявить ихъ міру, конечно не изъ одного *авторскаго самолюбія*, но и потому, что дѣствительно убѣжденъ въ истинности этихъ мнѣній и жаждетъ торжества истины. Въ обществѣ молодомъ такое стремленіе чрезвычайно легко беретъ верхъ надъ разумностью и, естественно, отличается мелочностью, легкомысліемъ и ѣдкостью; каждый здѣсь стремится скорѣе выкрикнуть все то, что »*ему вѣтеръ на роть наноситъ*«, какъ говорилось встарину,—и проникается страшною нетерпимостью ко всему что́ не по немъ, что »*ему не по ндраву*«. Чѣмъ менѣе талантливъ дѣятель такого времени, тѣмъ онъ мелочнѣе и злѣе. О состояніи нашего общества мы уже говорили, въ первой статьѣ. Москвичи, еслибы они сами менѣе страдали тою же немощью молодости, всенепремѣнно увидѣли въ этомъ ясное доказательство исторической неспособности хохловъ къ государственной жизни; но... впрочемъ здѣсь не о томъ рѣчь! Дѣйствительно, страстностью во всякой дѣятельности отличаются Южане отъ Сѣверянъ и современные южнорусскіе дѣятели едва-ли много уступятъ даже зрѣлымъ Сѣверянамъ въ *богатырскомъ* уваженіи сво-

ихъ личныхъ мнѣній, въ нетерпимости и въ *свободѣ слога*, сирѣчь въ бранчивости. По-крайней-мѣрѣ мы можемъ противоставить въ этомъ отношеніи хоть кому нашего молодаго дѣятеля, г. Шейковского. Онъ, повидимому, обладаетъ такимъ славолюбіемъ, такъ горячо стремится скорѣе высказать свои мнѣнія и взгляды, такъ уважаетъ ихъ, что готовъ принести имъ въ жертву не только достоинство своего труда и, стало быть, общую пользу, которую онъ доставилъ бы скорѣйшимъ изданіемъ всего своего словаря, но даже что-нибудь большее.

Дѣло само за себя говоритъ лучше.

Авторъ »Быта Подолянъ и Опыта словаря« давно уже смотритъ на г. Кулиша, какъ на злѣйшаго (по направленію, конечно) своего врага, и считаетъ своею священною обязанностью свергнуть этого идола съ незаслуженнаго имъ пьедестала. Ну, и свергай и рази его: — это похвально! Но, во-первыхъ, не ломай стулья, не наноси убытка казнѣ, будь порядочнымъ джентльменомъ, а не разгульнымъ богатыремъ съ его свободою слога, уважай общественную собственность — человѣческую личность, и во-вторыхъ, если разить врага правды и истины, то, само собою разумѣется, рази его, а не себя, — такъ приказываетъ и разсудокъ и чувство самохраненія; г. же Шейковскій — вмѣсто того, чтобъ наносить удары врагу — на каждомъ шагу безжалостно поражаетъ самого себя: пускаетъ противъ г. Кулиша ни съ чѣмъ не сообразные эпитеты, бездоказательные приговоры и неосновательныя мнѣнія, читая которыя г. Кулишъ и каждый читатель вспомнитъ выраженіе: »чого воно тамъ розгавкалось!« — Пріятно ли кому бы то ни было достигать такихъ результатовъ отъ своихъ усилій?...

Въ № 1-мъ »Основы« объявлено было, что г. Кулишъ готовитъ къ изданію словарь. Тотчасъ антагонистъ г. Кулиша, въ 9-мъ № Кіевскаго Телеграфа, объявилъ, что онъ тоже приступилъ къ печатанію словаря. Прочтя это, г. Кулишъ почелъ за лучшее уступить г. Ш—скому званіе перваго по времени лексиколога и пріостановить изданіе своего словаря, о чемъ заявилъ во 2 № Основы: »можетъ быть, словарь г. Шейковскаго сдѣлаетъ мой трудъ излишнимъ; если же этого не случится, то безъ сомнѣнія, онъ будетъ важнымъ для меня вспоможеніемъ при окончательной обработкѣ моего словаря. Во всякомъ случаѣ — заключаетъ онъ — отъ души радуюсь предпріятію г. Ш—каго и дружески привѣтствую его на новомъ, для насъ обоихъ, поприщѣ«. Г. Ш—скій выписываетъ въ своемъ »Опытѣ« этотъ привѣтъ г. Кулиша, называя его курьезнымъ quasi-сочувствіемъ и сопровождая такими комментаріями: »Ну

къ чему такая скромность! Для г. Кулиша это не новое поприще: онъ заявилъ себя словарчикомъ при *Черной Радѣ*, гдѣ между прочимъ есть слѣдующее объясненіе слова *псяюха*, будто это значитъ *собачье ухо* (?!), а не собачья кровь, какъ бы слѣдовало (1)... Я надѣюсь, — продолжаетъ г. Ш., — что сравненіе этихъ словарей (т. е. словаря г. Шейковскаго и г. Кулиша) между собою рѣшитъ многое! Но г. Кулишъ, по какой то *хитрости* или *трусости* (не знаю, какъ назвать это), пріостановилъ свой трудъ«, и т. д.

Такое важное примѣчаніе занимаетъ въ книгѣ г. Ш—каго почти цѣлую страницу.

На-сколько умѣстны подобныя замѣчанія, на-сколько позволителенъ подобный тонъ (мы не говоримъ, въ дѣльномъ, ученомъ трудѣ, но вообще) въ литературѣ, предоставляемъ судить читателю, и обратимся къ сущности этого дѣла.

Г. Ш—скій видимо торопился скорѣйшимъ изданіемъ въ свѣтъ своего словаря, — доказательствомъ этому можетъ служить самый словарь его — собраніе и объясненіе словъ и вообще наборъ матеріяловъ. Мы не сомнѣваемся, что г. Ш—скій обладаетъ несравненно бо́льшимъ количествомъ матеріяла и способенъ вести работу гораздо осмотрительнѣе и съ бо́льшею обдуманностью, чѣмъ представляетъ намъ это его »Опытъ«. Обсудивши дѣло спокойно, не торопясь, онъ конечно много пополнилъ бы свой словарь дѣломъ, не сталъ бы пихать въ него все, что́ ни попалось подъ руку; лучше обдумалъ бы планъ своего »Опыта« и легко сообразилъ бы, что отъ *русинъ* и *русины*, г. Левченко, какъ и всѣ другіе писатели, правильно производитъ прилагательное *русинскій*, а не *русскій*, — какъ хочется г. Ш—скому. Впрочемъ, самъ авторъ »Опыта,« въ примѣчаніи своемъ, направленномъ противъ привѣта г. Кулиша, откровенно признается, что объявленіе послѣдняго о приготовляемомъ имъ словарѣ вызвало въ немъ еще болѣе сильное желаніе ускорить изданіе своего »Опыта«. Не беремся судить, что́ побудило г. Ш—скаго черезчуръ торопиться изданіемъ своего труда — точно

---

(1) Г. Ш—скій при этомъ, неизвѣстно почему, забываетъ то, что *псяюха* только для поляка имѣетъ значеніе »пся крев«, собачья кровь; южноруссъ же соединяетъ съ этимъ словомъ совсѣмъ иное понятіе и скорѣе видитъ въ псяюхѣ — собачье *ухо*, или просто увеличительное слово отъ псюка, чѣмъ собачью кровь, — подобно тому, какъ г. Ш—скій въ словѣ *бурда* видитъ только *невкусное питье*, или кушанье.

ли желаніе представить свой словарь рядомъ съ словаремъ г. Кулиша, для того, чтобы — »сравненіе ихъ рѣшило многое,« или просто желаніе явиться первымъ малороссійскимъ лексикографомъ — сначала по времени, издавши одинъ или два выпуска а, потомъ, когда другіе издадутъ полные словари, и по качеству? Мы можемъ только сказать, что, судя по первому выпуску, трудъ г. Ш—скаго совершился слишкомъ торопливо (при соревнованіи же первое дѣло не время, а качество), что г. Ш—скій, *не располагая средствами* для изданія полнаго словаря, по необходимости (какъ онъ самъ говоритъ) долженъ приступать къ изданію *слѣдующаго выпуска только по распродажѣ предыдущаго*, и что наконецъ въ объявленіи (на оборотѣ книги) говорится имъ слѣдующее: »Первый томъ можетъ выйти въ теченіе 1862 года только въ такомъ случаѣ, если къ 1 февралю 1862 г. будетъ по крайней мѣрѣ 100 подписчиковъ на цѣлый томъ. Въ противномъ случаѣ, изданіе словаря.... *будетъ прекращено* и деньги будутъ возвращены подписчикамъ«.

Что же это значитъ? Почему такой короткій назначенъ срокъ? Вѣдь земля наша широка и обильна медленностью, а желѣзныхъ дорогъ нѣтъ. 1-й вып. »Опыта« вышелъ въ свѣтъ въ декабрѣ. Въ половинѣ января, въ такомъ городѣ какъ Одесса, даже книгопродавцы еще не знали навѣрное, что »Опытъ словаря« г. Ш—скаго уже изданъ; многіе ожидали рецензіи этого словаря, чтобы рѣшить, стоитъ ли на него подписываться; немногіе имѣли случай пріобрѣсти его, — да и скоро ли еще они докопаются до грознаго условія, притаившагося въ концѣ объявленія? Что же за разсчетъ назначать такой короткій срокъ? Вѣдь это значитъ—или совсѣмъ не знать нашей дѣйствительности и воображать себя въ Англіи, да притомъ великимъ дѣятелемъ, за трудами котораго всѣ слѣдятъ, какъ астрономы за кометою, или умышленно подводить публику подъ отвѣтственность въ неисполненіи ею условія и *навѣрняка* разсчитывать на это неисполненіе. Но это еще не все! Чѣмъ объяснить себѣ странное противорѣчіе г. Ш—скаго: въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что можетъ »приступить къ изданію послѣдующаго выпуска только *по распродажѣ предыдущаго*« а въ »объявленіи« (въ той же книжкѣ), предписавши неисполнимое условіе, говоритъ: »въ противномъ случаѣ (если до 1-го февраля не будетъ 100 подписчиковъ) *изданіе словаря.... прекращается*«. Это значитъ, что г. Ш—скій прямо желаетъ ограничиться однимъ первымъ выпускомъ своего »Опыта«. »Нехай воно и такъ буде!« хотя нельзя не пожалѣть, что мы лишимся возможности

пользоваться его почтеннымъ трудомъ. — Но и этого еще мало: »вольному-воля, спасенному-рай:« — хочетъ г. Ш — скій, издавай свой »Опытъ;« не хочетъ — не издавай, сваливай даже вину на общество, или не сваливай — »все отпустится тебѣ, говоритъ святое писаніе, но хула на Духа не отпустится,« а такою хулою нельзя не почесть слѣдующія слова г. Ш—скаго: »въ противномъ случаѣ (если до 1-го февр. не будетъ 100 подписчиковъ), изданіе словаря, какъ дѣло не *своевременное* и не сообразное съ потребностями и развитіемъ южнорусскаго народа, будетъ прекращено,« и т. д. По моему мнѣнію, это значитъ не только сваливать вину съ больной головы на здоровую, но *ложно* обвинять общество въ неразвитости, незрѣлости и въ отсутствіи сочувствія къ разработкѣ родной почвы, т. е. оправдывая себя, клеветать на общество, мало еще намъ извѣстное. Неуспѣхъ нашего труда, кажется, всего естественнѣе объяснять тѣмъ, что трудъ нашъ дуренъ, недостаточенъ или мало полезенъ для современной мысли. Тѣмъ болѣе это можно сказать относительно такого труда, какъ словарь мало извѣстнаго языка: имъ интересуются не одни »любители роднаго слова« или Малороссіи, а всякій образованный человѣкъ и самая наука. Еслибы подобный трудъ Як. Гримма потерпѣлъ неуспѣхъ, то и Як. Гриммъ (человѣкъ, впрочемъ, въ высшей степени скромный) просто объяснилъ бы дѣло тѣмъ, что трудъ его дуренъ; ему и въ голову не приходило бы считать себя Галилеемъ или обвинять общество въ недозрѣлости: въ наше время такія мысли могутъ приходить только людямъ слишкомъ недозрѣлымъ, не выработавшимся, надутымъ, или безталаннымъ, всегда любящимъ считать себя въ положеніи какой-то »непризнанной индѣйки«.

Зная по усерднымъ трудамъ г. Ш—скаго, какъ онъ занятъ Малороссіею, а стало быть, какъ онъ любитъ ее, мы не допускаемъ мысли, чтобы все сейчасъ указанное нами, было дѣломъ умысла и хитрости; мы объясняемъ все это тѣмъ же самимъ, чѣмъ объясняли мы недостатки въ планѣ и въ составѣ его словаря, т. е. горячностью, поспѣшностью и не полною обдуманностью. Эти качества такъ обыкновенны въ наше время, что мы смотримъ на нихъ не безъ нѣкотораго даже сочувствія, хотя и считаемъ своимъ долгомъ указывать и на дурныя ихъ послѣдствія. Быть можетъ, и въ самихъ этихъ указаніяхъ зоркій глазъ найдетъ немало погрѣшностей и необдуманностей, — но что же дѣлать! мы всею душею стремимся къ добру, къ свѣту и истинѣ, да прямой къ нимъ дороги не знаемъ. Надѣюсь, что г. Ш — скій не отвергаетъ эту истину за ея почтенныя лѣта, и потому не приметъ откровенно-высказанныя на-

ми мнѣнія о его трудѣ за недоброе желаніе во что́ бы то ни стало преслѣдовать его, придираться къ мелочамъ и чернить его честный трудъ; надѣюсь тѣмъ болѣе, что я на-столько же сторонникъ г. Кулиша, насколько сторонникъ и г. Ш—скаго, и г. Закревскаго, и всѣхъ стремящихся къ одной и той же благородной цѣли.

Ал. Гатцукъ.

1 февраля 1862.
Одесса.

О ПРАВОПИСАНІЯХЪ.

заявленныхъ Украинскими писателями съ 1834 года по 1861 г.

Audiatur et Altera pars.

Въ краткой замѣткѣ »*о Малорусскихъ азбукахъ*« помѣщенной въ литературномъ отдѣлѣ Моск. Вѣд. (№ 180–й), г. А. Т...ій, проходя перечнемъ сдѣланное до сихъ поръ для малороссійскаго народа, относительно средствъ къ развитію въ немъ грамотности, и, ограничиваясь, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, краткими замѣчаніями, между прочимъ говоритъ объ изданной мною народной азбукѣ, подъ названіемъ »Украінська Абе́тка:« »Особенность ея та, что она напечатана славянскими (?) буквами. Г. Гатцукомъ, въ этомъ случаѣ, руководила та мысль, чтобы учащійся могъ лучше *привыкнуть къ славянскимъ буквамъ* и, по изученію азбуки, свободно перейти къ чтенію Псалтыря и др. Но для этого все таки не слѣдовало-бы печатать всей азбуки славянскими буквами, а достаточно помѣстить въ азбукѣ славянскія буквы и нѣсколько страницъ по–славянски. Правда у нашего народа сильно развита любовь къ духовному чтенію, но не мѣшаетъ также развивать въ немъ любовь и къ *гражданскому чтенію*.« Далѣе, упоминая о достоинствахъ моей азбуки, прибавляетъ, что «если–бы она не была напечатана славянскими буквами, то ей было–бы можно отдать предпочтеніе передъ Кулишевской.«

И такъ, по мнѣнію г. А Т....аго, весь недостатокъ моей азбуки заключается въ томъ только, что она отпечатана не гражданскими, а церковно–славянскими буквами, вслѣдствіе чего, я счелъ необходимымъ изложить причины побудившія меня поступить не такъ, какъ поступаютъ другіе.

Передъ изданіемъ моей азбуки, я прежде всего старался тщательно разсмотрѣть самые необходимые къ тому вопросы: *какъ-бы проще и удобнѣе проложить учащемуся наиболѣе легкій путь къ изученію грамоты, и какими именно буквами — шрифтомъ и орѳографіей должно печатать народные учебники?* — Въ удачномъ и вѣрномъ разрѣшеніи этихъ вопросовъ неоспоримо заключается главнѣйшее условіе для каждой азбуки.

Живши долгое время въ кругу народа самою близкою къ нему жизнью, въ одной семьѣ и въ одной избѣ, раздѣляя съ нимъ все и сливаясь съ нимъ въ одно, общее всѣмъ, значеніе человѣка,—я могъ удобно наблюдать и замѣчать духовную жизнь украинца и ея потребности. А потому не могъ не обратить вниманія на то обстоятельство, съ какимъ уваженіемъ народъ смотритъ на всякую вообще книгу церковной печати, съ какою любовью и заботливою бережливостью сохраняется она, если пріобрѣтается семействомъ, хотя-бы даже никто въ этомъ семействѣ не умѣлъ прочитать изъ нея строчки; и, хотя бы въ этой книгѣ излагались напримѣръ славные подвиги *»сильно-могучаго богатыря Бовы Королевича,»* не говоря ужь о множествѣ духовныхъ произведеній, выходящихъ изъ монастырей и сильно распространенныхъ въ народѣ, какъ въ рукописяхъ, такъ и печатно. Эти произведенія всегда принимались и нынѣ принимаются за непреложную истину и святость.

Причины тому заключаются въ тѣхъ-же самыхъ началахъ, на основаніи которыхъ суздальская смѣтливость печатала и печатаетъ свои лубочныя сказки церковнымъ шрифтомъ, а Кіевская Лавра свои буквари и сказанія о святыхъ, когда гражданскій шрифтъ былъ уже общеупотребителенъ и въ украинскомъ обществѣ и между украинскими писателями. Это было не такъ давно, да и теперь дѣлается какъ дѣло благоразумія, ненарушающаго естественнаго хода вещей.

Нерѣдко мнѣ случалось быть свидѣтелемъ, какъ отецъ-поселянинъ желая дать возможность своему сыну изучить грамоту, и не умѣя самъ читать, отыскивалъ на ярмаркахъ всѣмъ извѣстные кіевскіе *букварі*, успѣвшіе въ теченіи 150-ти лѣтъ пріобрѣсть въ народѣ такую *славу*, что въ годъ ихъ расходилось, какъ мнѣ извѣстно изъ справокъ, по этому случаю, въ Лаврѣ, до 80 тыс. экземпляровъ и даже болѣе. Узнавалъ онъ этотъ букварь и покупалъ его, потому что или видѣлъ его у своего кума и кумъ похваливалъ букварь, или самъ учился по нёмъ, да не далась ему грамота, или-же потому, что и на нёмъ,

какъ на каждомъ украинцѣ, отразилось то обаятельное вліяніе священной печати (святого писáнія) которое вѣками и постепенно проникало въ народъ. Когда случалось, что услужливый *ходебщикъ* Суздалецъ или Ярославецъ предлагалъ поселянину свою *книжицу* »*Расѣйскую азбуку*«, называя вообще такой товаръ »*Граматкой*« —то, посмотрѣвъ на эту *книжицу*, благочестивый отецъ отводилъ руку Суздальца, приговаривая: *це не наше*! и, перевёртывая въ рукахъ какую либо другую *книжицу-граматку*, отыскивалъ завѣтнаго букваря. По этимъ–то букварямъ, до 1825 года, почти всѣ въ Украинѣ, желающіе и нежелающіе, учились грамотѣ, а въ числѣ ихъ и мы грѣшные,—(большинство народа продолжаетъ по нимъ учиться и до сихъ поръ), пока не нахлынули съ сѣвера лубочныя *книжицы*, съ успѣхомъ вымѣниваемые промышленными *ходебщиками* на »*щетинку*« да на разный прáсольскій товаръ и не распространились такимъ образомъ въ нашемъ народѣ, по сю сторону Днѣпра, подъ общимъ названіемъ »*Граматки.*« Эти–то *граматки* особенно были распространены въ послѣднее время въ Черниговской и Харьковской губерніяхъ, какъ главномъ операціонномъ пунктѣ суздальскихъ промышленниковъ–*офеней*. Потому и неудивительно, что онѣ пріобрѣли въ народѣ такую популярность, и что языкъ, въ этихъ губерніяхъ, нетолько по городамъ, но, даже, и по селамъ, значительно испортился; впрочемъ, въ этомъ случаѣ достаточно способствовали весьма многіе и изъ мѣстныхъ помѣщиковъ. Вотъ причины, поставившія меня въ необходимость предпочесть шрифтъ *церковно–словянскій*, а не славянскій, какъ говоритъ г. А. Т....ій; славянскаго шрифта нѣтъ, какъ нѣтъ и не можетъ быть славянскаго языка—единого, общаго: есть только *обще-церковный словянскій* шрифтъ, который я и предпочелъ, въ-особенности *старо-кіевскій*, какъ болѣе извѣстный и уважаемый въ народѣ.

При разрѣшеніи другаго вопроса о томъ, какое именно, при церковно–словянскомъ шрифтѣ, должно быть правописаніе? — я руководствовался слѣдующими данными: Такъ какъ древнія писанныя *Коурилиці* и вышеозначенные буквари писались и печатались исключительно полнѣйшею церковно-словянскою азбукой, со множествомъ знаковъ надъ буквами и со всѣми титловыми сокращеніями въ словахъ, то учащемуся предстоялъ тяжелый трудъ къ усвоенію правилъ чтенія; тѣмъ болѣе, что въ этихъ учебникахъ, и особенно въ печатанныхъ въ позднѣйшее время букваряхъ, рѣшительно не было ни од-

ного народнаго слова; многіе знаки надъ буквами не имѣли смысла; между строчными встрѣчались такія буквы, которыхъ вовсе не обозначалось въ азбукѣ или на оборотъ—въ азбукѣ упоминались тѣ, которыя весьма рѣдко употреблялись въ словахъ; къ довершенію же всего не было соблюдено въ орѳографіи никакой послѣдовательности и разумной системы. А потому учащіеся не выучивали, а, вѣрнѣе, *вымучивали* жалкія свѣдѣнія въ грамотѣ; нерѣдко случалось, что учащійся, встрѣчая непреодолимыя затрудненія, ожесточался и прекращалъ безплодный трудъ.

На этомъ основаніи, придерживаясь, какъ уже сказано, церковно – словянскаго шрифта, я старался привести нашу древнюю орѳографію, образовавшуюся въ слѣдствіе фонетическихъ свойствъ и законовъ нашего языка, въ самую простѣйшую систему, сохранивъ въ ней не болѣе трёхъ знаковъ, какъ безусловно-необходимыхъ и характеристическихъ, о чемъ я и упомянулъ въ предисловіи своёмъ къ азбукѣ.

Принимая въ уваженіе, что украинцу равно было затруднительно и, даже, дико какъ въ букваряхъ, такъ и въ *граматкахъ* разбирать и заучивать слова, совершенно ему чуждыя и вовсе непонятныя,— я рѣшился ограничиться въ своей азбукѣ текстомъ исключительно народнымъ, чтобы тѣмъ еще болѣе облегчить учащагося. На основаніи такихъ соображеній, я, безъ сомнѣнія, долженъ былъ нетолько предпочесть *церковно-словянскій шрифтъ и древнюю кіевскую орѳографію* для народнаго руководства, въ–особености для начальнаго учебника,—но, даже, въ размѣрахъ и формѣ книги старался подражать старымъ образцамъ, давно знакомымъ народу. Сожалѣю, что нѣкоторыя мѣста, въ своей азбукѣ, не обозначилъ киноварью и далъ названіе ей,—отчасти только извѣстное народу (Абе́тка), а не популярное древне »*Кирилиця*;« но первое гораздо опредѣлительнѣе. Насколько я успѣлъ въ своемъ дѣлѣ—пусть судятъ другіе; но я убѣжденъ, что какъ церковно-словянскій шрифтъ освященъ въ народѣ вѣками, такъ и церковно-словянская азбука вѣрно и вполнѣ удовлетворяетъ характеристическимъ свойствамъ каждаго изъ словянскихъ языковъ и нарѣчій, а слѣдовательно и нашего,—только надобно ограничиться въ ней тѣмъ именно, что́ прямо соотвѣтствуетъ характеристикѣ языка:—тогда она послужитъ самымъ дѣйствительнымъ, основнымъ и легчайшимъ ключемъ къ начальному образованію народа; тѣмъ болѣе, что этой *Кириллицей* писаны и печатаны всѣ наши древнія лѣтопи-

си и акты, заключающіе въ себѣ жизнь и бѣдственныя судьбы нашего народа. А потому справедливѣе было-бы намъ, вмѣсто легкомысленнаго пренебреженія къ законному факту, сроднившемуся съ народомъ, стараться не выходить изъ колеи нашей литературной послѣдовательности и не навязывать народу, въ такомъ важномъ дѣлѣ, непризнанныя нововведенія, ему вовсе незнакомыя. Всему должна быть своя постепенность; всякія въ этомъ случаѣ насильственныя мѣры и неестественные скачки только вредятъ разумному дѣлу, затрудняя развитіе народа и грозя чистотѣ его языка. Это фактъ уже испытанный, дознанный и свидѣтельствующій самъ за себя.

Что́ касается до нашей повсемѣстной, общей, такъ-называемой *гражданской* азбуки и *гражданской* ороографіи, то изученіе послѣдней на столькоже затруднительно для нашего народа, какъ и общей церковно-славянской. Она постоянно идетъ въ разладъ съ говоромъ народнымъ; присутствіе въ ней *ы*, какъ необходимаго для языка великорусскаго, сильно способствуетъ къ огрубленію нашего южнаго—мягкаго; употребленіе буквъ: *і*, *и*, *ѣ*, *е*, *э*, и *ѵ*, какъ неимѣющее филологическаго основанія, не только намъ, но и великоруссамъ, весьма затруднительно и сбивчиво. Главнѣйшій же недостатокъ этой азбуки и правописанія заключается именно въ излишествѣ совершенно напрасныхъ буквъ и въ отсутствіи нѣкоторыхъ знаковъ, безусловно-необходимыхъ по требованіямъ живой народной нашей рѣчи. Къ тому-же, великорусская азбука и правописаніе, усвоивъ себѣ особенности, болѣе удовлетворяющія великорусскому языку, во многихъ случаяхъ контрируютъ украинскому, въ ущербъ его характеристики. (См. письмо г. Куцаго, помѣщенное въ № 24 Русскаго Вѣстника за 1859 годъ)—А потому естественно, что каждый изъ нашихъ простолюдиновъ, выучившійся грамотѣ по великорусскимъ *граматкамъ*, немилосердно ломаетъ украинскій языкъ.

Имѣя въ виду только единственную пока у насъ—общую гражданскую азбуку, я не понимаю, о какой еще другой гражданской азбукѣ или гражданскомъ письмѣ, печати, упоминаетъ г. А. Т....ій въ своей замѣткѣ?

Если г. А. Т....ій приписываетъ право гражданства, какъ по словамъ его надобно догадываться, ороографіи, удержанной г. Кулишомъ, въ изданной имъ для народа «*граматкѣ*» и въ издающихся для народнаго чтенія книжкахъ, на томъ только основаніи, будто-бы она болѣе распространена между *публикою и украинскими писа-*

тслями,—то г. А. Т....ій долженъ былъ взять въ соображеніе, что публика украинская и народъ давно и долго шли въ разладъ другъ съ другомъ; публика приняла весьма многое въ ущербъ своей народности, пренебрегая роднымъ языкомъ; публика скоро и легко принимаетъ всякую, даже нелѣпую, новость, если она только льститъ или нравится ей; а народъ всегда былъ строгій консерваторъ и, вообще, не скоро поддается нововведеніямъ. Притомъ, если эта орѳографія сдѣлалась болѣе извѣстною публикѣ (надобно разумѣть тѣхъ читателей, которые пріобрѣли грамотность помощью руководствъ велико-русскихъ)—то слѣдовало бы сказать, что она давно уже извѣстна ей, потому что за исключеніемъ только буквъ *ъ* и *ы*, она совершенно таже обще-гражданская. Такъ-какъ эту орѳографію легче всего было примѣнить къ средствамъ, имѣющимся въ каждой типографіи, что и сдѣлалъ г. Кулишъ при устройствѣ своей, то всѣ, присылаемыя къ нему оригинальныя и записанныя отъ народа украинскія произведенія, были печатаны не иначе, какъ заведенными имъ средствами, не требующими большихъ расходовъ; чего также стала придерживаться и редакція журнала «Основы», съ справедливою впрочемъ оговоркой: «что она предпочла эту орѳографію, какъ наиболѣе достушную большинству читающихъ». Всѣ это хорошо—на своемъ мѣстѣ; но дѣйствительно-ли такая орѳографія вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ нашего языка и, дѣйствительно-ли мы можемъ себя наконецъ поздравить, что достигли давно-желаннаго и насущнаго для насъ дѣла? Это еще вопросъ, требующій внимательнаго и научнаго обсужденія.

Относительно другихъ отдѣльныхъ изданій, отпечатанныхъ до-селѣ въ Кіевѣ, Львовѣ, Харьковѣ, Черниговѣ, Москвѣ и, даже, заграницей — въ Лейпцигѣ и Брюсселѣ, — то мы не видимъ, чтобы въ нихъ господствовала орѳографія, о которой говоритъ г. А. Т...ій, какъ-бы о пріобрѣтшей уже гражданство. Да иначе и быть не можетъ: факты ясно говорятъ за себя и свидѣтельствуютъ, что у насъ въ правописаніи все еще пока вольное поле и, долго еще, будутъ на немъ безъ пути разгуливать, пока несознается истина: что все то хорошо, разумно и крѣпко, чему есть корень въ народѣ, что прямо соотвѣтствуетъ его требованію и духу; или, пока не сознаемъ мы, что всякое, по личному произволу предлагаемое правописаніе, тѣмъ болѣе не основанное на точныхъ законахъ языка, не можетъ пріобрѣсть права гражданственности, развѣ, пожалуй, по *щучьему велѣнью*; но, слава Богу, сказочное время навсегда миновало.

Касаясь вопроса, такъ живо интересующаго каждаго украинца, преданнаго дѣлу изученія роднаго языка, я приступаю къ болѣе подробному разсмотрѣнію его не потому, чтобы изданная мною азбука особенно *побуждала меня защищать своё дѣло* хотя и съ этой стороны было-бы возможно, потому что есть основаніе; и не потому что мы, до настоящаго времени, имѣемъ нѣсколько орѳографій, заявленныхъ по разнымъ отдѣльнымъ изданіямъ;—нѣтъ:—чѣмъ насъ будетъ больше, тѣмъ скорѣе и, даже, самъ-собой уяснится одинъ изъ важнѣйшихъ для насъ вопросовъ;—а потому, что, въ настоящее время, начали заявлять орѳографіи не какому либо извѣстному кругу читателей, какъ это было прежде, а всему нашему народу, для чтенія котораго распространяются книжки, съ произвольнымъ присвоеніемъ для нихъ какъ шрифта, такъ и орѳографіи, и тѣмъ, естественно, начали вводить многихъ въ заблужденіе.

Вотъ-что заставляетъ меня подробнѣе поговорить о нашихъ орѳографіяхъ вообще и въ-особенности о той, которая произвольно удержана въ издающихся для народнаго чтенія брошюркахъ; а потомъ, отдѣльною статьею, поговоримъ и о содержимомъ въ этихъ брошюркахъ текстѣ, какъ дѣлѣ, касающемся всего нашего народа. Я полагаю, что каждый ревнитель пользъ народныхъ обязанъ сказать о томъ своё искреннее мнѣніе.

Начнемъ съ давно-минувшихъ дней, съ преданья старины глубокой, и разсмотримъ постепенное измѣненіе правописанія въ его историческомъ ходѣ.

Первоначальное явленіе славянскихъ письменъ, какъ надобно предполагать, было въ Македоніи, Паннонiи и Моравіи. Солунскіе братья Кириллъ и Меѳодій, при помощи начертаній, бывшихъ тогда у разныхъ восточныхъ народовъ и словянскихъ *чертъ* и *рѣзъ*, какъ свидѣтельствуетъ черно-ризецъ Храбръ, составили особыя письмена, давъ имъ нѣсколько опредѣленную систему и примѣнивъ ихъ къ *книгописанію*, подъ названіемъ «*Словѣньскаіа азбоука*», получившая впослѣдствіи названіе «*Глаголиціа*» — что и дало тогда возможность великимъ дѣятелямъ перевести нѣкоторыя книги на словянскій языкъ: Псалтырь, Апостолъ, Евангеліе и др. Въ послѣдствіе времени, св. епископъ *Климентъ* Велицкій, изъ Болгаріи, съ помощью многихъ сотрудниковъ, своихъ единоземцевъ, вмѣсто усовершенствованія бывшей уже «*Глаголицы*» совершенно измѣнилъ её по образцу греческой азбуки, дополнивъ притомъ недостававшія въ ней іотаціи гласныхъ

буквъ; и, такимъ образомъ, составилъ ново-словянскую, получившую названіе «*Кoурилица*» (*). Эта новая письменность въ особенности начала распространяться и вытѣснять глаголическую со времени покоренія греками Болгаріи и, тогда же, при перепискѣ книгъ глаголическихъ новою азбукой, началъ значительно измѣняться и характеръ текста глаголическаго; потому что Болгаре, пришедшіе, какъ извѣстно, съ далекаго сѣвера и занявши мѣста по Дунаю, не успѣли еще измѣнить своего сѣвернаго акцента и особенности говора, во многомъ такъ разнствовавшаго съ большинствомъ говоровъ остальныхъ Словянъ, искони жившихъ на Югѣ.

Такъ-какъ первыми просвѣтителями большинства Словянъ были Греки, то, съ распространеніемъ ими между словянами Христіанства,— распространялись преимущественно и новыя письмена, какъ болѣе имъ близкія, вмѣстѣ съ переводами главнѣйшихъ священныхъ книгъ, принявшихъ исключительно текстъ болгарскій, а не прежній, что ясно свидѣтельствуютъ намъ оставшіеся памятники бывшаго новаго періода письменности (**)—Долго еще эта письменность была достояніемъ весьма немногихъ и, какъ священная, тщательно сохранялась неизмѣнною. Но, въ послѣдующіе вѣка, при большемъ распространеніи религіозныхъ идей въ народѣ и потребности чтенія, когда явилась и болѣе настоятельная необходимость въ учебникахъ, тогда, освобождаясь изъ своей сферы, письменность начала, по естественному порядку вещей, исподоволь примѣняться къ живому слову народностей; — тогда, при помощи извѣстныхъ уже знаковъ, народъ, безъ труда, удовлетворялъ фонетическимъ требованіямъ своего языка. Такъ было и у насъ. Пока письменность составляла исключительное достояніе церкви и находилась въ своей замкнутой обще-церковной, т. е. Болгаро-Моравской формѣ, она не могла быть измѣняема, какъ священный элементъ, шедшій совершенно отдѣльною параллелью въ бытѣ народномъ. Изученіе этой письменности, не имѣвшей правильной системы, основанной на зако-

(*) Вопросъ о томъ, какая азбука—глаголическая или кирилица—появилась раньше, еще не рѣшенъ. Извѣстный славянистъ, А. Ѳ. Гильфердингъ, въ статьѣ своей «Кириллъ и Меѳодій» (см. газету *День*), рѣшаетъ этотъ вопросъ въ пользу кирилицы. *Ред.*

(**) Предѣлы литературной статьи препятствуютъ мнѣ дѣлать выписки Глаголическихъ и Болгарскихъ текстовъ необходимыхъ для сравненія, а также и помѣстить полнѣйшую церковно-словянскую азбуку, съ примѣненіемъ къ ней всѣхъ знаковъ; тѣмъ болѣе, что эта статья предназначается собственно для «Основы.»

нахъ филологіи, было сбивчиво и весьма затруднительно для народа; тѣмъ болѣе, что учебники были писаны словами или совершенно чуждыми народу, или, по своему складу, неудобопонятными. Въ слѣдствіе этго, вездѣ, и у насъ, геній народный, освобождаясь мало-по малу отъ сдавливавшихъ его чуждыхъ формъ, началъ подчинять данные ему для письма знаки своимъ законамъ, примѣняясь къ фонетическимъ свойствамъ родного языка, и, такимъ образомъ, проявилъ свою ороографію, придерживаясь главнаго основанія (да иначе и быть не могло) писать родныя слова такъ, какъ онѣ выговариваются. Это самый естественный путь и, притомъ, самое лучшее средство дать мёртвому письму живую форму, безъ которой оно непремѣнно, на многіе вѣка, останется въ положеніи *statu quo*, и тѣмъ лишитъ потомство возможности опредѣлить звуковое состояніе языка въ данный періодъ времени; — ибо форма будетъ всегда одна и таже.

Понятно, что эта ороографія, явившаяся вслѣдствіе требованій свойствъ языка, вначалѣ была смѣшиваема съ прежнею и тѣмъ, еще болѣе, увеличивала затрудненія учащагося, потому что, въ писанныхъ тогда учебникахъ, всегда начинавшихся съ молитвъ и заповѣдей, продолжала удерживаться старо-болгарская, съ ея непонятнымъ текстомъ; а въ приложеніяхъ къ нимъ и наставленіяхъ юношеству, гдѣ языкъ сближался нѣсколько съ народнымъ, примѣнялась и соотвѣтствовавшая тому ороографія. Слѣдовательно, для полнаго облегченія учащагося, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и скорѣйшаго распространенія грамотности, оставалось только привести заявившую себя ороографію въ болѣе правильную систему, соотвѣтствующую свойствамъ языка, что, вѣроятно, и было-бы исполнено, если-бы обстоятельства не попрепятствовали естественному ходу развитія грамотности въ народѣ. Нельзя не упомянуть, что такое благодѣтельное направленіе письменности, свидѣтельствовавшее о движеніи и развитіи живого слова, началось у насъ со времени общенія нашего съ западными Славянами, а, тѣмъ болѣе, съ совершенно намъ тождественными по языку и быту народному—*Галичанами*. Изъ немногихъ, уцѣлѣвшихъ до нынѣ памятниковъ того періода, писанныхъ украинцемъ, а не сѣверяниномъ, можно легко видѣть заявленіе народныхъ элементовъ нашего Юга. Впослѣдствіи времени, когда движеніе гражданственности на Югѣ было остановлено, и когда новыя формы новой жизни начали внѣдряться въ нашемъ обществѣ, — шрифтъ и правописаніе у насъ были приведены Петромъ I-мъ къ одному общему знамена-

телю, получившему названіе «*гражданскаго*» въ отличіе отъ церковно – словянскаго (старо – болгарскаго). Тогда, съ перепечатаніемъ нашихъ церковныхъ книгъ по нормѣ, указанной Московскою митрополіей, явилась у насъ другая церковная ороографія, т. е. снова *первобытная*, съ примѣненіемъ впрочемъ нѣкоторыхъ, бывшихъ у насъ знаковъ, а также и *букваря* для народа, къ изученію котораго предстояли непреоборимыя препятствія; а потому распространеніе грамотности и развитіе народнаго языка у насъ надолго были остановлены. Древніе учебники, переписываясь въ народѣ, мало–по–малому наполнялись приложеніями, заключавшими въ себѣ краткую энциклопедію тогдашней премудрости людской, — они были живыми представителями степени развитія народа. Но, съ появленіемъ *Букваря,* отпечатаннаго, по повелѣнію Петра I–го, въ сжатой сухой болгаро–моравской или церковно–словянской формѣ, и при значительномъ его распространеніи въ народѣ, помощью духовенства, — писанные учебники постепенно прекращались и, со временемъ, совершенно уничтожились; а съ ними остановилось и движеніе мысли въ народѣ.

Съ того времени у насъ явилось, вмѣсто одной общей ороографіи *Старо–Кіевской*—еще двѣ: одна первобытная *Старо–Болгарская*, съ непонятнымъ народу текстомъ, отъ котораго такъ долго старалось освободиться живое слово; а другая—*Гражданская*, составленная по очертаніямъ Латинской азбуки, которой народъ продолжаетъ чуждаться и донынѣ. (*) — О несостоятельности двухъ послѣднихъ ороографій я говорилъ прежде и, снова повторяю, что онѣ весьма затруднительны и неудобоприложимы къ естественному и правильному развитію нашего народа. Вѣковой опытъ краснорѣчивѣе всего свидѣтельствуетъ намъ, какъ, подъ вліяніемъ этихъ письменностей, несоотвѣтствующихъ требованіямъ и свойству родного языка, медленно шло развитіе грамотности въ народѣ.

Сознавая вполнѣ приведенный фактъ и его неблагопріятныя послѣдствія, въ–особенности когда народная наша рѣчь начала пробуждаться изъ своего долгаго усыпленія и заявлять себя въ литературѣ,—нѣкоторые изъ спеціалистовъ въ дѣлѣ родного языка начали разновременно предлагать читающей публикѣ новыя системы ороографіи, стараясь

(*) У насъ, задолго до того, была уже извѣстна народу и уважаема имъ Старо–Львовская, значительно округленная и приспособленная къ скорописи.

примѣняться въ нихъ къ свойствамъ и требованіямъ родного языка. Къ болѣе замѣчательнымъ изъ нихъ принадлежатъ системы гг. *Максимовича*, *Боровиковскаго*, *Метлинскаго*, *Кулиша*, *Куцого* и *Шейковскаго*. Разсмотримъ основанія каждой изъ нихъ (*).

Г. Максимовичъ — филологъ и отличный знатокъ основъ украинскаго языка—первый указалъ на многіе его оригинальныя и характеристическія особенности, заявивши о томъ въ своемъ «*Замѣчаніи о правописаніи и словопроизношеніи*» приложенномъ къ изданнымъ имъ въ 1834-мъ году «*Украинскимъ народнымъ пѣснямъ*» — а именно:

«I) Въ Украинскомъ языкѣ любимый гласный звукъ есть *і*, имѣющій два видоизмѣненія: а) *острое*, какъ и въ великорусскомъ языкѣ... и в) *мягкое*, болѣе гортанное, склоняющееся къ звуку *э*. (Твердаго великорусскаго *ы* въ украинскомъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ).

Буква *и* послѣ *гласныхъ* и буква *ь* всегда произносятся *остро*. Такимъ образомъ часто произносятся и прочія гласныя буквы, и въ такомъ случаѣ я, удерживая ихъ, отмѣчаю особымъ значкомъ (паеркомъ).

Въ остальныхъ случаяхъ буквы *ы*, *і*, *и* (не означенныя паеркомъ) произносятся къ мягкое *і*.

II) Буква *е* въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ выговаривается *остро;* послѣ согласныхъ выговаривается *твердо;* и тогда только выговаривается какъ *іо*, когда пишется съ двумя точками *ё*.

III) Буква *г* произносится чисто, какъ латинское *h* (какъ у Чеховъ, Словаковъ). Иногда она прибавляется въ началѣ словъ къ гласнымъ буквамъ... въ немногихъ словахъ, кажется только иностранныхъ, *г* выговаривается какъ латинское *g*, и въ такихъ случаяхъ можно писать *кг*, либо отмѣчать особымъ значкомъ, по примѣру Сравнительнаго Словаря.

IV) Буква *в* не выговаривается какъ *ф;* она въ особенности по-

---

(*) Принимая въ соображеніе, что въ редакціи журнала «Основы» нѣтъ полнаго церковно-словянскаго шрифта, а также и литеръ, для точнаго — графическаго изображенія каждой изъ помянутыхъ новыхъ системъ, мы поставлены были въ необходимость значительно сократить изложеніе наше о словянскихъ письменахъ вообще и ограничиться, для выраженія особенностей новыхъ, приблизительно обще-гражданскомъ шрифтомъ; а, вмѣстѣ съ тѣмъ, должны были пропустить многія выписки, служащія къ большему ихъ опредѣленію и взаимному сравненію.

слѣ гласныхъ, произносится какъ краткое *у*, обращаясь иногда и въ длинное *у*—... Наоборотъ, *у* иногда сокращается и, какъ бы переходитъ въ *в*. — Часто *в* прибавляется къ словамъ, начинающимся буквою *о*. Часто *в* замѣняетъ букву *л*.

V) Когда послѣ *ль*, *нь*, слѣдуетъ гласная, тогда передъ нею *л* и *н* повторяются, напримѣръ: *зьльля, кожаньня;* въ слогѣ *мя* слышно послѣ *м* нетолько *ь*, но часто *н*, наприм. *имня*... Глагольное окончаніе *тся* или *ться*, выговаривается *цця* или *цьця;* да и вообще *те* выговаривается какъ *ц*.

VI) Часто *о* выговаривается какъ *у*, напр. *табуръ*... Иногда *о* скрадывается въ выговорѣ, подобно тому какъ *и* сокращается въ *й*.

VII) Частица *да* выговаривается *та*.»

Правописаніе г. Максимовича имѣетъ основаніе *библейское*, которое онъ предпочелъ, какъ болѣе, по его убѣжденію, употребительное въ Малороссіи, но соглашается, что *Слобожанскій* (Слободжаньскій) способъ болѣе простъ и естественъ. Но этотъ способъ, по мнѣнію г. Максимовича, не есть правописаніе. Онъ замѣчаетъ, что къ наибольшему, привычному употребленію ближе всѣхъ правописаніе г. Котляревскаго.

Главнѣйшая особенность орѳографіи г. Максимовича состоитъ въ томъ, что слова пишутся основаніи библейскомъ, а чтобы выговаривать ихъ произношеніемъ народнымъ, для этого надъ гласными буквами ставитъ онъ знаки, долженствующіе обращать гласную букву въ тотъ звукъ, который соотвѣтствуетъ народному говору, напр. кôнь жóна, хлѣбъ и т. д.

Нельзя не согласиться съ вѣрностью взгляда г. Максимовича на индивидуальную сторону нашего языка; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя искренно не пожалѣть, что этотъ филологъ потому только отдалъ предпочтеніе библейскому правописанію, что принимая языкъ нашъ за нарѣчіе, подобно бѣлорусскому (въ то время это ошибочное мнѣніе было господствующимъ)—онъ находилъ болѣе основательнымъ не дѣлать для нарѣчія исключенія въ орѳографіи, какъ и вообще для областнаго нарѣчія, въ которомъ это исключеніе справедливо будетъ «какографіею». Вслѣдствіе чего, не смотря на основательное знаніе законовъ украинскаго языка, г. Максимовичъ уступилъ мнѣнію большинства и, вопреки своимъ убѣжденіямъ, предпочелъ правописаніе *библейское*, которое противно основнымъ началамъ нашего языка, не соотвѣтствуетъ его характеру, и, облекая живое слово въ мертвую форму,

(изъ которой языкъ, какъ-бы инстинктивно давно силился освободиться)—само обращается въ непріятную «*какографію*», дѣлая письму рѣшительное *претковеніе*. И въ самомъ дѣлѣ, незатруднительно было-бы пишущему подбирать и придумывать какую именно гласную слѣдуетъ поставить въ словѣ по библейской формѣ *і*, *и*, *е*, *о* или *ъ*, — а также *ы* или *и*? И не является ли, при этомъ, настоятельная необходимость основательно знать языкъ библейскій? — Соглашеніе этихъ двухъ условій для большинства весьма трудно и, даже, невозможно. Народъ говоритъ (я подразумѣваю народъ украинскій)— *Куди́ тобі́ до писа́ння, коли́ не ма́ешъ зна́ння!* Какъ прикажете ему написать эту фразу, придерживаясь формъ библейскихъ и правилъ г. Максимовича? Не такъ ли? *Куды тѣбѣ́ до пысанія, колы не ма́ешъ зна́нія*. Сами видите, что изъ этого выходитъ. При томъ-же народъ нашъ, когда надобно читать въ окончаніи слова *нія*, по библейской формѣ,—всегда выговариваетъ *ныя*: *писаныя*, *читаныя*, *хожде́ныя*, *спасе́ныя* и т. д., потому что эта форма народному языку несвойственна.

Вслѣдствіе этого г. Боровиковскій первый показалъ примѣръ упрощенія обще-гражданской азбуки и сближенія орѳографіи съ фонетическими началами языка. Для этого, удаляя изъ орѳографіи г. Котляревскаго буквы *ѣ*, *ы*, *э*, *ѳ* и *ѵ*—даетъ двумъ знакамъ *і* и *и* одинъ острый звукъ; вмѣсто *ѳ*—*хв*, вмѣсто *ы* принялъ латинское *ѵ*, а вмѣсто *э*—*е*; для обозначенія іотаціи (*йэ* или *ьэ*) вводитъ новую букву *є* и ставитъ ее послѣ гласной; а вмѣсто *ё* (*іо*)—принимаетъ *йо*; острое *ґ* выражаетъ латинскимъ *ǧ*. Однимъ словомъ сущность ея заключается въ сближеніи съ народнымъ говоромъ, въ большей сжатости слова, въ упущеніи наконцѣ словъ буквы *ъ* и введеніи новой доселѣ буквы *є* и двухъ латинскихъ *ѵ* и *ǧ* (см. изданное имъ собраніе басень, подъ великорусскимъ областнымъ названіемъ: «*Байки и прибаютки*». Кіевъ, 1852.

Главнѣйшій недостатокъ этой орѳографіи состоитъ въ невыдержкѣ послѣдовательной и правильной іотаціи въ гласныхъ: Если составитель обращаетъ *ѣ*—въ *йо*, то почему не дѣлаетъ того же съ другими гласными. а ограничивается только замѣною мягкаго *е*—т. е. *ьe* или *ьэ*, въ нѣкоторыхъ случаяхъ. буквою *є*, весьма неудобною въ письмѣ, какъ легко сливающеюся съ *ь*? напр. *грає*, *має*, *вгаває*, *втикає*, *вміє*, *знає* и т. п. Къ тому же г. Боровиковскій, удерживая двойственность остраго звука, выражающагося черезъ *і* и *и* (что́, при упо-

требленіи въ словахъ, сбивчиво и не имѣетъ основательной причины)— не даетъ знаку *і* или *и* необходимой иногда іотаціи, напримѣръ въ словахъ, какъ онъ пишетъ: *йла*, *наився*, *поихав*, и т. п. Замѣняетъ букву *ы*, безсмысленною для нашей азбуки, латинскою *v*; тогда какъ извѣстно, что *ы* составлено изъ *ъ* и *і*, для выраженія звука болѣе твёрдаго, чѣмъ *і*, напр. *мыі*, *кънигыі* и др... Часто, безъ всякаго основанія предлогъ *з* замѣняетъ *с* и наоборотъ; пропускаетъ во многихъ словахъ смягченія согласныхъ, особенно въ буквѣ *н*, напр. *мéнче*, *жóнци*, *женцй*, *каґáнчик*, *кандзюбка*, *сóнце*, *окóнце* и т. д. Предлогъ *у* замѣненъ вездѣ *в*; а въ окончаніи глаголовъ единствен. числа, прошедшаго времени, и въ существительныхъ, имѣющихъ твердое окончаніе въ родительномъ падежѣ множественнаго числа, постоянно удерживаетъ *в*, вопреки требованіямъ фонетики нашего языка, при соединеніи гласныхъ съ *у*. Допуская въ нѣкоторыхъ словахъ народную форму, наприм. *весúльля*, *судьдя*, *лýчче*, *виддати*, *ввирвáв* и друг., онъ не обращаетъ должнаго вниманія на глагольныя окончанія словъ и оставляетъ въ нихъ *тся*,—вмѣсто *цьця* или *цця*.

Но, не смотря на эти недостатки и невыдержки, г. Боровиковскій, придерживаясь болѣе простыхъ и естественныхъ законовъ, значительно подвинулъ дѣло впередъ, сблизивъ орѳографію съ народнымъ произношеніемъ. Первый шагъ всегда труденъ и важенъ, а потому и цѣнится выше.

Г. Метлинскій, въ изданныхъ въ Кіевѣ, въ 1854-мъ году «*Народныхъ южно-русскихъ пѣсняхъ*» придерживаясь орѳографіи г. Боровиковскаго, съ нѣкоторымъ впрочемъ измѣненіемъ въ ней, говоритъ въ своемъ предисловіи къ этому изданію:

«Какъ ни просто чтеніе по принятому здѣсь (мною) способу, не лишнимъ считаю замѣтить: *Е*, *е*, послѣ согласныхъ произносится твёрдо, какъ по церковно-славянски *є* въ такомъ же случаѣ или *э*—*иде*—*идэ*; если этотъ звукъ надобно произнести мягко, *что́ рѣдко* (?) случается, то употреблено *є*—(*сыне*—*сынье*). *Е*, *е*, вначалѣ и послѣ гласныхъ произносится мягко, какъ повеликорусски (*есть*,—*мое*). *И*, *и*, послѣ гласныхъ, а иногда и вначалѣ, произносится какъ *йи* (*мои*—*мойи*, *их*—*йих*, *ии*—*йийи*, *и́де*—*йиде*, *йимо́*, *и́дуть*, *йидять*.)—*Ы*, *ы*, всегда произносится нѣсколько мягче великорусскаго *ы*. Окончаніе *ться* въ глаголахъ произносится *цьця*, но пишется *ться*, чтобы не затемнять значеніе словъ и потому что *тс* само-собою переходитъ, при выговорѣ, въ *ц*, какъ и по великорусски (*спытьця*—

спыцьця, биться—быцьця и др.) по этому и *бьеш(ь)ся, галочци*— обыкновенно выговаривается *бьесся, галоцци*.«

Разсуждая довольно справедливо, но не сказавъ впрочемъ ничего новаго, г. Метлинскій придержался однако въ своемъ изданіи правописанія, прямо противорѣчащаго его разсужденіямъ, относительно типической формы словъ нашего языка, и обратился къ формѣ болѣе книжной, неудовлетворяющей фонетическимъ свойствамъ нашей рѣчи. Соглашаясь въ главномъ съ г. Боровиковскимъ, онъ въ орѳографіи послѣдняго сдѣлалъ слѣдующія измѣненія: — Удалилъ латинское *и*— замѣнивъ его *ы*, вмѣсто *йе* преимущественно удерживаетъ прежнее *е*; іотацію *о* выражаетъ двояко или *йо* или *ьо*; употребленіе буквы *є* ограничилъ только нѣкоторымъ исключеніемъ и устранилъ народную форму словъ, а потому сдѣлалъ значительный шагъ назадъ.

Г. Кулишъ, придерживаясь въ первыхъ своихъ изданіяхъ, орѳографіи г. Котляревскаго, впослѣдствіи обратился къ правописанію г. Метлинскаго, замѣнивъ въ нёмъ: *ы* и *и*—буквами *и* и *і*, а іотацію *йо* или *ьо*— прежнею скандинавскою *ё*; буквѣ *є* даетъ исключительное мѣсто на концѣ словъ за двумя согласными, напр: *кохáнє, бажанє* и др.; въ глагольныхъ окончаніяхъ справедливѣй удерживаетъ *тця*, вмѣсто *ться* и во всѣхъ случаяхъ снова даетъ мѣсто изгнанной буквѣ *ъ*. (См. *Записки* его *»о Южной Руси.»* 1856 года. Петербургъ.

Вообще правописанія г. г. Метлинскаго и Кулиша, не отличаясь самостоятельностью системы, не заключаютъ въ себѣ научной основы и должной послѣдовательности, особенно въ іотаціяхъ гласныхъ; а потому несоотвѣтствуютъ фонетическимъ требованіямъ нашей народной рѣчи и ни мало не подвинули впередъ съ успѣхомъ начатаго дѣла (*).

Въ 1857-мъ году, г. Куцый первый предложилъ орѳографію, основанную на сближеніи *Старо—Кіевской*, (приведенной въ опредѣленную систему) съ новымъ шрифтомъ *Петровскимъ*.—(См. издан. имъ книгу »Вжинокъ.«—Для этого онъ сдѣлалъ слѣдующія измѣненія въ существующей орѳографіи—*обще-гражданской*:

Вмѣсто мягкого *ь*, ставитъ вездѣ надъ согласною буквой, требующей мягченія, знакъ ввидѣ запятой (,); надъ каждой гласной

(*) Противъ этого мы должны замѣтить, что правописаніе г. Кулиша принято почти всѣми пишущими на Украинскомъ языкѣ,—въ чемъ можно убѣдиться изъ множества рукописей, полученныхъ *Основою*. *Ред.*

буквой, сопровождающейся звукомъ *й*:—*ай ой уй*... и т. д. одинъ только знакъ (◡) безъ буквы *и*, въ рѣдкихъ только случаяхъ надъ согласной, напр: т̆и́, ми́ и др; для приданія іотацій гласнымъ *і* и *е*, употребляетъ надъ ними тотъ же знакъ (,), какъ вообще умягчающій; для остальныхъ же гласныхъ—служитъ точка (.), поставленная надъ ними;—на этомъ основаніи буквы *а* и *у*, имѣя надъ собой точку, обращаются въ *я* и *ю*; для усугубленія звука согласныхъ, напримѣръ въ словахъ: *ро́бицця о́т-тобі, лу́чче, припи́нни* и др., ограничивается одной только согласной съ чертою надъ нею. Вмѣсто *въ* или *в*, какъ предлога, а также въ серединѣ и концѣ словъ, послѣ гласной буквы, выдерживаетъ полугласную *у*, съ дугообразнымъ надъ нею знакомъ, для приданія ей интонаціи средней между *у* и *в* или глухого *в*; для выраженія острого звука *г* — дѣлаетъ внизу этой буквы знакъ на подобіе запятой; вмѣсто скандинавскаго *е*, для нашей азбуки безсмысленнаго, удерживаетъ *іо*, т. е. *о* съ точкой на верху; *ы* — замѣняетъ *и*, оставляетъ одинъ острый звукъ *і*, а въ глагольныхъ окончаніяхъ вмѣсто *ться* удерживаетъ народную форму те. *цця*, удаляя, за тѣмъ, всѣ излишнія буквы азбуки: *ъ, ы, ь, ѣ, э, ю, я, ѳ*, и *ѵ*.

Эта вполнѣ самостоятельная орѳографія, удовлетворяющая всѣмъ фонетическимъ условіямъ нашего языка, будучи особенно удобною для скорописи, имѣетъ однако свои недостатки и замѣтныя невыдержки (въ іотаціяхъ гласныхъ) какъ и вообще всякій первый шагъ въ какомъ-бы то нибыло дѣлѣ: Если *і* и *е* мягчаются знакомъ (,), что весьма справедливо: *ьі, ье*, то почему-же и другія гласныя, при случаѣ ихъ смягченія, неудерживаютъ того-же знака, а точку?— Если г. Куцый имѣлъ ввиду, какъ самъ говоритъ, что буквы *я, е* и *ю* несамостоятельны, а составлены изъ *іа, іо* и *іу*, основываясь на томъ, какъ онѣ изображены въ древне-церковныхъ словахъ,— то слѣдовало-бы и надъ *і* и *е*—удержать точку-же (·), тогда-бы послѣдовательность не была нарушена, или, наоборотъ, слѣдовало-бы вездѣ удержать мягчающій знакъ (,) или-же, придерживаясь способа іотацій древне-церковнаго, слѣдовало-бы буквамъ *я, е* и *ю* дать такое начертаніе, чтобы ясно былъ видѣнъ механизмъ ихъ состава, ка́къ это сдѣлали—въ отношеніи *я* или *іа*—П. Пребура въ своемъ «Прочи́нкѣ» изданномъ имъ въ Лейпцигѣ, въ 1859 году и *Глекъ*—въ собраніи украинскихъ пѣсень съ мотивами, издан. имъ въ Брюсселѣ; притомъ ими измѣнена еще и особенная форма буквы *е* или *э* — на

є.—При выраженіи звука *ыій* и *ьей*, а также мѣшающихся иногда *яй* и *юй*—выдерживается двойственный знакъ, неудобный для письма и печати; особенность формы буквы *є*, подходящей къ скорописному церковнославянскому, поражаетъ своею новостью и нѣсколько затрудняетъ читающаго; слѣдовало-бы замѣнить её буквою *є*, подходящею къ печатной церковно-славянской. Буква *у*, съ дугообразнымъ наверху знакомъ и промежуточный между словами знакъ *йка* нерѣдко поставлены тамъ, гдѣ ихъ вовсе не слѣдуетъ; и такъ-какъ буква *і* не имѣетъ въ его шрифтѣ точки (.), то въ соединеніи ея съ *п* или *и* сливается въ *ш*, а съ *ц*—въ *щ*, что́ неудобно для чтенія. Относительно-же полугласной буквы *у* со знакомъ, мнѣ кажется, слѣдовало-бы ограничить употребленіе ея болѣе опредѣленнымъ правиломъ; а именно: удерживать эту букву тогда, когда за нею въ словѣ слѣдуетъ согласная, напр: *дівчина*, *спáсівка*, *мандрівка*, *вишнівка*, *бóвдур*, *стóвбур*, *слàвний*, *козакíв*, *ріжкíв* — и т. п. Здѣсь непремѣнно должна быть выдержана буква *у* со знакомъ; а когда слѣдуетъ гласная, то писать *в*, наприм: *гáва*, *мòва*, *дівонька*, *дúво*, *довóлі*, *насóвуватись*, *привíтка*, *завíзно* и т. п.

Главнѣйшее достоинство ороографіи г. Куцого заключается въ полнѣйшемъ развитіи іотацій гласныхъ, такъ свойственныхъ характеру нашего языка; въ совершенномъ сближеніи ея съ говоромъ народнымъ; въ составленіи ея на основаніи *старо-кіевской*, а не личномъ произволѣ; въ сближеніи ея съ западно-славянскими, а также и въ сжатости слова, что́ составляетъ немаловажное условіе въ печати.

Если-же большинство читающей публики посмотрѣло на эту ороографію *як лúсе теля́ на нови́ двери*, то это было по слѣдующимъ причинамъ. Большинство у насъ читающихъ воспитывалось на формахъ и законахъ языка великорусскаго, пренебрегая языкомъ роднымъ, какъ мужичимъ, непримѣнимымъ къ *цивилизованной* жизни, и совершенно не зная, существуетъ-ли еще какой другой Словянскій языкъ. И потому, сроднившись, такъ-сказать, съ ороографіею великорусскою, какъ съ дѣломъ привычнымъ, близкимъ, общеупотребительнымъ въ обществѣ цивилизованномъ, и будучи, при томъ, въ полномъ невѣдѣніи относительно нашихъ лѣтописей, древнихъ актовъ, книгъ,—при отсутствіи всякаго знакомства съ литературою Западныхъ словянъ,—это большинство *китайствующихъ*,—принимая всякое измѣненіе въ извѣстной ему ороографіи за произвольную

прихоть праздности, оскорбляющую его привычку, смотрѣло на дѣло, какъ на поступокъ противузаконный, и отзывалось вообще на подобныя измѣненія или ожесточеннымъ порицаніемъ, или-же, въ сознаніи своего китайскаго достоинства, вовсе отказывало виновнику въ своемъ *лестномъ вниманіи*. Вотъ основныя причины гоненій на реформаторовъ; впрочемъ, нельзя сказать, чтобы общество не имѣло, въ этомъ случаѣ, на своей сторонѣ достаточно правды; но объ этомъ послѣ. Воспользовавшись указаніемъ и примѣромъ г. Куцого,—я, въ изданной мною »Абéткѣ,« придержался орѳографіи *Старо-Кіевской*, — имѣя ввиду не обременять народъ какою-либо непризнанною новизною, а старался только быть продолжателемъ того, что́ сдѣлано было народомъ, на основаніи естественныхъ законовъ и требованій родного ему языка. Но въ предполагаемомъ мною изданіи, переведённаго уже на нашъ языкъ, романа г. Гребинки, подъ названіемъ »*Чайковскій*«—я сдѣлаю нѣкоторыя измѣненія въ орѳографіи г. Куцого, соотвѣтственно моимъ убѣжденіямъ, въ примѣненіи Старо-Кіевской орѳографіи къ новому общегражданскому—Петровскому шрифту.

Отличительная особенность орѳографіи г. Шейковскаго отъ орѳографіи г. Куцого заключается въ слѣдующемъ: Въ замѣнѣ звуковъ *дж* и *дз* отдѣльными церковно-словянскими буквами юговосточныхъ словянъ; въ обратномъ примѣненіи знака надъ *у*; введеніи буквъ: *й, ы, ю, я* и Петровскаго *э*; въ удержаніе точки надъ *і*, когда оно соотвѣтствуетъ буквѣ *о*; и въ допущеніи, при двойственныхъ согласныхъ, промежуточного смягченія или *ассимилированныхъ дифтонговъ*; а потому и въ удержаніи, въ глагольныхъ окончаніяхъ, *цьця*.

Достоинство этой орѳографіи состоитъ: въ введеніи двухъ отдѣльныхъ буквъ *дж* и *дз*, какъ дѣйствительно характеристическихъ въ нашемъ языкѣ; въ смягченіи согласныхъ, такъ необходимомъ въ нашемъ языкѣ, что безъ него теряется одна изъ главныхъ его характеристическихъ особенностей, и въ соотвѣтствованіи, во многихъ случаяхъ, живой народной рѣчи.

Къ числу недостатковъ этой орѳографіи слѣдуетъ отнести: невыдержку системы іотацій гласныхъ: если допускается іотація *о*,—(*іо*) или (*ьо*), то почему-же она не выдерживается и въ другихъ гласныхъ, когда необходимость того требуетъ; особенно въ *е* и *і* или *ье* и *ьі*? — Нѣтъ филологической послѣдовательности. Для выраженія іотаціи *ье*, принята буква *е*, неимѣющая опредѣлительнаго смысла, а

ы—вовсе отвергнуто. Передъ *є* иногда удерживается *ъ*, тогда какъ это могло быть отстранено смягченіемъ предшествующей—согласной, что́ прямо соотвѣтствовало-бы принятой системѣ; допущеніе ассимилированныхъ дифтонговъ тамъ, гдѣ ихъ, по условіямъ фонетики, вовсе не слѣдуетъ, напр: *изьзімо*, *изьзіздымо* и т. п. Въ этихъ случаяхъ слѣдовало-бы поступить правильнѣе и проще, а именно: придержаться одной только согласной и дать ей смягченіе, тогда послѣдующая гласная удержитъ требуемый звукъ: *изьмо́*, *изьздимо* и т. д. вообще намъ кажется, что ассимилированные дифтонги въ словахъ только усложняютъ ихъ напрасно и затрудняютъ пишущаго); въ допущеніи неправильныхъ окончаній въ нѣкоторыхъ словахъ, напр: *плечі*, *гречі*, и друг., когда въ окончаніи подобныхъ словъ надлежало бы удержать букву среднюю между *ы* и *і* или *иту*: *плечи*, *гречи* и друг. Замѣна *сдавленнаго* (сжатаго) или *полугласнаго у—короткимъ*, т. е. *у*, съ йкой наверху; и, наконецъ, въ прошедшемъ времени глаголовъ, единств. числа, въ родительномъ падежѣ множественнаго числа имёнъ существительныхъ и, вообще, за немногими исключеніями, удерживается буква *в* вопреки фонетическимъ законамъ нашего языка. «*Бытъ Подолянъ*,» 1860.

Такое значительное разнообразіе заявленныхъ уже ороографій, а ещё болѣе, какъ намъ извѣстно, остающихся незаявленными, къ числу которыхъ принадлежатъ: *Польская* безъ измѣненій, или другая, съ нѣкоторыми только измѣненіями, *Кириллица*, съ разнообразными примѣненіями латинскихъ буквъ, и особенная еще ороографія съ отдѣльнымъ шрифтомъ, имѣющимъ видъ и характеръ, подходящій болѣе къ греческому, — положительно доказываютъ намъ не пустую страсть къ изобрѣтенію правописанія, какъ опрометчиво замѣчаетъ г. А. Т...ій, а глубокое сознаніе спеціалистовъ въ насущной необходимости для нашего языка соотвѣтственной ему ороографіи, удовлетворяющей его требованіямъ и характеристикѣ. Если-же мы, и на настоящее время, не дошли еще до желанныхъ результатовъ, то это оттого, что г.г. дѣятели, достаточно подготовленные въ дѣлѣ родного языка, и сознающіе потребность въ болѣе свойственной ему и общей ороографіи,— разъединены въ своихъ стремленіяхъ и, соотвѣтственно степени подготовки своей, слѣдуютъ не всегда истиннымъ основамъ языка и филологіи, а болѣе своимъ индивидуальнымъ воззрѣніемъ на предметъ общественнаго интереса; а потому нерѣдко впадаютъ въ ошибки, способствуя тѣмъ рутинѣ—господствующей въ большинствѣ нашего обще-

ства, доселѣ еще малознакомаго съ украинскимъ языкомъ, и не сознающаго необходимости въ измѣненіи ороографіи обще–принятой. Такой печальный фактъ тѣмъ болѣе будетъ продолжителенъ, чѣмъ болѣе спеціалисты будутъ отклоняться въ трудахъ своихъ отъ законныхъ основъ и дѣйствовать по личному произволу. И въ самомъ дѣлѣ, кто кого побудитъ придержаться той, другой или третьей, изъ предлагаемыхъ намъ, ороографій, — когда извѣстно, что, та другая или третяя не построены на законахъ филологіи, неудовлетворяютъ потребностямъ языка и не выдерживаютъ правильной системы, хотя, быть можетъ нѣкоторыя примѣненія въ нихъ и выходятъ довольно удачно?— а, между тѣмъ, время идетъ и общество невольно всё болѣе утверждается въ привычкѣ къ прежней — несоотвѣтствующей ороографіи. Вотъ почему и слѣдуетъ спеціалистамъ обратиться къ завѣщанному намъ источнику, богатому всѣми данными, необходимыми для каждаго словянскаго языка и нарѣчія. Этотъ источникъ—*полнѣйшая церковно–словянская азбука*, со всѣми ея примѣненіями къ оттѣнкамъ словянскихъ нарѣчій. Нѣтъ звука ни въ одномъ говорѣ словянскомъ, чтобы не отыскалось въ этомъ источникѣ соотвѣтственнаго ему начертанія или знака; звуки: *носовые*, *губные*, *шипящіе*, *зубные*, *придыхательные*, *долгіе*, *сжатые*, *короткіе* и всевозможныя іотаціи словянства—все, все содержится въ этомъ богатомъ и единственномъ для словянъ хранилищѣ. Зачѣмъ–же намъ, зная это, такъ–легкомысленно пренебрегать вѣковыми трудами всей великой семьи словянской и блуждать въ неопредѣлённыхъ розысканіяхъ; а, тѣмъ болѣе, обращаться за пособіями къ чуждымъ намъ источникамъ или прибѣгать къ своимъ собственнымъ фантазіямъ?

Теперь остается намъ разсмотрѣть ороографію, удержанную г. Кулишемъ въ изданіяхъ, отпечатанныхъ имъ въ своей типографіи. Считаемъ это необходимымъ, не потому, что она принята редакціею журнала «Основы» и нѣкоторыми писателями; а потому, что эта ороографія, при дѣятельномъ усердіи посредниковъ, ослѣпленныхъ ея истинностью, всѣми мѣрами и путями проводится въ среду нашего народа. Посмотримъ её поближе—заслуживаетъ–ли она того?

Выше было сказано, что г. Кулишъ, придерживаясь ороографіи г. Метлинскаго, сдѣлалъ въ ней нѣкоторыя только перемѣны и тѣмъ, еще болѣе, сблизилъ её съ обще–принятою—*Петровскою*. Соглашаясь вполнѣ, что твёрдое *ы* для нашего языка несоотвѣственно, мы, при всёмъ томъ, считаемъ необходимымъ заявить, что въ этомъ пра-

вописаніи относительно нѣкоторыхъ гласныхъ и не выдержки іотацій ощущаются тѣ–же самые недостатки, какъ и въ гражданской, а именно: буква *е* удерживаетъ два звука,—одинъ *э*, а другой *ье* или *ьэ;* если слѣдуетъ она за гласною, то должна быть произносима какъ *ье*, а послѣ согласной какъ *э*.—По старой рутинѣ, привычкѣ, это такъ; но учащійся преимущественно смотритъ на форму буквы, — на ея очертаніе, и ему надобно большого труда и навыка, чтобы понять это различіе. Запомнивъ, что *е* выражаетъ звукъ *э* — онъ, при чтеніи, будетъ стараться произносить её за *э* и послѣ гласной: *мэнэ*, *моэ*, *робэ*, *гадаэ* и друг.;—это произнести не трудно, а понять не легко.

Е и скандинавское *ё* выражаютъ два звука, совершенно различные, первое *э*, а второе *ьо* или *іо*, употребляются безразлично одно вмѣсто другого, на томъ только основаніи, что первое прописное, а второе строчное; между тѣмъ какъ то–же самое *е*, вначалѣ строчныхъ словъ, принимаетъ нерѣдко звукъ *ьэ*.

І и *ьі* — выражаютъ два звука различные, а вездѣ въ словахъ выдерживается только *і*, безъ всякаго обозначенія необходимой іотаціи, на то удареніемъ въ словѣ, напримѣръ: *поіхавъ*, *наівся*, *істи* и т. п.; тогда, какъ эти слова должны имѣть іотацію въ *і: поьіхавъ*, *наьівся*, *ьісти* и т. п. даже и въ такомъ случаѣ, когда нѣтъ ударенія надъ *і*, напр. *Кúьівець*, *кòьіти*, *прогнóьі*, *моьéьі*, *твоьéьі* и т. п. также въ словахъ, въ которыхъ, по закону фоне-тики народной, *я* и *е* переходятъ въ *ьі*, напр. *кáьітись*, *хáьіти*, *гáьітись*, *зáьідка*, *мрíьіцця* и въ 1–мъ лицѣ настоящаго времени, множественнаго числа глаголовъ: *ми кáьімось*, *ми гáьімось*, *ми мáьімо*, *ми знáьімо* и т. д.; а не такъ, какъ многіе доселѣ, не обращая вниманія на законы фонетики нашего языка, и придерживаясь только книжной формы, пишутъ эти слова: *хàяти*, *гáяти*, *зáядка*, *мрíється*, *ми кáемось*, *ми мáемо*, *ми знáемо* и т. д.

Буква *є* выражаетъ у него смягченное *э* или *ьі*; но вѣдь и буква *е* тоже нерѣдко принимаетъ звукъ *ьі*, а, между тѣмъ, онѣ ставятся различно, безъ всякой уважительной причины: буквѣ *є*, означающей смягченное *э*, преимущественно дано мѣсто въ концѣ словъ, послѣ согласныхъ; что́ за почётъ такой? и на концѣ же словъ ставится *е*, имѣющее послѣ гласныхъ тотъ–же звукъ, но только не удостоенное исключительнымъ почетомъ; а, между тѣмъ, та–же буква *е*, вначалѣ строки или послѣ точки, принимаетъ звукъ *ьі* или *ю* и таже самая вначалѣ строчныхъ обращается въ *е*, а иногда въ *ьэ*. Для выраже-

нія острого звука *г*, удержано латинское *g*. Во многихъ словахъ знакъ *ь* вовсе опускается и тѣмъ нарушается характеристическая интонація словъ; а удерживается послѣ *р* въ окончаніяхъ словъ, и гдѣ онъ рѣшительно не долженъ быть, напр. *Кобзáр*, *дзвонар*, *димáр*, *грабáр*, *школя́р*, *шкля́р*, *маля́р*, *косáр*, *гончáр*, и мног. друг.; — въ глагольныхъ окончаніяхъ невыдерживаются фонетическія требованія рѣчи, и предлогъ *у* обращенъ въ *въ;* а также, во всѣхъ случаяхъ полугласная или сжатая *у* — замѣнена буквою *в*.—Однимъ словомъ, орѳографія эта не удовлетворяя ни свойствамъ нашего языка, ни филологической послѣдовательности въ гласныхъ и должной выдержкѣ въ цѣломъ, рѣшительно не представляетъ никакого облегченія учащемуся, а, напротивъ, много затрудняетъ его и путаетъ своимъ смѣшеніемъ.

Такъ какъ всякая реформа, въ чемъ–бы то ни–было, должна имѣть смыслъ и прямо отвѣчать явившейся или являющейся къ тому потребности, въ противномъ случаѣ эта реформа или пустой звукъ или дѣло произвола и насилія,—то невольно раждается вопросъ:—какая насущная необходимость побудила гг. издающихъ для народнаго чтенія книжечки, печатать послѣднія Петровскимъ шрифтомъ и орѳографіею, удержанною г. Кулишемъ и »Основою»?

— Если *церковно–словянскій* шрифтъ, по своей неокругленности, затруднителенъ для народа и, къ тому–же, началъ, какъ нѣкоторые говорятъ, пользоваться меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ *обще–гражданскій*, который удобнѣе и болѣе необходимъ народу въ житейскомъ быту,—то, въ такомъ случаѣ, слѣдовало–бы проводить въ народъ и *обще–гражданское правописаніе*, а не какое либо, произвольно составленное, и для народа совершенно новое. Если–же, на основаніи фонетическихъ законовъ языка, необходимо было измѣнить существующее правописаніе, то слѣдовало–бы, въ этомъ случаѣ, поступить раціонально, строго придержаться законовъ нашего языка и филологіи, а не произвола? Это дѣло, вѣдь, не для собственнаго препровожденія времени или удовольствія. Такъ–какъ, при изданіи книжечокъ для народнаго чтенія, несомнѣнно имѣлась ввиду благая цѣль—облегчить народу пути къ развитію и дать ему возможность практически изучить обще–гражданскую грамоту, — то постараемся обратить вниманіе, насколько именно выигрываетъ народъ отъ введенія этого новаго посредствующаго для него пути — этой новой орѳографіи?

До–сихъ–поръ нашему народу были извѣстны три орѳографіи: 1–я

Старо-Кіевская, 2-я первоначальная, т. е. *Старо-Боларская*, снова введенная вслѣдствіе перепечатанія нашихъ церковныхъ книгъ и отпечатанія букваря, и 3-я *Обще-гражданская-Петровская*. Изъ нихъ только первая близка народному языку, какъ заявленная самимъ народомъ; послѣднія двѣ трудны и вредны языку. Теперь же, дарится ему еще *четвертая*, требующая особеннаго изученія, и которая отдѣляется отъ Петровской настолько, что если по ней научиться грамотѣ, то все-таки придется изучать Петровскую. Слѣдовательно, народу дается не облегченіе, а двойное и напрасное затрудненіе къ скорѣйшему развитію. Къ тому-же, если примемъ во вниманіе, что гражданскій шрифтъ, какъ извѣстно, не пользуется въ народѣ уваженіемъ,—то зачѣмъ-же систематически насиловать народъ, угощая его тѣмъ, что́ ему несвойственно и, по вѣрному инстинкту народа, имѣетъ на него вредныя послѣдствія?—Лучше и справедливѣе было-бы постараться упростить имѣющіяся уже въ народѣ данныя къ вѣрному и легчайшему его развитію, а не затруднять народъ произвольными нововведеніями и тѣмъ совращать его съ путей, ему обычныхъ и свойственныхъ. Знаю, что для изученія грамоты есть достаточно новыхъ прекрасныхъ системъ; но прежде всякихъ системъ и теорій, надобно, чтобы въ самой жизни народа явилась сознательная потребность грамотности, надобно имѣть преподавателей, соотвѣтственныхъ являющимся системамъ и теоріямъ, а у насъ ихъ нѣтъ; потому-то всякая система и теорія обращаются для народа въ пустой звукъ. Быстрое развитіе грамотности между многочисленными старовѣрами и раскольниками, по большей части, строго придерживающихся буквы и старины, а также ихъ благосостояніе и довольство, до которыхъ дай Богъ дойти и всякому народу,—ясно свидѣтельствуютъ, что не одни нововведенія, а тѣмъ-болѣе бюрократическія, или гадательныя, и не одно уничтоженіе старого развиваетъ въ народѣ благосостояніе и грамотность.

Сентябрь 1861. Москва. **Микóла Гаццýкъ.**

ПИСЬМО СЕМИНАРИСТА.

...Въ духовномъ училищѣ, куда я поступилъ изъ родительскаго дома, стараются убить всякую самостоятельность учениковъ, стараются сдѣлать изъ насъ автоматовъ. Здѣсь рѣшительно не обращаютъ вниманія на развитіе мыслительной способности; мы должны мыслить такъ, какъ наши начальники и наставники, а иначе насъ не потерпятъ въ училищѣ и по какимъ бы то ни было причинамъ уволятъ. Намъ нельзя быть любознательными, намъ говорятъ: выучи вотъ это—и я долженъ учить не размышляя; говорятъ—иди туда-то,—я долженъ идти не задумываясь. Мы учимся, большею частію безъ сознанія и если потребовать отчета, что сдѣлалъ ученикъ впродолженіе шестигодичнаго училищнаго курса — окажется, что почти ничего. Такъ мы переходимъ въ семинарію, гдѣ продолжается почти тоже. При встрѣчѣ съ наставникомъ, также какъ и въ училищѣ, я долженъ снять фуражку на разстояніи пяти шаговъ, а передъ начальникомъ на разстояніи не менѣе двадцати. Одинъ изъ моихъ начальниковъ,—когда я былъ еще въ училищѣ,—далъ приказаніе, чтобы всякій ученикъ снималъ шапку какъ только войдетъ въ училищный домъ. Неисполнявшій такого приказанія непремѣнно подвергался наказанію розгами, а если былъ сынъ сколько нибудь достаточнаго отца,—ему угрожали исключеніемъ. И какой бы ни былъ зимою морозъ или вьюга, ученикъ долженъ былъ пройдти безъ шапки значительное разстояніе по училищному двору. Говорить предъ наставникомъ въ фуражкѣ ни подъ какимъ видомъ не дозволяется, а на ректора нельзя даже прямо и посмотрѣть. Однажды былъ слѣдующій случай. Ректоръ ѣхалъ въ каретѣ по одной сторонѣ улицы, а по другой шелъ одинъ изъ учениковъ риторики и не снялъ фуражки. Что́же? На другой день его предъ учениками, наилучшимъ образомъ наказали розгами! Правда, все это понемногу у насъ выводится и нѣкоторые, впрочемъ немногіе, наставники сколько нибудь почеловѣчески относятся къ ученикамъ, да и самъ ректоръ человѣчнѣе прежняго, хотя подъ-часъ и величаетъ всѣхъ вообще учениковъ въ глаза, а наставниковъ за глаза, свиньями и подобными ласковыми словами.

Не пойти въ классъ—бѣда, идти—почти-что незачѣмъ, и въ классѣ каждый ученикъ думаетъ только о томъ, какъ бы выйти изъ класса, или, по-крайней-мѣрѣ, скоро ли окончится классъ. Отчего же это? Оттого, что у насъ еще мало наставниковъ, которые бы сколько-нибудь основательно знали свой предметъ, а есть еще и такіе, которые

знаютъ преподаваемый ими предметъ почти столько же, сколько и ученикъ, которому они преподаютъ. Обыкновенно, наставникъ въ классѣ или выслушиваетъ, какъ каждый ученикъ выучилъ лекцію, или читаетъ эту лекцію ученикамъ самъ, по той же самой книжкѣ, по которой должны учиться ученики, нисколько не прибавляя къ этому чтенію своихъ знаній,—а вѣдь учебникъ долженъ быть только темой того, что́ долженъ развивать въ классѣ наставникъ. Когда спрашиваютъ ученика лекцію, онъ долженъ говорить—буквально, по книгѣ. Нѣкоторые наставники наши и объясняютъ въ классѣ, да какъ? начнетъ, что́ называется, отъ Адама и пока придетъ къ тому, о чемъ онъ хочетъ говорить,—ученикъ потеряетъ уже всякую охоту слушать; а иногда одна и та же матерія тянется нѣсколько классовъ! Можно ли, въ такомъ случаѣ, внимательно слѣдить за мыслію наставника? Другіе же стараются блеснуть передъ учениками, своими выраженіями и говорятъ такъ, что многіе ученики не понимаютъ что́ говорятъ. Если же наставникъ какъ нибудь проговорится,—ученикъ не можетъ этого ему замѣтить, а если ученикъ не понялъ что́ сказалъ наставникъ, то не вправѣ просить объясненія. Нужно однакожъ замѣтить, что наставники послѣдняго академическаго курса гораздо лучше старыхъ во всѣхъ отношеніяхъ, хотя, впрочемъ, въ семьѣ не безъ урода.

У насъ въ семинаріяхъ есть такъ–называемыя *задачи*. Въ высшемъ классѣ одна задача бываетъ въ двѣ недѣли, а въ среднемъ и низшемъ—и болѣе. Что́жъ это за задачи? Наставникъ даетъ *тему*, чаще всего одну только, и каждый ученикъ долженъ писать на эту тему кто что́ можетъ. Наставникъ въ классѣ на такую тему ничего не скажетъ; прочитать что́–нибудь—негдѣ; поневолѣ нужно самому придумывать. А между тѣмъ, имѣй я, на извѣстный предметъ, свой взглядъ, мнѣ нельзя писать задачу такъ, какъ я понимаю: я долженъ часто писать о томъ, чего не знаю, противъ своихъ понятій: иначе не угодишь наставнику. Писать свободно ни въ какомъ случаѣ нельзя: дерзновеннаго поставятъ на–ряду самыхъ безнравственныхъ. Можно ли притомъ написать что–либо порядочное въ двѣ недѣли... Отъ этого у насъ только половина учениковъ пишетъ задачи, но и эти пишутъ только для того, чтобъ сбыть съ рукъ, какъ попало. Если задачи эти необходимы, такъ пусть даютъ одну въ годъ, по каждому предмету. Съ начала учебнаго года пусть каждый наставникъ дастъ, по своему предмету, нѣсколько темъ для сочиненій и ученикъ выберетъ для себя какую онъ захочетъ. Въ–про-

долженіи времени, каждый ученикъ внимательно обдумаетъ избранную имъ тему, прочитаетъ что-нибудь объ этомъ и задача у него выйдетъ удовлетворительная.

Въ богословскомъ классѣ, у насъ пишутъ проповѣди—на извѣстный день, изъ извѣстнаго текста и на извѣстную тему,—два раза въ годъ. Мы учимся, чтобы быть священниками и учить простой народъ. Какъ же мы будемъ поучать его, если не знаемъ его потребностей, его языка? Развѣ онъ пойметъ меня, если я буду говорить ему чуть-чуть не на иностранномъ языкѣ? Наша губернія одна изъ малороссійскихъ. Не полезно ли было бы и для насъ, семинаристовъ, и для простаго народа, для котораго болѣе мы и учимся, говорить проповѣди на томъ языкѣ, на которомъ говоритъ народъ? Изучая языкъ, мы болѣе и ближе познакомились бы съ народомъ, вникли въ его духъ, въ его потребности и заслужили бы его уваженіе. А то—что я скажу народу на языкѣ для него непонятномъ? Говорить такъ предъ народомъ все равно, что горохомъ объ стѣну. Нѣтъ, простому народу нужно и говорить простымъ языкомъ, и онъ отъ своего чистаго и правдиваго сердца поблагодаритъ насъ за такую науку.

Книгъ въ нашей библіотекѣ довольно. Изъ нихъ половина на иностранныхъ языкахъ, а другая половина на русскомъ. Изъ этой половины одна четверть относится къ сельскому хозяйству, другая къ богословію, третью можно раздѣлить на всѣ остальныя науки, которыя преподаются въ семинаріи, а четвертую можно бы рѣшительно исключить. И все это стародавнее. Новѣйшихъ сочиненій ни по какимъ отраслямъ у насъ не имѣется. Книгъ для легкаго чтенія у насъ ужъ рѣшительно не найдете. Недавно только у насъ дозволено читать свѣтскія книги, а прежде—Боже сохрани! и книгу отберутъ и читающаго накажутъ. Теперь же—вотъ только первый годъ—у насъ начала образовываться ученическая библіотека, состоящая изъ книгъ выписываемыхъ учениками на собственныя деньги. Въ настоящемъ году у насъ выписываются слѣдующіе журналы для ученической библіотеки: Современникъ, Время, Библіотека для Чтенія, Отечественныя Записки, Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, Русское Слово, Основа, Духовный Вѣстникъ, Православное Обозрѣніе, Духъ Христіанина, Странникъ, Христіанское Чтеніе, Руководство для сельскихъ пастырей и Труды Кіевской духовной Академіи. Въ семинарскую же библіотеку слѣдующія: Воскресное чтеніе (въ которомъ нѣтъ почти ничего интереснаго), Христіанское чтеніе (похожее на Воскресное), Право-

славное Обозрѣніе, Труды Кіевской д. Академіи, Духовная Бесѣда (относящаяся къ разряду чтеній), Руководство для сельскихъ пастырей (ровно ни къ чему не руководящее), Православный Собесѣдникъ (тоже къ чтеніямъ), Творенія св. отцевъ (которыя по три раза перепечатываются), Странникъ, Домашняя Бесѣда, Кіевскія Епархіальныя вѣдомости (не понимаю для чего), Московскія вѣдомости, Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, Воспитаніе, Учитель, Картинныя галереи Европы (развѣ для класса иконописанія), Книжный Вѣстникъ и Филологическія Записки. Всего выписывается на сумму болѣе 140 руб.! Повидимому, есть что почитать, а на дѣлѣ выходитъ почти противное. Всѣмъ этимъ завѣдываетъ у насъ ректоръ, который, кажется, хочетъ, чтобы кромѣ его никто ничего не читалъ. Выписываемыя для семинарской библіотеки книги онъ держитъ у себя и никому не даетъ, даже не отдаетъ и въ библіотеку, а выписываемыя въ ученическую библіотеку сдаетъ чрезъ мѣсяцъ по полученіи книги. Всѣ же вообще книги онъ получаетъ лично и также лично распоряжается книгами, получаемыми въ ученическую библіотеку. Книга дается ученикамъ, на нѣсколько квартиръ, на десять дней; въ такомъ случаѣ иногда приходится она на десять человѣкъ, а иногда на двадцать пять. Вообще книгу, положимъ Современникъ, ученику приходится читать, выключая время для другихъ занятій и проч., не болѣе $1^1/_2$ часа. Чтоже въ это время можно прочитать? Вообще, порядокъ нехорошій. Не лучше ли предоставить это ученикамъ? Кромѣ того, у насъ есть еще отдѣльныя книги разныхъ сочинителей, но они никому не даются теперь. Прежде, когда книги были на рукахъ у одного изъ наставниковъ, всѣ брали когда и какую кому угодно, а теперь...

Въ статьѣ Современника «изъ воспоминаній наставника семинаріи» говорится, что за поведеніемъ учениковъ гораздо лучше могутъ слѣдить наставники, а не инспекторъ. Положимъ, что и наставникъ можетъ имѣть понятіе о поведеніи ученика, но для этого нужно измѣнить настоящія отношенія наставниковъ къ ученикамъ, такъ, чтобы ученикъ былъ свободенъ въ обращеніи съ наставникомъ, чтобы ученикъ могъ ходить къ наставнику не за дѣломъ только какъ теперь бываетъ, а какъ къ товарищу, нужно чтобы и наставники также заходили на квартиры къ ученикамъ поговорить, посидѣть; словомъ, наставники должны сблизиться съ учениками. Теперь наставникъ почти и знать не хочетъ ученика; при встрѣчѣ гдѣ-нибудь на сторонѣ, наставникъ старается

какъ можно дальше держать себя отъ ученика; тоже самое въ классѣ. Оттого-то ученики и не слушаютъ лекцій наставниковъ. Повѣрьте, что еслибъ ученикъ сталъ читать что-нибудь въ классѣ, то товарищи слушали бъ его съ гораздо большимъ вниманіемъ, нежели наставника. Это вѣрно.

Наша полиція ни въ какомъ случаѣ не можетъ правильно судить о поведеніи учениковъ. Не застанутъ, напримѣръ, разъ, два и три ученика на квартирѣ и его поведеніе маранотъ, вносятъ въ такъ-называемую черную книгу почти безъ разбирательства—гдѣ былъ ученикъ и по какому случаю. Оправдываться же ученику у насъ почти не дозволяется. Положимъ, меня обвинили въ чемъ-нибудь и я иду оправдаться; инспекторъ не даетъ мнѣ выговорить и слова, говоря: «вы (большею частію—ты) небыли дома, или сдѣлали вотъ то-то; не толкуйте же ничего, извольте исполнить наказаніе (*). Этотъ методъ ввелъ у насъ ректоръ, чтобы не давать ученикамъ повода къ разсужденіямъ съ начальниками и наставниками; что сказалъ начальникъ—то свято. Притомъ насъ даже почти учатъ не сознаваться ни въ чемъ, если провинился. Если ученикъ чистосердечно сознается, не станутъ доказывать ему, что онъ сдѣлалъ худо, не станутъ раскрывать предъ нимъ свойство его поступка, чтобы на будущее время отвратить отъ него, не простятъ, а просто накажутъ, и накажутъ со злостью (**). Не

(*) Со мной случилось однажды слѣдующее. Пріѣхалъ въ городъ родной мой старшій братъ; я отправился къ нему на квартиру повидаться. Не долго пробывши тамъ и возвращаясь въ домъ, я встрѣтилъ ректора. На вопросъ «гдѣ я былъ?» я сказалъ гдѣ. «А отпрашивался ли у инспектора?»—Нѣтъ.—«Почему?»—Да потому, что, какъ вамъ извѣстно, инспекторъ не вникаетъ ни во что по случаю болѣзни, а исправляющій его должность, въ четыре раза далѣе отъ моей квартиры, нежели отъ квартиры брата. «Но во всякомъ случаѣ ты долженъ былъ просить дозволеніе у инспектора». И хотя меня онъ не исключилъ за отлучку и за дерзость говорить предъ нимъ, то покрайней мѣрѣ, очень серьезно угрожалъ исключеніемъ.

(**) Лѣтъ пять-шесть тому назадъ выбылъ изъ этой самой семинаріи инспекторъ, умомъ *больно не хитеръ*, но усвоившій въ совершенствѣ полицейскую казуистику семинарій. Ему донесли на какого-то ученика. Нужно сказать, что инспекторъ этотъ довелъ до возможнаго совершенства систему доносовъ, шпіонства и сплетень; семинарія нѣсколько лѣтъ страдала отъ временщиковъ, его любимцевъ, которыхъ онъ возводилъ въ должность главнаго старшаго, или, попросту сказать, оберъ-шпіона. Ученикъ былъ позванъ къ нему и утверждалъ, что онъ невиненъ. Инспекторъ даетъ ему слово, что если онъ сознается и принесетъ раскаяніе, онъ его не накажетъ. Довѣрчивый юноша сознался. Тогда инспекторъ ему сказалъ: я поставленъ между двухъ золъ: между ненаказанностію вины—большимъ зломъ, и нарушеніемъ даннаго слова—

признайся же ученикъ—и онъ правъ, его не накажутъ. Вотъ почему ученикъ считаетъ за священную обязаность врать предъ начальствомъ. Начальство наше судитъ о поведеніи болѣе по наружности. Держи себя предъ всѣми открыто, благородно, отлучайся изъ квартиры, чтобы заняться съ товарищемъ чтеніемъ книгъ или лекцій, или, просто, погулять—и прослывешь ученикомъ безпутнаго поведенія. Будь безмолвенъ предъ начальникомъ, пониже кланяйся, говори съ нимъ голосомъ умирающаго, а на-сторонѣ, что́ называется, на головѣ ходи—и будешъ у начальства на самомъ лучшемъ счету. Нѣтъ, господа начальники и наставники! вы сами себя обманываете, когда думаете, что вы знаете насъ.

За шалости нельзя наказывать, а тѣмъ болѣе увольнять изъ училища, а къ несчастію у насъ это не рѣдко случается. Намъ не скажутъ дѣлай вотъ то́, потому-что это хорошо и вотъ почему,—этого не дѣлай, это скверно и вотъ почему. Намъ говорятъ прямо: это хорошо, это худо—безъ разсужденій, безъ прекословій. Исключать за пустые проступки ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, а у насъ можно учиться 11 лѣтъ, и болѣе,—и быть въ-заключеніе исключеннымъ за самую пустую шалость.

У насъ есть больница для учениковъ. Что́жъ это за больница? Это самое неакуратное зданіе съ невыносимымъ воздухомъ, съ прескверною и грубою пищею—и не вникающимъ въ свое дѣло лекаремъ. Если ученики и выздоравливаютъ въ больницѣ, то выздоравливаютъ безъ всякой помощи медицины:—бо́льничный воздухъ и пища кажется только затягиваютъ ихъ болѣзнь. Лѣкарь навѣдывается въ больницу рѣдко, а случается, что не бываетъ и по недѣлямъ. Ученикъ чувствуетъ себя нездоровымъ и приходитъ къ лекарю. Этотъ, не распросивши про болѣзнь, неосмотрѣвши больнаго, отправляетъ прямо въ больницу и только,—а въ больницѣ онъ не наблюдаетъ за ходомъ болѣзни; иногда же посмотрѣвши на больнаго, говоритъ, что онъ здоровъ, хотя тотъ самъ чувствуетъ себя нездоровымъ. Заболѣетъ кто внезапно и сильно, особенно если это случится ночью, будьте увѣрены, что лекарь никогда не явится во-время.

Въ воскресные и праздничные дни всѣ ученики ходятъ въ домовую семинарскую церковь на утреню и литургію. Сперва, обыкновенно, всѣ

ме́ньшимъ. Ты самъ согласишся, что благоразуміе заставляетъ всякаго человѣка выбирать меньшее зло, и потому—я долженъ тебя наказать. И, дѣйствительно, наказалъ. *Прим. не-автора.*

собираются въ одинъ изъ большихъ классовъ (залы для собраній у насъ нѣтъ). Здѣсь помощникъ инспектора, а иногда даже и старшій ученикъ, по списку, перекликаетъ всѣхъ учениковъ и кого нѣтъ, вносятъ въ *нравственный* журналъ. Не будь въ собраніи и будь въ церкви—бѣда, почему не былъ въ собраніи; будь въ собраніи и не будь въ церкви—ничего: на это мало обращаютъ вниманіе. И ученики обыкновенно стараются бывать въ собраніи и не быть въ церкви. Не нужно стѣснять учениковъ, чтобы они ходили непремѣнно въ свою церковь; пусть слѣдятъ чтобы ученики бывали въ церкви вообще, но пусть не стѣсняютъ хожденіемъ непремѣнно въ домовую семинарскую — и они не будутъ убѣгать отъ церкви. Теперь же—кто не идетъ въ церковь, тотъ обыкновенно сидитъ на квартирѣ, боится идти въ другую церковь, чтобы не увидѣло какое-либо начальственное лицо.

Предварительно преобразованія семинаріи не мѣшаетъ нашему начальству озаботиться составленіемъ учебниковъ по всѣмъ наукамъ, читаемымъ у насъ въ семинаріяхъ. Настоящіе наши учебники, большею частію писаные, слишкомъ стѣсняютъ учениковъ, отнимаютъ у нихъ много свободнаго времени на списываніе; нѣкоторые не успѣваютъ выучивать и ограничиваются одною перепискою. Если же и есть какіе нибудь учебники печатные, то и тѣ никуда негодны. Не мѣшало бъ нашему духовному начальству предложить даже и преміи за составленіе удовлетворительныхъ для семинаріи и училищъ учебниковъ.

Вообще—семинарское образованіе слишкомъ неудовлетворительно. Съ какими познаніями выходятъ изъ семинаріи оканчивающіе курсъ? съ самыми ограниченными! Говорятъ, что насъ учатъ особенно наукамъ богословскимъ, такъ-какъ мы готовимся быть священнослужителями, и обращаютъ менѣе вниманія на остальныя науки;—нѣтъ! и богословскій классъ у насъ считается главнымъ только номинально, а на дѣлѣ—все равно. Не знаю отчего, но окончившіе гимназіи имѣютъ гораздо болѣе свѣдѣній, по всѣмъ наукамъ, нежели ученики семинаріи, а о бывшихъ въ университетѣ нечего и говорить. Если же соединить вмѣстѣ годы гимназическаго и университетскаго курса, то выйдетъ едва ли не менѣе семинарскаго—который длится двенадцать лѣтъ! Правда, нѣкоторые, поступивши, положимъ, въ среднее отдѣленіе училища, учатся только 10 лѣтъ, но за то нѣкоторые несчастные, оставленные на повторительный курсъ въ одномъ или двухъ классахъ семинаріи или училища, должны учиться отъ 14 до 16 лѣтъ... чуть не половину жизни! Столько учиться и не вынести почти ничего—

это ужасно. Выходятъ иногда изъ семинаріи люди и съ достаточнымъ образованіемъ, но это тѣ, которые, впродолженіе семинарскаго курса, мало очень обращали вниманіе на классныя лекціи, не ходили большею частію въ классъ и обязаны сами себѣ своимъ развитіемъ, котораго они достигли чтеніемъ и изученіемъ постороннихъ книгъ, не входящихъ въ кругъ семинарскаго классическаго образованія. Отчего, напримѣръ, воспитанники семинаріи бываютъ вялы, безжизненны, съ нерѣшительными манерами?.. Смертность учениковъ семинаріи, сравнительно съ учениками другихъ заведеній, гораздо большая семинаристы большею частію болѣютъ грудными припадками. Намъ запрещена прогулка, у насъ нѣтъ никакихъ гимнастическихъ упражненій; и нѣкоторые ученики, исполняя семинарскую инструкцію, изъ боязни наказаній, никуда не отлучаются изъ своей грязной и удушливой комнаты. Многіе теперь не слушаются подобныхъ законовъ и гуляютъ гдѣ хотятъ, но зато такіе ученики считаются начальствомъ легкаго, если не нетерпимаго въ семинаріи, поведенія.

Семинаріи, въ настоящемъ ихъ видѣ, быть—можетъ хороши были для очень давняго времени. Теперь же онѣ, по нашему убѣжденію, во многомъ и во многомъ требуютъ преобразованій.

ОТЧЕТЪ

ЧЕРНИГОВСКОЙ МЕЖЕВОЙ ПАЛАТЫ ЗА 1861 ГОДЪ,

представленный предсѣдателемъ черниговской межевой палаты, управляющему межевымъ корпусомъ (*).

Въ общую сумму межевыхъ работъ по 1 января 1862 года вошелъ итогъ работъ за прошедшее время межеванія Черниговской гу-

(*) Къ отчету, препровожденному къ управляющему межевымъ корпусомъ, были приложены: карта Черниговской губерніи, съ графическимъ показаніемъ межевыхъ работъ отъ открытія межеванія въ губерніи по 1 января 1862 г.; карты уѣздовъ: Черниговскаго, Нѣжинскаго, Борзенскаго, Городницкаго и Глуховскаго, съ показаніемъ состоянія межевыхъ работъ по 1 января 1862 года, и почвенныя карты слѣдующихъ дачъ: с. Хриповки (Городницкаго уѣзда), д. Подусовки (Черниговскаго уѣзда), с. Конопѣевки (Борзенскаго уѣзда), с. Слоута (Глуховскаго уѣзда).

берніи, начатаго съ 2–го іюля 1858 года, подъ вѣдѣніемъ временнаго комитета, до начала дѣйствій межевой палаты, открытой 24 іюля 1860 года. Настоящій отчетъ, кромѣ изображенія дѣйствій межевой палаты въ 1861 году, представляетъ подробное обозрѣніе состоянія межеванія Черниговской губерніи, за все время производства онаго по 1 января 1862 года.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ УЧРЕЖДЕНІЯ МЕЖЕВАНІЯ ВЪ МАЛОРОССІИ.

Движеніе дѣла объ учрежденіи размежеванія Малороссіи отъ конца 18–го столѣтія.

Состояніе поземельной собственности въ Малороссіи, какъ видно изъ документовъ, находящихся при дѣлахъ межевой палаты и канцеляріи начальника Черниговской губерніи, вызывало, въ концѣ 18–го столѣтія, необходимость размежеванія и Черниговской губерніи, какъ части Малороссіи. Въ 1801 г. была уже составлена Правительствующимъ Сенатомъ инструкція для начертанія Положенія о размежеваніи малороссійскихъ губерній. Проэктированіе подробныхъ правилъ по этой инструкціи поручено было учрежденному для этого особому комитету, который, исполнивъ въ 1803 году лежавшія на немъ обязанности, передалъ въ 1804 г. написанныя имъ правила малороссійскому генералъ–губернатору, для соображенія съ мѣстными обстоятельствами и правами владѣльцевъ, дополненія указаніями этихъ соображеній и составленія правилъ спеціальнаго размежеванія, такъ–какъ въ инструкціи 1803 года опредѣлено было только генеральное межеваніе.

Главныя основанія, на которыхъ полагали въ то время, по означеннымъ инструкціямъ и мѣстнымъ соображеніямъ, установить размежеваніе Малороссіи, состояли въ слѣдующемъ: 1) межевать земли не къ именамъ владѣльцевъ, но къ именамъ мѣстечекъ, селъ и деревень, а пустоши къ ихъ званіямъ; 2) производить размежеваніе черезъ подкоморскіе суды, на основаніи постановленій и обрядовъ, изображенныхъ въ 9 раздѣлѣ дѣйствовавшаго въ Малороссіи статута, подъ ближайшимъ наблюденіемъ и апелляціею коммисарскихъ судовъ, которыхъ могло быть нѣсколько въ губерніи, съ раздѣленіемъ между ними подкоморскихъ судовъ, и, сверхъ того подъ непосредственнымъ начальствомъ, въ распорядительномъ и въ судномъ отношеніи мал о россійскаго

генералъ–губернатора,—почему рѣшенія коммисарскихъ судовъ, во всякомъ случаѣ, должны были поступать, до объявленія рѣшеній, на разсмотрѣніе гереналъ–губернатора, получавшаго право отмѣнять постановленія коммисарскаго суда; недовольнымъ рѣшеніемъ генералъ–губернатора предоставлялась апеляція въ Правительствующій Сенатъ; 3) разрѣшать споры о земляхъ по письменнымъ документамъ, какъ–то: Высочайшимъ грамотамъ, гетманскимъ универсаламъ, купчимъ крѣпостямъ, совершеннымъ въ судахъ, и по другимъ законнымъ актамъ и документамъ, содержащимъ названія имѣній и мѣру ихъ, и по указаніямъ живыхъ урочищъ въ межахъ и знакахъ, а за недостаткомъ тѣхъ или другихъ основаній — по свидѣтельскимъ показаніямъ и по десятилѣтней давности владѣнія, какъ объ ней установлено въ статутѣ; 4) не требовать никакихъ документовъ отъ тѣхъ землевладѣльцевъ, владѣніе которыхъ не оспаривалось бы при производствѣ межеванія губерніи; 5) раздѣлять лѣса между владѣльцами по правамъ владѣнія на нихъ и по документамъ; 6) производить межеваніе на счетъ владѣльцевъ, взыскивая съ нихъ пошлины за планы; 7) размежевывать поземельную собственность: дворянъ, гражданъ, людей духовнаго чина, козаковъ, старшинъ, значковыхъ, приказныхъ, стрѣльцовъ, бобровниковъ и проч., какъ бы мало ни состояло за ними земель, съ тѣмъ, что если бы владѣльцы не развелись полюбовно, то, не принимая никакихъ отговорокъ, размежевывать ихъ каждаго особо, по усмотрѣнію подкоморскаго суда, оставляя, по обмежеваніи, внутреннее раздѣленіе земель въ удѣльныхъ земляхъ, всякихъ казенныхъ волостяхъ и пустошахъ мѣстному начальству надъ тѣми землями.

Означенныя инструкціи, съ мѣстными заключеніями и дополненіями, оставались въ разсмотрѣніи правительства до 1838 года. Въ этомъ году нашли снова необходимымъ подвергнуть различныя предположенія о межеваніи по согласованію, съ мѣстными обстоятельствами. Повторительное обсужденіе полученныхъ изъ губерніи мнѣній потребовало въ 1853 году новаго мѣстнаго обсужденія, окончившагося, на этотъ разъ, донесеніемъ мѣстнаго начальства, что всѣ вышеписанныя инструкціи непримѣнимы при настоящемъ устройствѣ малороссійскихъ губерній, почему въ 1858 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе войти въ новыя соображенія и сношенія о размежеваніи Черниговской и Полтавской губерній. Въ томъ же году, Высочайше повелѣно было образовать особый комитетъ для постановленія, по соображеніямъ съ мѣстными обстоятельствами и потребностями края, главныхъ началъ про-

изводства размежеванія земель въ тѣхъ губерніяхъ, назначивъ въ тотъ комитетъ отъ каждой губерніи, кромѣ чиновниковъ министерства государственныхъ имуществъ и межеваго вѣдомства, двухъ или трехъ опытныхъ помѣщиковъ, наиболѣе знакомыхъ съ исключительнымъ положеніемъ Малороссіи (*). 4 апрѣля того же года былъ открытъ означенный комитетъ подъ предсѣдательствомъ помощника управляющаго межевымъ корпусомъ генералъ-маіора Гедеонова.

Въ основаніе дѣйствій комитета, указаны были слѣдующія начала: размежеваніе Малороссіи производить, согласно Высочайшему повелѣнію 27 января 1858 года, по настоящему безспорному владѣнію; при разрѣшеніи споровъ принимать главнымъ основаніемъ десятилѣтнюю давность владѣнія до состоянія указа объ открытіи межеванія; казенную и частную собственность, съ небольшими исключеніями, подчинять одинаковымъ условіямъ при всѣхъ межевыхъ дѣйствіяхъ; производить одновременно съ генеральнымъ межеваніемъ и спеціальное межеваніе, на началахъ, согласованныхъ съ мѣстными особенностями и потребностями края и дѣйствующими законами, предоставляя въ спеціальномъ межеваніи въ главное основаніе полюбовное межеваніе; а такъ какъ оно, по дробности владѣній въ Малороссіи и по особенной привязанности каждаго мѣстнаго владѣльца къ своимъ угодьямъ, будетъ затруднительно и большею частью даже невозможно, то установить правила для обязательнаго межеванія, имѣя въ виду опредѣлить какъ поземельныя единицы, при которыхъ землевладѣльцы обязаны будутъ выдѣлиться въ отрубныя дачи, т. е. дачи единственнаго владѣнія, и при которыхъ они могутъ оставаться въ чрезполосномъ владѣніи, въ общихъ смѣнахъ, такъ и правила размежеванія земель при обязательномъ межеваніи и, наконецъ, проэктируя межевыя учрежденія, для веденія межеванія и наблюденія за правильнымъ ходомъ онаго, составить оныя изъ представителей разныхъ сословій и межевыхъ чиновъ, съ тѣмъ, чтобы губернскія межевыя учрежденія были мѣстами судебными и административными вмѣстѣ, а уѣздныя исключительно административными. Въ маѣ мѣсяцѣ того года были окончены занятія комитета, и 19 мая того же года состоялось Высочайшее повелѣніе—открыть межевыя дѣйствія въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ, съ учрежденіемъ въ каждой губерніи временнаго комитета, для административныхъ только

(*) Депутатами отъ дворянства Черниговской губерніи были въ комитетѣ—помѣщики: В. Д. Дунинъ-Барковскій, Г. П. Галаганъ и В. И. Туманскій.

дѣйствій по направленію межеванія, производству полюбовныхъ соглашеній, приготовленію дачъ къ обязательному размежеванію и для повѣрки и приведенія въ исполненіе, подъ главнымъ наблюденіемъ помощника управляющаго межевымъ корпусомъ, мѣроположеній комитета, опредѣлявшаго главныя начала размежеванія Малороссіи, впредь до утвержденія, въ законодательномъ порядкѣ, Положенія о размежеваніи Малороссіи, представленіе котораго возложено было на помощника же, по обсужденіи всѣхъ случаевъ, могущихъ встрѣтиться на мѣстѣ при началѣ межеванія Малороссіи.—9 іюля 1858 года началось межеваніе Черниговской губерніи открытіемъ межевой коммисіи для черниговскаго уѣзда и межеваніемъ земель этого уѣзда межевыми чинами, командированными изъ межеваго корпуса.

Въ маѣ 1859 года было открыто, при дѣйствіяхъ временнаго комитета, межеваніе въ уѣздахъ Городницкомъ и Глуховскомъ, съ учрежденіемъ въ нихъ межевыхъ коммисій.

19 октября 1859 года было Высочайше утверждено Положеніе о размежеваніи Малороссіи, составленное на вышеизложенныхъ началахъ, съ порученіемъ инціативы движенія дѣлъ по размежеванію Малороссіи дворянскому сословію, подъ непосредственнымъ надзоромъ управляющаго межевымъ корпусомъ и съ предоставленіемъ межевой палатѣ права окончательнаго рѣшенія всѣхъ дѣлъ по обязательному размежеванію, по жалобамъ на дѣйствія мѣстъ и лицъ, производящихъ межеваніе, и по спорамъ въ земляныхъ границахъ, неоснованнымъ на документахъ, и права разсмотрѣнія и рѣшенія вопросовъ и сомнѣній, возникающихъ при межеваніи, въ предѣлахъ, не превышающихъ ея власти.

По судебнымъ межевымъ дѣламъ, требующимъ высшаго разрѣшенія, межевая палата поставлена въ вѣдѣніе Правительствующаго Сената.

Въ 1860 году, было открыто временнымъ же комитетомъ межеваніе въ уѣздахъ Борзенскомъ и Нѣжинскомъ, при уѣздныхъ межевыхъ коммисіяхъ для тѣхъ уѣздовъ.

24 іюля 1860 года открыта черниговская межевая палата помощникомъ управляющаго, генералъ–маіоромъ Гедеоновымъ.

Чрезполосность Малороссіи.

Въ долгій періодъ времени, болѣе полувѣка, отъ той поры, когда стала являться необходимость въ устройствѣ размежеванія поземель-

ной собственности Малороссіи, поры, совпадающей съ эпохою закрѣпленія крестьянъ въ Малороссіи (*), и до того времени, пока установились предположенія о размежеваніи Малороссіи,—Черниговская губернія сдѣлалась первою губерніею въ имперіи по количеству чрезполосныхъ земель и по чрезвычайной дробности разновладѣльческихъ полосъ въ дачахъ.

Изъ статистическаго обзора государственныхъ имуществъ, изданнаго министерствомъ государственныхъ имуществъ, извѣстно, что въ Черниговской губерніи, имѣющей казенныхъ крестьянскихъ земель 594,463 десятины, независимо отъ земель помѣщичьихъ, козачьихъ, собственныхъ казенныхъ крестьянъ и разныхъ вѣдомствъ—на 100 десятинъ общаго пространства, состоитъ земель во владѣніи чрезполосномъ 91 десят. съ долями, тогда какъ въ другой малороссійской губерніи—Полтавской—все пространство собственно казенныхъ земель не состоитъ въ чрезполосномъ владѣніи.

Поземельное владѣніе губерніи.

Изъ собранныхъ въ межевой палатѣ свѣдѣній, здѣсь прилагается вѣдомость о количествѣ земель, состоящихъ въ чрезполосномъ и отрубномъ владѣніяхъ, общемъ количествѣ земель въ губерніи, по военно-топографической съемкѣ и по оплатѣ земскими повинностями. Таблица эта, вмѣстѣ съ тѣмъ, показываетъ, какъ много состоитъ въ губерніи земель, неподлежащихъ поземельнымъ сборамъ, и какъ много межеваніе послужитъ землевладѣльцамъ къ уменьшенію тягости настоящихъ поземельныхъ налоговъ, когда по межевымъ документамъ будетъ положительно извѣстно поземельное имущество каждаго землевладѣльца и когда поземельные налоги будутъ разложены по дѣйствительному количеству земель, тѣмъ болѣе, что земель неудобныхъ окажется въ Черниговской губерніи, вѣроятно, незначительное количество. По статистическимъ свѣдѣніямъ министерства государственныхъ имуществъ, считается неудобныхъ земель между землями, принадлежащими собственно казнѣ, на каждыя 100 десят.—3 десятины съ долями. До настоящаго времени, по свѣдѣніямъ, въ обмежеванныхъ дачахъ оказывается, что по окладнымъ листамъ поземельныхъ сборовъ количество земли чаще показано менѣе дѣйствительнаго за козаками и другими мелкими владѣльцами.

(*) Закрѣпленіе крестьянъ совершилось въ 1783 году.

ВѢДОМОСТЬ

о количествѣ состоящихъ въ губерніи земель и о количествѣ земель, снятыхъ и приведенныхъ въ извѣстность при настоящемъ размежеваніи губерніи по 1 января 1862 года.

Общее количество земли въ губерніи.	Общее количество по уѣздамъ въ чрезполосныхъ и отрубныхъ владѣніяхъ.				Снято земель чрезполосныхъ и со съемкою ситуацій по 1 января 1862 года.
	Названіе уѣздовъ.	Общее количество по военно-топографической съемкѣ.	Въ чрезполосномъ владѣніи.	Въ отрубномъ владѣніи.	
		Десятинъ.			
По военно-топографической съемкѣ, бывшей въ 1850 году, числится земли 4,793,924. По свѣдѣніямъ присутствія о земскихъ повинностяхъ—земли, оплачиваемой земскими повинностями, 3,003,825 дес.	Черниговскій	388,820	263,820	75,000	82,109 д. 666 с.
	Городницкій	365,700	215,700	150,000	104,967 — 2292 —
	Новозыбковскій	351,644	151,644	200,000	
	Суражскій	372,385	75,685	296,700	
	Мглинскій	343,348	273,348	70,000	
	Стародубскій	309,247	189,247	120,000	
	Новгородсѣверскій	348,879	310,879	38,000	
	Сосницкій	399,220	269,220	130,000	
	Борзенскій	252,734	232,734	20,000	78,593 — 1372 —
	Глуховскій	282,187	270,187	12,000	73,313 — 631 —
	Кролевецкій	246,461	238,161	8,300	
	Конотопскій	220,718	170,718	50,000	
	Нѣжинскій	258,954	228,954	30,000	62,978 — 868 —
	Козелецкій	290,441	272,441	18,000	
	Остерскій	413,186	311,186	102,000	
		4,793,924	3,473,924	1,320,000	401,962 — 1029 —

Примѣчаніе 1. Въ числѣ чрезполосныхъ земель состоитъ усадебныхъ земель . . 127,000 д.
подъ рѣками . . . . . 60,000 —
2. Земель казенныхъ и казенныхъ крестьянъ въ губерніи болѣе . . 1,000,000 —

СОСТОЯНІЕ МЕЖЕВЫХЪ РАБОТЪ ВЪ ГУБЕРНІИ.

Работы по съемкѣ.

Состояніе межевыхъ работъ опредѣляется ходомъ съемокъ. Сравнительное обозрѣніе всѣхъ межевыхъ дѣйствій за такой годъ, въ которомъ было полное развитіе межеванія въ губерніи, даетъ возможность сдѣлать заключеніе о томъ, сколько времени нужно на обмежеваніе всей губерніи.

Въ 1861 году снято въ пяти межуемыхъ уѣздахъ земель чрезполосныхъ 184,978 дес. 1308 саж. и вымежевано въ отрубныхъ дачахъ со съемкою ситуаціи 18,534 дес. 1576 саж., итого 203,513 дес. 484 саж.

Сверхъ того, впродолженіи года, со времени открытія межеванія, снято:

въ 1858 году земель чрезполосныхъ 10,749 дес. 1181 саж., земель въ отрубныхъ дачахъ со съемкою ситуаціи 126 дес. 1485 саж.;

въ 1859 году, земель чрезполосныхъ 83,518 дес. 21 саж., въ отрубныхъ дачахъ со съемкою ситуаціи 1125 дес. 710 саж.;

въ 1860 году земель чрезполосныхъ 97,199 дес. 55 саж., земель въ отрубныхъ дачахъ со съемкою ситуаціи 5730 дес. 1893 саж.

всего же по 1 января 1862 года состоитъ снятыхъ земель въ губерніи 401,962 дес. 1029 саж.

Затѣмъ, остается неснятыхъ изъ количества земель, числящихся въ губерніи по военно-топографической съемкѣ 1850 года, 4,391,961 дес. 1311 саж., и изъ того числа въ чрезполосномъ владѣніи 3,079,479 дес. 2235 саж.

Исключивъ изъ числа чрезполосныхъ земель количество состоящихъ въ нихъ усадебныхъ земель и рѣкъ 167,000 д., остается къ съемкѣ въ чрезполосныхъ земляхъ 2. 930,478 дес. 2235 саж., въ отрубныхъ владѣніяхъ—1.294,482 дес. 1536 с.

Работы по разводу и размежеванію снятыхъ земель.

Въ 1861 году окончательно разведено полюбовно или обязательно чрезполосныхъ земель съ подписаніемъ сказокъ или съ постановленіемъ рѣшеній въ уѣздныхъ межевыхъ коммиссіяхъ—34,772 дес. 1010 саж., изъ коихъ образовалось въ 11 дачахъ 356 участковъ; причемъ изъ

чрезполосныхъ земель составилось по размежеванію отрубныхъ участковъ 54, и участковъ съ землями, сведенными къ однимъ мѣстамъ въ общихъ трехъ смѣнахъ, 302.

Изъ означенныхъ разводовъ окончено межеваніемъ въ натурѣ съ утвержденіемъ межъ, сочиненіемъ плановъ и межевыхъ книгъ—20,825 дес. 493 саж., съ нарѣзкою въ 4 собственно чрезполосныхъ дачахъ пятидесяти двухъ отрубныхъ участковъ, составленныхъ изъ прежде бывшихъ чрезполосныхъ земель, и 17 участковъ съ землями, сведенными къ однимъ мѣстамъ въ общихъ трехъ смѣнахъ. Плановъ сочинено въ 1861 году 70, межевыхъ книгъ 55.

Въ 1860 году окончательно разведено: 685 дес. 961 саж., а окончено межеваніемъ въ натурѣ по прежнимъ разводамъ 7,243 дес. 49 саж.

Въ 1859 году не состоялось ни одного развода, а межеваніемъ въ натурѣ окончено по прежнимъ разводамъ 1,125 дес. 710 саж.

Въ 1858 году разведено 5,056 дес. 2,278 саж., окончено межеваніемъ въ натурѣ 126 дес, 1,485 саж.

Всего же по 1 января 1862 года: окончательно разведено полюбовно и обязательно 40,514 дес. 1849 саж., и окончено межеваніемъ въ натурѣ 29,320 дес. 337 саж.

Межевыя силы губерніи.

Въ 1861 году межевая палата имѣла межевыхъ чиновъ для производства полевыхъ межевыхъ работъ: классныхъ 54, межевщиковъ 14, учениковъ 29, итого 97.

Для занятій въ чертежной межевыхъ чиновъ 2. Палатѣ недостаетъ назначенныхъ по штату классныхъ межевыхъ чиновъ 12.

Въ прошедшихъ годахъ для полевыхъ работъ состояло межевыхъ чиновъ: въ 1860 году классныхъ 44, межевщиковъ 9, учениковъ 34, итого 87; въ 1859 году классныхъ чиновъ 32, межевщиковъ 5, учениковъ 3, итого 40; въ 1858 году: классныхъ чиновъ 12.

Примѣчаніе 1. Число учениковъ съ 1860 на 1861 годъ уменьшилось не отъ убыли ихъ по нежеланію состоять при палатѣ, но отъ перемѣщенія 7 учениковъ, по распоряженію начальства, въ другія губерніи. Число же межевыхъ учениковъ, поступающихъ по собственному желанію въ черниговскую межевую палату и привлекаемыхъ оною къ обученію, постоянно увеличивается, и на 1862 годъ всѣхъ межe-

выхъ учениковъ состоитъ 45, считая зачисленныхъ вновь, но не утвержденныхъ еще въ этомъ званіи.

Примѣчаніе 2. Въ годахъ 1860, 1859 и 1858 для чертежныхъ занятій при палатѣ и коммиссіяхъ особыхъ межевыхъ чиновъ вовсе не состояло.

Успѣшность работъ межевыхъ чиновъ.

Изъ снятыхъ въ 1861 году, 203,513 дес. 484 саж. земли, причитается съемки на каждаго межеваго чина, считая 54 классныхъ чиновъ и 14 межевщиковъ, до 3,000 десятинъ.

Полевыя работы начались въ концѣ апрѣля.

Средняя величина съемки чрезполосности была въ уѣздахъ: Черниговскомъ $1^3/_4$ дес., Глуховскомъ $3^1/_8$ дес., Городницкомъ $1^4/_5$ дес., Борзенскомъ 1 дес., Нѣжинскомъ $1^1/_4$ дес.

Общая средняя величина съемки чрезполосности оказалась $1^7/_{12}$.

Въ 1860 году приходится съемки на каждаго межеваго чина изъ снятыхъ 102,929 дес. 1948 саж., считая классныхъ чиновъ 44 и межевщиковъ 9, нѣсколько менѣе 2,000 дес.

Полевыя работы начались съ первыхъ чиселъ мая.

Средняя величина съемки чрезполосности была въ уѣздахъ: Черниговскомъ 1 дес., Глуховскомъ $3^1/_8$ дес., Городницкомъ $4^1/_5$ дес., Борзенскомъ 1 дес., Нѣжинскомъ $^9/_{10}$ дес.

Общая средняя величина съемки чрезполосности $2^1/_{24}$.

Въ 1859 г., расчитывая 84,643 дес. 731 саж. на 32 классныхъ чина и 5 межевщиковъ, приходится на каждаго 2,300 дес., а на партію — 4,600 дес.

Полевыя работы начались съ первыхъ чиселъ мая.

Средняя величина съемки чрезполосности была въ уѣздахъ: Черниговскомъ $1^4/_5$ дес., Глуховскомъ $^5/_6$ дес., Городницкомъ $2^1/_2$ дес.

Общая средняя величина съемки чрезполосности $2^1/_9$.

Въ 1858 году, по количеству съемки 10,876 дес. 266 саж., и числу 12 чиновъ, приходится на каждаго менѣе 1,000 десятинъ. Въ этомъ году работы были начаты только съ 3 іюля.

Средняя величина чрезполосности была $3^2/_3$ дес.

Вообще работы 1861 года, перваго года полной дѣятельности палаты, были успѣшнѣе противъ 1860 г., почти вдвое, ибо на каждаго межеваго чина приходится съемки болѣе на 1,000 дес., и съемка была на $^3/_4$ дробнѣе противъ съемки 1860 г., и, сверхъ того,

въ 1861 году тѣми же чинами еще окончено межеваніемъ въ натурѣ 20,825 дес. 493 саж., съ нарѣзкою изъ чрезполосности 69 участковъ, что составитъ на каждаго изъ бывшихъ 68 чиновъ болѣе 300 дес., тогда какъ въ 1860 году, при окончаніи межеваніемъ только 7,243 дес. 49 саж. съ нарѣзкою изъ чрезполосности 60 участковъ, приходится оконченныхъ межеваніемъ въ натурѣ на каждаго чина изъ бывшихъ 53 нѣсколько болѣе 160 десятинъ.

Время, необходимое для обмежеванія всей губерніи.

Опредѣляя по работамъ 1861 года, въ какое время возможно окончить межеваніемъ Черниговскую губернію, должно имѣть въ виду: 1) что черниговской межевой палатѣ недостаетъ еще, назначенныхъ по штату, 12 классныхъ межевыхъ чиновъ; 2) что прибывшіе въ 1861 году межевые чины были только-что окончившіе курсъ ученія и потому еще мало опытные въ быстротѣ полевыхъ работъ; 3) что урочное положеніе для межевыхъ чиновъ въ 1861 году не было окончательно утверждено и межевые чины могли опасаться, что работы, сдѣланныя ими въ часы отдохновенія или въ праздничные дни, не зачтутся имъ въ исполненіе уроковъ на будущее время; 4) что съ принятымъ въ межевой палатѣ порядкомъ обученія межевыхъ учениковъ, привлеченіемъ лицъ изъ разныхъ званій къ поступленію въ межевые ученики и выходомъ изъ таксаторскихъ классовъ при гимназіи каждогодно новаго числа съемщиковъ, можно достигнуть того, чтобы имѣть для межеванія Черниговской губерніи 100 вполнѣ опытныхъ межевыхъ чиновъ, вмѣсто состоящихъ нынѣ 97 съ 30 не совершенно опытными, почему могло бы въ будущемъ составиться 50 инструментовъ, и засимъ можно сдѣлать вѣрное заключеніе, по опыту работъ прошедшаго года, что межеваніе Черниговской губерніи будетъ продолжаться отъ 10 до 12 лѣтъ, при неослабѣвающихъ дѣйствіяхъ палаты, надлежащей распорядительности, справедливомъ вниманіи къ тяжелымъ занятіямъ межевыхъ чиновъ и цѣлесообразномъ употребленіи средствъ, ввѣренныхъ для производства и направленія межевыхъ дѣйствій (*).

МѢРЫ, ПРИНЯТЫЯ КЪ УСПѢШНОМУ И ВЫГОДНОМУ ПРОИЗВОДСТВУ МЕЖЕВАНІЯ.

Общее направленіе принятыхъ мѣръ.

Въ 1861 году дѣятельность межевой палаты, независимо отъ занятій по направленію порядка дѣйствій всѣхъ мѣстъ и лицъ, уча-

ствовавшихъ въ межеваніи, сосредоточивалась преимущественно на тѣхъ мѣрахъ, которыя вели бы къ наискорѣйшему размежеванію губерніи съ наименьшими издержками и съ наибольшею возможностью помощи движенію дѣла по устройству поземельныхъ отношеній помѣщиковъ съ крестьянами, вышедшими въ этомъ году изъ крѣпостной зависимости.

Мѣры, принятыя по распорядительной части.

По распорядительной части предметами особенныхъ заботъ было:

А). Въ отношеніи къ успѣхамъ межеванія:

1.) Увеличить число дѣйствующихъ инструментовъ отдѣленіемъ помощниковъ въ партіяхъ къ самостоятельнымъ занятіямъ, подъ надзоромъ начальниковъ партій. Наблюденія за движеніемъ работъ открыли, что до 1861 г. при одной и той же средней величинѣ чрезполосности, партіи, состоявшія изъ двухъ опытныхъ межевыхъ чиновъ и двухъ межевыхъ учениковъ, снимали: то 30, то 40, то 25, то 19 десятинъ въ день; изъ трехъ, совершенно опытныхъ чиновъ,—то 14, то 13, то 19 десятинъ; а партіи, состоявшія изъ одного межеваго класснаго чина и одного межеваго ученика, снимали, напротивъ, той же средней величины чрезполосности — 23, 24, 28 и 33 десятины, состоящія же изъ двухъ опытныхъ чиновъ—25, 20, 28 и 14 десятинъ. Оказалось, чѣмъ больше была сила партіи, тѣмъ меньше она работала; чѣмъ меньше была сила партіи — и меньше еще и тѣмъ, что вторые чины были далеко слабѣе опытностью первыхъ чиновъ,—тѣмъ больше успѣвала партія и наибольшій успѣхъ былъ тамъ, гдѣ у исполнителя работъ были помощниками межевые ученики, т. е. гдѣ исполнитель долженъ былъ непремѣнно работать лично и имѣлъ въ помощникѣ только дѣйствительнаго помощника, а не такое лицо, которое могло бы вполнѣ работать за него. Большее количество работъ 1861 г. должно считать, между прочимъ, и результатомъ вышеписанной мѣры. Съ другой же стороны, работы прошлаго года подтвердили предположеніе о важномъ значеніи межевыхъ учениковъ при полевыхъ работахъ мензулою и со шведскимъ способомъ — разстановки колышковъ. Большинство опытовъ свидѣтельствовало, что тѣ только инструменты исполняли большіе уроки по съемкѣ, въ которыхъ было только по два чина, и вторымъ чиномъ или помощникомъ исполнителя работъ былъ межевой ученикъ. Удовлетворительными помощниками при инструментахъ оказались ученики, пробывшіе при палатѣ и полевыхъ работахъ отъ 1

до $1^1/_2$ года. Многіе ученики, пробывшіе въ этихъ занятіяхъ два года, выходили настолько опытными, что могли работать на отдѣльныхъ инструментахъ. 2) Увеличить число межевыхъ учениковъ корпуса межевщиковъ, прикомандированныхъ къ палатѣ, и устроить послѣдовательное обученіе практическимъ и теоретическимъ познаніямъ лицъ, поступающихъ въ это званіе. Въ концѣ года палата имѣла новыхъ учениковъ 15, сверхъ данныхъ ей 30 при открытіи ея. Означенные межевые ученики обучались при палатѣ и при тѣхъ коммиссіяхъ, въ которыхъ предсѣдатели изъявили готовность взять обученіе учениковъ на свою отвѣтственность. На этомъ основаніи, ученики, бывшіе въ Нѣжинскомъ уѣздѣ, остались на зиму при Нѣжинской межевой коммисіи, нѣсколько учениковъ осталось при Городницкой коммисіи, остальные ученики помѣщены на зиму въ домѣ, нанимаемомъ для межевой палаты. Въ облегченіе изученія уроковъ, имъ данъ особый репетиторъ. Для учебныхъ занятій съ межевыми учениками составлена программа, примѣненная къ программѣ обученія межевыхъ учениковъ по корпусу межевщиковъ, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на обученіе ихъ правиламъ геометріи, необходимымъ для уразумѣнія геодезическихъ дѣйствій, общимъ началамъ и правиламъ изъ низшей геодезіи, съ черченіемъ и рисованіемъ плановъ, вычисленію пространствъ, общимъ правиламъ изъ межевыхъ законовъ и каллиграфіи, чтобы образовать изъ нихъ хорошихъ съемщиковъ, способныхъ работать отдѣльнымъ планшетомъ. Для обученія учениковъ устроены въ палатѣ особые классы подъ наблюденіемъ директора чертежной, съ преподавателями изъ межевыхъ чиновъ, прикомандированныхъ на зиму къ чертежной палатѣ. Чтобы упрочить за межевою палатою состояніе межевыхъ учениковъ съ такими правами, которыя не стѣсняли бы свободнаго призванія и будущаго назначенія лицъ, желающихъ посвятить себя дѣлу межеванія, было сдѣлано въ 1861 году представленіе о разрѣшеніи имѣть собственно при межевой палатѣ учениковъ, на которыхъ не распространялись бы условія обязательной службы, и которые имѣли бы право, пріобрѣвъ познанія, держать экзамены въ межевой палатѣ на званія чертежниковъ и послѣдующія межевыя званія. 3) Увеличить число межевыхъ силъ палаты привлеченіемъ частныхъ землемѣровъ къ межевымъ работамъ въ партіяхъ межевыхъ чиновъ. Предсѣдатель Нѣжинской межевой коммисіи оказалъ особенное усердіе въ осуществленіи этого предпріятія. Въ Нѣжинскомъ уѣздѣ было три такихъ землемѣра; въ городницкомъ—одинъ. Изъ бывшихъ въ Нѣжинскомъ — одинъ

уже выдержалъ, на основаніи Св. Зак. Меж., экзаменъ на званіе землемѣрнаго помощника, а другой на званіе чертежника. Означенные вольные землемѣры получили образованіе: одинъ въ корпусѣ топографовъ и былъ на военной съемкѣ въ разныхъ губерніяхъ, другой— въ земледѣльческомъ училищѣ при Горыгорецкомъ институтѣ, а послѣдніе въ гимназіяхъ и при уѣздныхъ землемѣрахъ. Сверхъ того, нѣсколько молодыхъ людей, изъ окончившихъ курсъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ познаніями въ наукахъ математическихъ, поступили въ черниговскую межевую палату и готовятся держать экзамены на межевыя званія, чтобы поступить на лѣто въ партіи, для усовершенствованія въ практическихъ познаніяхъ. 4) Установить правила производства повѣрки снятыхъ дачъ немедленно по окончаніи съемки. Правила эти, по мнѣнію коммисій, должны были заставить каждаго производителя исполнять свои занятія аккуратнѣе, такъ какъ, въ случаѣ значительныхъ невѣрностей, ему самому пришлось бы исправлять ихъ тотчасъ, съ видимымъ ущербомъ для себя, какъ въ нравственномъ, такъ и матеріальномъ отношеніяхъ. 5) Ввести составленіе почвенныхъ картъ по каждой снятой дачѣ. Въ скоромъ времени всѣ дачи будутъ имѣть свои почвенныя карты. По этимъ картамъ будетъ составляться и почвенная карта всей губерніи. Карты эти, представляя графическое изображеніе снятыхъ дачъ, съ видоизмѣненіями почвъ въ пахатныхъ поляхъ, лугахъ, лѣсахъ и проч., дадутъ вѣрное понятіе о всей снятой мѣстности, и, независимо отъ цѣнности своей въ научномъ отношеніи, будутъ служить важнымъ пособіемъ, какъ къ направленію полюбовныхъ соглашеній, производству обязательныхъ разводовъ, такъ и для нагляднаго знакомства межевой палаты съ основательностью жалобъ по обязательнымъ разводамъ, при повѣркѣ оныхъ по таксаціи и прочимъ правиламъ, даннымъ въ руководство для производства межевыхъ разводовъ. 6) Составить правила таксаціи и регулированія земель при обязательномъ размежеваніи дачъ, съ указаніемъ употребленія тѣхъ правилъ для однообразнаго руководства въ межевыхъ коммисіяхъ и повѣрки въ палатѣ правильности разводовъ по жалобамъ землевладѣльцевъ. 7) Устроить болѣе тѣсную связь между межевыми учрежденіями и землевладѣльцами, которымъ полезно и даже необходимо знакомиться съ подробнымъ примѣненіемъ правилъ межеванія къ производству межевыхъ дѣйствій и дѣлъ, съ ними соединенныхъ, а также и съ состояніемъ межеванія въ губерніи.

Б.) Въ-отношеніи къ уменьшенію издержекъ по межеванію.

Въ 1861 году произведено гораздо болѣе межевыхъ работъ, нежели въ 1860 году, и этимъ уже сдѣлано уменьшеніе издержекъ на межеваніе, ибо на каждаго межеваго чина, не считая учениковъ, приходится въ 1861 г. почти вдвое болѣе работъ; но независимо отъ сего, было еще обращено вниманіе на уменьшеніе издержекъ по обмеблированію межевыхъ коммиссій, и полаты, по содержанію канцелярскихъ чиновниковъ палаты установленіемъ контроля въ занятіяхъ по перепискѣ бумагъ особымъ урочнымъ положеніемъ, и на уменьшеніе издержекъ по употребленію суммъ, назначенныхъ дворянствомъ на содержаніе лицъ, служащихъ по выборамъ дворянства при палатѣ; по послѣдней статьѣ, вмѣсто 11000 р. сер., предположенныхъ къ расходу въ теченіи года, расходовалось только 7000 руб.; каковые 7000 руб. составятъ налога только $^1/_3$ коп. на десятину дворянскихъ земель, облагаемыхъ въ послѣднее трехлѣтіе поземельными сборами; наконецъ на уменьшеніе расхода дворянъ по содержанію уѣздныхъ межевыхъ коммиссій учрежденіемъ межевыхъ коммиссій не для каждаго межуемаго уѣзда, но съ присоединеніемъ къ одной межевой коммиссіи части другаго уѣзда или цѣлаго уѣзда, въ зависимости отъ количества чрезполосныхъ земель, состоящихъ въ уѣздахъ, и по указаніямъ живыхъ границъ, опредѣляемыхъ большими рѣками.

Такимъ образомъ, одна часть остерскаго уѣзда присоединена къ черниговской межевой коммисіи, а другая—къ козелецкой; суражскій уѣздъ—къ стародубской межевой коммисіи и часть сосницкаго—къ борзенской межевой коммисіи. Этимъ способомъ сохранится дворянству ежегодно изъ расходовъ, предположенныхъ имъ для содержанія межевыхъ учрежденій по означеннымъ уѣздамъ, 5400 р. въ годъ. Съ экономіею же, сдѣланною по этому предмету въ палатѣ въ 4000 р. с., всего сбережено дворянству въ 1861 году изъ суммъ, ассигнованныхъ имъ на содержаніе лицъ, служащихъ по выборамъ дворянства,—9400 р. с.

В.) Въ-отношеніи содѣйствія губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію.

Межеваніе, котораго искали въ Малороссіи еще со времени учрежденія крѣпостнаго права, пришло въ Черниговскую губернію во время уничтоженія этого права, и въ 1861 г. высшее межевое начальство разрѣшило, чтобы межевыя учрежденія, установленныя для раз-

межеванія земель: помѣщичьихъ, козачьихъ, казенныхъ и другихъ вѣдомствъ, оказывали, съ своей стороны, такое содѣйствіе успѣшнѣйшему движенію дѣла объ устройствѣ крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, которое не прерывало бы и не задерживало занятій, указываемыхъ межевымъ учрежденіямъ по положенію о размежеваніи Малороссіи. На этомъ основаніи, въ томъ же году, предпринято въ межевой палатѣ распоряженіе объ отмѣткѣ по поземельнымъ вѣдомостямъ, при съемкѣ помѣщичьихъ земель,—земель, находящихся въ пользованіи крестьянъ, и предложено губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію содѣйствіе по производству разграниченія помѣщичьихъ и крестьянскихъ угодій одновременно съ производствомъ утвержденія межъ въ натурѣ по разграничительнымъ актамъ, утвержденнымъ мировыми посредниками, и, сверхъ того, сдѣлано распоряженіе о направленіи межевыхъ средствъ къ межеванію дачъ съ большинствомъ помѣщичьихъ владѣній. Мѣра эта, независимо отъ содѣйствія къ скорѣйшему устройству поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, обѣщаетъ полезныя послѣдствія и въ межевомъ отношеніи тѣмъ, что въ дачахъ съ помѣщичьими землями можно ожидать отъ значительныхъ землевладѣльцевъ большихъ уступокъ по всѣмъ тѣмъ предметамъ, которые затрудняютъ соглашенія въ дачахъ съ мелкими собственниками, наибольше теряющими по межеванію, и что мелкіе собственники, имѣя случай ознакомиться, въ слѣдствіе этого, съ выгодами землевладѣнія въ дачахъ нечерезполосныхъ и съ выгодами вымежеванія изъ черезполосности по полюбовнымъ соглашеніямъ, вѣрнѣе поймутъ пользу межеванія и съ большею готовностію будутъ стараться воспользоваться онымъ и для устройства собственнаго благосостоянія, не смотря на временныя потери, соединенныя съ потерею общаго толочнаго поля.

Мѣры, принятыя по коллегіальной части.

Производство межевыхъ работъ, межевыхъ разводовъ и межевыхъ дѣлъ, наблюденіе за межевыми занятіями, направленіе межевыхъ дѣйствій и заботы о скорѣйшемъ размежеваніи губерніи встрѣчались, при полномъ развитіи межеванія, со многими такими обстоятельствами, которыя требовали коллегіальнаго разсмотрѣнія оныхъ, на основаніи § 76 пункт. е Положенія о размежеваніи Малороссіи.

Такимъ образомъ, межевою палатою окончательно обсуждены въ 1861 году: 1) правила таксаціи земель и регулированія оныхъ для

производства обязательныхъ разводовъ, требуемыхъ положеніемъ о размежеваніи Малороссіи § 102, 2 примѣчаніемъ къ оному и § 137; 2) правила о составленіи дворянскими членами межевыхъ коммиссій хозяйственнаго обозрѣнія межуемыхъ дачъ для воспособленія производству таксаціи. Многократные опыты по производству межевыхъ дѣйствій и разсмотрѣніе жалобъ на обязательные разводы убѣдили палату, что безъ тѣхъ и другихъ правилъ не могли бы осуществиться правильныя и справедливыя дѣйствія по межевымъ разводамъ, и можно полагать, что съ привычкою къ строгому и отчетливому труду въ межевыхъ коммиссіяхъ, по правиламъ таксаціи, обязательные разводы будутъ обращаться въ полюбовныя соглашенія, или, по крайней мѣрѣ, не будутъ вызывать жалобъ землевладѣльцевъ, тогда какъ теперь всѣ обязательные разводы прошедшаго времени пришли на разсмотрѣніе въ палату; палата же, безъ этихъ правилъ, была бы, съ своей стороны, лишена всякой возможности опредѣлить правильность дѣйствій межевыхъ коммиссій по означенному предмету и справедливость или несправедливость притязаній землевладѣльцевъ; 3) установлены правила выдачи части задѣльной платы межевымъ чинамъ за работы сверхъ уроковъ, примѣняясь къ § 166 положенія о размежеваніи Малороссіи, чтобы улучшить матеріальныя средства межевыхъ чиновъ и побудить ихъ къ употребленію всего свободнаго времени на межевыя работы за немедленное вознагражденіе, тогда какъ съ отсутствіемъ этого распоряженія, межевые чины лишнія работы, произведенныя сверхъ уроковъ, сохраняли для пополненія недостатковъ по урокамъ въ другое время; притомъ же межевые чины, дѣйствуя въ 1861 году безъ утвержденнаго еще урочнаго положенія, могли думать, что излишняя съ ихъ стороны работа противъ проэкта урочнаго положенія вовсе не будетъ заплачена имъ. Съ этою же мѣрою межеваніе губерніи не только не сдѣлалось дороже, но, напротивъ, удешевилось и еще удешевится, ибо чѣмъ болѣе работъ межевые чины сдѣлаютъ сверхъ урока, тѣмъ скорѣе окончится межеваніе и тѣмъ меньшее число лѣтъ сословія будутъ содержать межевыя учрежденія и давать содержаніе межевымъ чинамъ: жалованьемъ, квартирными и т. п. выдачами, положенными по штатамъ, кромѣ задѣльной платы; 4) установленъ способъ примѣненія коштнаго межеванія въ Черниговской губерніи при производствѣ настоящаго генеральнаго и спеціальнаго межеванія, съ уменьшеніемъ издержекъ, вмѣсто 3 коп., по $1\frac{1}{2}$ коп. съ десятины, для чего землевладѣльцы должны уничтожить чрезполосность безъ участія

межевыхъ чиновъ палаты и затѣмъ передать нечрезполосныя уже земли къ государственному межеванію для утвержденія границъ межевыми признаками; 5) соглашены съ порядкомъ производства межеванія въ Черниговской губерніи постановленія свода межевыхъ законовъ о вчинаніи споровъ въ земляныхъ границахъ и о намежеваніи земель за владѣльцами по владѣнію изъ права собственности, но не по временному владѣнію, отдѣльному отъ права собственности. Спорныя дѣла этого рода представляли для межевой палаты, межевыхъ коммиссій и межевыхъ чиновъ такія затрудненія, безъ устраненія которыхъ нарушались бы права землевладѣльцевъ по собственности и межевая палата могла бы подвергнуться законной отвѣтственности; 6) разрѣшены случаи окончательнаго установленія полюбовныхъ или обязательныхъ разводовъ безъ снятія въ окружномъ порядкѣ нѣсколькихъ рядовъ дачъ, окружающихъ какую нибудь снятую дачу, слѣдующую къ поступленію на межевые разводы, но удерживаемую внѣ оныхъ нѣсколько лѣтъ, въ виду необходимости передвиженія земель изъ дачи въ дачу по тому случаю, что владѣльцы одной дачи имѣютъ свои земли и въ другихъ дачахъ. 7) соглашены мѣстныя обстоятельства состоянія выгонныхъ земель въ Черниговской губерніи съ тѣми статьями свода законовъ, которыя не отмѣнены положеніемъ о размежеваніи Малороссіи и не включены въ оное, а потому, на основаніи ст. 11 того положенія, должны быть дѣйствующими при размежеваніи Малороссіи. Выгонныя земли при межевыхъ разводахъ 1861 года представляли чрезвычайную запутанность, какъ по спорнымъ дѣламъ въ границахъ, такъ и по соглашеніямъ, ибо въ Черниговской губерніи выгонными землями по состоянію трехпольнаго хозяйства, при чрезполосности и разнохарактерности почвы въ губерніи, не рѣдко называли, при съемкахъ, нетолько тѣ земли, которыя состоятъ при селеніяхъ въ одномъ общемъ кускѣ, или принадлежатъ одному изъ владѣльцевъ для выпуска скота, но и такія земли, которыя были оставляемы почему либо безъ обработки и на которыя выгоняли для пастбища скотъ, также какъ и на третье толочное поле въ трехпольномъ хозяйствѣ.

ДВИЖЕНІЕ ТЕКУЩИХЪ ДѢЛЪ ВЪ МЕЖЕВОЙ ПАЛАТѢ И СОСТАВЛЕНІЕ ИНСТРУКЦІЙ ДЛЯ ДѢЙСТВІЙ МѢСТЪ И ЛИЦЪ, УЧАСТВУЮЩИХЪ ВЪ МЕЖЕВАНІИ.

Занятія по дѣламъ закрытыхъ межевыхъ судовъ.

Вопросъ о межевыхъ судахъ доходилъ до Правительствующаго Се-

ната. Средоточіемъ дѣлъ по спорамъ о поземельной собственности, до настоящаго времени, были межевые суды, которые, дѣйствуя еще на основаніи литовскаго статута, не имѣли ни сроковъ для рѣшенія дѣлъ, ни тѣхъ правилъ скоротечнаго суда въ рѣшеніяхъ, какія составляютъ основный характеръ дѣлопроизводства учрежденій по настоящему межеванію. При такомъ порядкѣ, дѣла по нѣкоторымъ спорамъ лежали въ судахъ десятки лѣтъ и много десятковъ лѣтъ безъ всякаго движенія, и, при столкновеніи съ дѣйствіями палаты, очень легко могли получать двоякія, несогласныя рѣшенія, и, сверхъ того, межевые суды, при дѣйствіяхъ въ губерніи межевой палаты, какъ центральнаго межеваго учрежденія, утрачивали въ занятіяхъ своихъ твердое юридическое основаніе. Правительствующій Сенатъ рѣшилъ закрыть межевые суды тамъ, гдѣ будетъ начато межеваніе, и закрывать по мѣрѣ учрежденія коммиссій, съ передачею дѣлъ, для дальнѣйшаго производства, въ межевыя учрежденія губерній малороссійскихъ или уѣздные суды, смотря по ихъ предметамъ. Причемъ предоставлено право межевой палатѣ по неисполненнымъ дѣламъ, при окончаніи ихъ, на основаніи полож. о размеж. Малороссіи, не стѣсняться рѣшеніями межевыхъ судовъ, невошедшими въ окончательную законную силу. Съ закрытіемъ межевыхъ судовъ: Черниговскаго, Городницкаго, Глуховскаго, Борзенскаго и Нѣжинскаго, поступило въ межевую палату по 1 января 1862 года изъ означенныхъ судовъ и черниговской гражданской палаты 32 дѣла, предварительное разсмотрѣніе которыхъ, до составленія по онымъ, въ судебномъ порядкѣ, докладовъ, возложено на старшаго, по числу избирательныхъ балловъ, дворянскаго члена.

Судебныя дѣла палаты.

Судебныя дѣла, возникшія въ 1861 году при производствѣ межевыхъ работъ, принадлежатъ къ спорамъ въ границахъ земель помѣщиковъ между собою и помѣщиковъ съ другими лицами,—къ спорамъ за земли, находящіяся въ пользованіи церковно-служителей,—къ спорамъ между собственниками и временно-владѣющими землями по залогу, обработкѣ изъ доли и т. п.,—къ спорамъ въ земляхъ, оставшихся безъ обработки и запущенныхъ подъ пастбища. Въ безусловно граничныхъ спорахъ есть споры о значительныхъ пространствахъ земли, и именно до 300 десятинъ въ одномъ кускѣ.

Дѣла по примѣненію правилъ межеванія къ частнымъ случаямъ.

По вопросамъ подробнаго примѣненія къ мѣстнымъ случаямъ правилъ по межеванію, независимо отъ вопросовъ, рѣшеніемъ которыхъ установлены общія мѣры въ межевыхъ дѣйствіяхъ, занимаютъ важное мѣсто слѣдующія обстоятельства: исполненіе землевладѣльцами натуральныхъ повинностей по межеванію, нарѣзки церковныхъ земель отъ незаселенныхъ земель, случаи, когда владѣльцы могутъ быть оставляемы въ чрезполосномъ владѣніи, опекунское участіе старшаго члена отъ дворянъ по числу избирательныхъ балловъ въ разводахъ по имѣніямъ малолѣтнихъ, умалишенныхъ и пр., при одновременномъ межеваніи въ нѣсколькихъ уѣздахъ дачъ съ тѣми имѣніями и участія вольнонаемныхъ землемѣровъ въ работахъ партій.

Дѣла по составленію инструкцій и положеній.

Съ приведеніемъ къ полному развитію порядка межеванія Малороссіи, основаннаго на мѣстныхъ особенностяхъ и потребностяхъ края, выдвигалась, между прочимъ, на первое мѣсто необходимость составленія инструкціи для руководства уполномоченнымъ отъ палаты государственныхъ имуществъ по размежеванію Черниговской и Полтавской губерній, въ согласіи съ условіями, принятыми въ положеніи о размежеваніи Малороссіи. Инструкція уполномоченнымъ, составленная въ черниговской межевой палатѣ, путемъ разработки мнѣній самихъ уполномоченныхъ, мнѣній уѣздныхъ межевыхъ коммиссій, соображеній съ инструкціею, дѣйствующею въ губерніяхъ великороссійскихъ, и наблюденій при направленіи дѣйствій межевыхъ коммиссій, утверждена въ видѣ опыта, на одинъ годъ, съ предоставленіемъ мѣстнымъ межевымъ палатамъ, по прошествіи года, войти съ представленіемъ о томъ—признаютъ ли они ту инструкцію вполнѣ удовлетворительною и какія, по ихъ мнѣнію, необходимо сдѣлать въ ней измѣненія и дополненія, вслѣдствіе могущихъ встрѣтиться, при дальнѣйшемъ ходѣ межеванія, новыхъ, непредвидѣнныхъ въ ней условій.

Обстоятельства состоянія поземельной собственности въ Малороссіи и распредѣленія оной между землевладѣльцами въ тѣ времена, когда юридическія начала не были развиты и усвоены краемъ,—большой кругъ обязанностей уѣздныхъ межевыхъ коммиссій, въ которыхъ уполномоченные сдѣлались постоянными членами, и направленіе дѣя-

тельности межевыхъ коммиссій, преподанное положеніемъ о размежеваніи Малороссіи, по которому учрежденія эти должны постоянно стремиться къ осуществленію той мысли, чтобы быть для землевладѣльцевъ какъ-бы безсмѣннымъ третейскимъ судомъ изъ лицъ, избранныхъ тѣми, которыя ему подвергаются,—требовали: съ одной стороны расширенія предѣловъ занятій и обязанностей уполномоченныхъ, гдѣ занятія ихъ могли бы быть залогомъ успѣховъ межеванія и охраненія казенныхъ интересовъ, и указывали, съ другой стороны, на необходимость ограниченія власти уполномоченныхъ въ самостоятельномъ опредѣленіи выгодъ казенныхъ крестьянъ въ обмѣнахъ и разводахъ земель, подлежащихъ постоянному ихъ пользованію, ибо безусловныя, въ этомъ отношеніи, права уполномоченныхъ могли бы повредить пользамъ крестьянъ, ослабляя для нихъ справедливость того правила, которое легло въ основу положенія о размежеваніи Малороссіи, — что частный землевладѣлецъ, а слѣдовательно и пользующійся вѣчно землею, можетъ, съ большею основательностью, отстаивать свои права, нежели чиновникъ отъ вѣдомства.

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, въ означенной инструкціи вмѣнено въ обязанность уполномоченному исполнять всѣ общія обязанности, которыя возложены на членовъ межевыхъ коммиссій при дѣйствіяхъ въ засѣданіяхъ и въ полѣ, и которыя лежатъ на немъ, какъ охранителѣ интересовъ казенной поземельной собственности, способствовать всѣми мѣрами успѣху размежеванія, отклоняя совѣтами и яснымъ представленіемъ дѣла всякія неосновательныя и несправедливыя требованія какъ государственныхъ крестьянъ, надѣленныхъ казенною землею, такъ и козаковъ, но не стѣснять ихъ воли при соглашеніяхъ и не препятствовать имъ производить полюбовные разводы по собственному ихъ усмотрѣнію. По обязательному же межеванію, предоставляя означеннымъ крестьянамъ ту же свободу, присоединять къ ихъ согласію или несогласію свои мнѣнія.

Инструкція межевымъ чинамъ, предназначаемая для установленія правильнаго и согласнаго съ мѣстными обстоятельствами и новыми началами малороссійскаго межеванія порядка занятій межевыхъ чиновъ, откомандированныхъ въ полевыя работы, сложилась изъ наблюденій за ходомъ работъ, разсмотрѣнныхъ совмѣстно съ опытнѣйшими техниками и предсѣдателями межевыхъ коммиссій. Инструкція межевымъ чинамъ, съ дополненіями и измѣненіями, представлена на утвержденіе управляющаго межевымъ корпусомъ въ 1861 году.

Урочное положеніе, тѣсно связывая интересы землевладѣльцевъ и межевыхъ чиновъ, требовало такихъ изысканій, для опредѣленія нормы той или другой работы, которыя давали бы возможность землевладѣльцамъ обмежевываться съ наименьшими издержками, а межевымъ чинамъ—такое вознагражденіе, которое привлекало бы ихъ къ работамъ въ Черниговской губерніи. Совокупность значительнаго числа мнѣній по этому предмету, а именно: уѣздныхъ межевыхъ коммиссій, членовъ палаты, выводовъ изъ работъ межевыхъ чиновъ за прошедшее время, наблюденій при посѣщеніяхъ межевыхъ коммиссій и при обозрѣніяхъ полевыхъ работъ, замѣчаній начальниковъ партій и директора чертежной—замыкалась, во-первыхъ, распоряженіемъ о производствѣ опытныхъ работъ въ каждой уѣздной межевой коммиссіи, по журналамъ въ присутствіи предсѣдателей или членовъ межевыхъ коммиссій, а частію и въ присутствіи членовъ межевой палаты для дознанія на опытѣ, какой урокъ можетъ исполнить въ день какъ одинъ начальникъ партіи, такъ и совмѣстно съ помощникомъ, и, во-вторыхъ, соглашеніемъ всѣхъ выводовъ изъ мнѣній по назначенію размѣра уроковъ съ данными изъ опытныхъ и постоянныхъ работъ межевыхъ чиновъ.

Въ составѣ присутствія проэктъ урочнаго положенія снова былъ повѣренъ — сводомъ наблюденій межевой палаты по работамъ 1861 года, протоколомъ испытанія въ чертежной палаты въ присутствіи младшаго, по числу избирательныхъ балловъ, изъ дворянскихъ членовъ палаты, чертежныхъ работъ, работъ по вычисленіямъ и составленію экспликацій, новыми наблюденіями старшаго межеваго члена палаты по обозрѣнію полевыхъ работъ и опытными работами межевыхъ коммиссій, и, по всестороннемъ обсужденіи, утвержденъ единогласнымъ заключеніемъ всѣхъ присутствовавшихъ, съ увеличеніемъ уроковъ для однѣхъ работъ и уменьшеніемъ уроковъ для другихъ занятій. Проэктъ представленъ въ концѣ 1861 г. на утвержденіе управляющаго межевымъ корпусомъ.

Денежные расходы.

На расходы по производству межеванія назначено, по Высочайше утвержденнымъ штатамъ, при дѣйствіяхъ одной палаты и пяти коммиссій, 54,850 руб. въ годъ, независимо отъ расходовъ на задѣльную плату, прогоны, суточныя, квартирныя, омеблированіе, заготовленіе инструментовъ и т. под.

Изъ этой суммы израсходовано на предметы, назначенные по штату, 45,747 р. 32¼ к., остальные 9102 р. 67¾ к. составляютъ экономію штатныхъ расходовъ палаты и 5 межевыхъ коммиссій.

На расходы же по выдачѣ задѣльной платы, пріобрѣтеніе инструментовъ, квартирныя и прочіе вышеписанные предметы, издержано въ 1861 году 46,406 р. 60 к.

Въ этомъ числѣ на омеблированіе коммиссій отпущено въ 1861 году 1057 р. 29 к. и на омеблированіе палаты израсходовано 3456 р. 13 к.; инструментовъ выслано, въ 1861 году, изъ С.-Петербурга на 5981 р. 36½ к.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ УѢЗДНЫХЪ МЕЖЕВЫХЪ КОММИССІЙ, СЪ ОТЧЕТНЫМИ КАРТАМИ СОСТОЯНІЯ МЕЖЕВАНІЯ ВЪ КАЖДОМЪ УѢЗДѢ И ПОЧВЕННЫМИ КАРТАМИ ДАЧЪ.

Препятствія, встрѣчаемыя коммиссіями при исполненіи своихъ занятій.

Полная, самостоятельная дѣятельность уѣздныхъ межевыхъ коммиссій, съ очевидными результатами по уничтоженію чрезполосности, имѣетъ возможность обнаружиться вполнѣ только тогда, когда чинами, прикомандированными къ коммиссіямъ, приготовлено достаточно полевыхъ работъ, необходимыхъ къ открытію производства соглашеній и обязательныхъ разводовъ, и когда работы эти, во всѣхъ отношеніяхъ, совершенно правильны. Быстрота полевыхъ межевыхъ работъ, производимыхъ въ Черниговской губерніи, состоя въ зависимости, какъ отъ громадной чрезполосности, доходящей нерѣдко въ средней величинѣ полосъ до ¼ десятины и менѣе, такъ и отъ чрезвычайно огромнаго числа мелкихъ собственниковъ въ Черниговской губерніи — козаковъ, государственныхъ крестьянъ съ собственными и казенными землями, мелкопомѣстныхъ дворянъ и другихъ владѣльцевъ, а также и отъ разбросанности земель однихъ и тѣхъ же владѣльцевъ въ нѣсколькихъ селахъ, чѣмъ именно и отличаются владѣнія малороссійскія отъ дачъ великорусскихъ губерній, въ которыхъ по писцовымъ книгамъ надавалась земля къ селеніямъ и въ которыхъ чрезполосность, главнымъ образомъ, могла образоваться только внутри каждой отдѣльной дачи,— значительно замедлялась и можетъ замедляться, съ одной стороны, несвоевременною явкою землевладѣльцевъ къ указанію своихъ участ-

ковъ, особенно, если въ дачѣ работаютъ два инструмента и одновременно межуются двѣ сосѣднія дачи или нѣсколько сосѣднихъ, что, по характеру малороссійской поземельной собственности, бываетъ часто неизбѣжно, и замедляется, съ другой стороны, небрежнымъ отправленіемъ землевладѣльцами натуральныхъ межевыхъ повинностей, какъ-то: высылки рабочихъ и подводъ при производствѣ полевыхъ работъ, что происходитъ частью отъ безпечности мѣстныхъ землевладѣльцевъ и предубѣжденія мелкихъ собственниковъ ко всякому новому дѣлу, и въ особенности къ такому, которымъ нарушаются ихъ вѣковыя привычки.

Правильность же вышеозначенныхъ приготовительныхъ работъ условливается вѣрностью съемки, безошибочною записки принадлежности полосъ, вѣрностью означенія качества земли въ полосахъ, точнымъ знаніемъ распредѣленія угодій въ дачѣ по достоинству почвъ, вѣрнымъ изученіемъ мѣстныхъ особенностей, возвышающихъ и понижающихъ цѣнность почвъ, своевременнымъ составленіемъ таксаціи, съ соблюденіемъ всѣхъ относящихся къ ней правилъ, знаніемъ мѣстныхъ условій, обычаевъ, нравовъ и даже характера лицъ, владѣющихъ землями въ дачѣ, достаточнымъ знакомствомъ межевыхъ чиновъ со всѣми условіями малороссійскаго межеванія, убѣжденіемъ сословныхъ членовъ межевыхъ коммиссій, прикомандированныхъ къ партіямъ, и уполномоченныхъ—въ непремѣнной важности совокупнаго значенія означенныхъ условій съ сознаніемъ, что тяжесть многосложныхъ и обширныхъ обязанностей коммиссіи можетъ облегчиться только постоянно-предупредительною и неусыпною дѣятельностью членовъ коммиссіи съ первыхъ же дней полевыхъ работъ.

Сила этихъ обстоятельствъ, препятствующихъ удовлетворить въ первыхъ же годахъ открытія межеванія ожиданіямъ землевладѣльцевъ, заинтересованныхъ немедленнымъ размежеваніемъ земель ихъ, могла и можетъ ослабиться только постепенно съ принятіемъ мѣръ, способныхъ парализировать такое множество препятствій и затрудненій, мѣръ, соотвѣтствующихъ и мѣстнымъ и частнымъ обстоятельствамъ каждаго межуемаго уѣзда и условіямъ малороссійскаго межеванія, мѣръ, внушающихъ землевладѣльцамъ, что всякая со стороны ихъ безпечность, всякое равнодушіе и всякая неисправность въ отправленіи межевыхъ натуральныхъ повинностей и своевременной явкѣ къ показанію своихъ земель при съемкѣ, заставитъ ихъ же нести большія издержки на межеваніе, такъ-какъ оно производится на ихъ счетъ и отъ ихъ неисправностей будетъ продолжаться долѣе того времени, въ которое оно

было бы окончено, при своевременномъ исполненіи ими законныхъ отъ нихъ требованій.

Вліяніе мѣстныхъ особенностей.

Ни одинъ уѣздъ не представляетъ такихъ затрудненій для производства соглашеній и обязательныхъ разводовъ, какъ Глуховскій, по особенной природѣ своей мѣстности, усиливающей въ этомъ уѣздѣ высказанныя выше общія затрудненія и препятствія.

Разнообразіе почвъ вообще ведетъ владѣльцевъ къ чрезвычайной неуступчивости на соглашеніяхъ, ибо, пользуясь размежеваніемъ, устроеннымъ для уничтоженія чрезполосности, владѣльцы желаютъ имѣть всѣ свои земли въ одномъ мѣстѣ и каждый желаетъ какъ можно меньше потерять изъ прежняго количества земли, не говоря уже о мелкихъ собственникахъ, настаивающихъ упорно на оставленіе ихъ земель непремѣнно въ прежнихъ трехъ смѣнахъ, хотя и сведенными къ однимъ мѣстамъ. Обязательное же размежеваніе въ дачахъ съ разнообразными почвами ставитъ коммисіи въ такое затрудненіе, которое вынуждаетъ ихъ просить о большей свободѣ въ размѣщеніи сводимыхъ къ однимъ мѣстамъ земель, нежели сколько оной представляется тѣснымъ пониманіемъ правилъ о размежеваніи земель въ Малороссіи при обязательныхъ разводахъ.

Въ Глуховскомъ уѣздѣ мало того, что на поляхъ онаго сошлись всѣ почвы, существующія въ губерніи, начиная отъ черноземной до каменистой, отъ сыпучаго песка до вязкой глины,—но еще почвы эти разбросаны съ чрезвычайною разнокачественностью достоинствъ по причинамъ геологическимъ, и именно по случаю сліянія въ этомъ уѣздѣ двухъ и даже трехъ пластовъ земной коры, вліяніе которыхъ отразилось не на всѣхъ, но на нѣкоторыхъ полосахъ различныхъ почвъ уѣзда. Мѣловая формація означенныхъ пластовъ, богатая гипсомъ, мергелемъ и кремнеземною кислотою, весьма улучшающими качество почвъ въ земледѣліи, граничитъ въ этомъ уѣздѣ съ формаціею третичныхъ пластовъ земной коры, содержащею различныя цѣнныя въ промышленности глины и полезные въ земледѣліи известняки, если известняки тѣ бываютъ въ соединеніи съ пахатнымъ слоемъ черноземныхъ осадковъ и другихъ наносовъ новѣйшихъ пластовъ, которые и идутъ въ Глуховскомъ уѣздѣ съ южной его части, въ смѣси съ розсыпями песковъ и осадками глинъ, безпрестанно перепутываясь съ разрушившимися вышепоименованными породами, залегающими въ сѣверной и

восточной частяхъ уѣзда. Обстоятельство такой смѣси почвъ увеличиваетъ затрудненія соглашеній при обязательномъ межеваніи, независимо отъ образующейся поэтому плавающей разнокачественности полосъ, и потому, что черноземъ, песчаная и глинистая земля, не измѣняясь въ наружномъ видѣ, обилуетъ въ нѣкоторыхъ полосахъ одной и той же почвы болѣе противъ другихъ разрушенными минералами означенныхъ формацій, богатыхъ фосфорнокислыми солями, извести и гипсомъ или сѣрнокислою известью, отъ чего черноземъ, песокъ и глина становятся несравненно плодороднѣе.

СТАТИСТИЧЕСКІЕ ТРУДЫ МЕЖЕВОЙ ПАЛАТЫ.

Цѣль статистическихъ занятій и способы исполненія оныхъ.

Межевыя учрежденія Черниговской губерніи, независимо отъ обязанностей по межеванію, призваны ст. 41 и 42 Высочайше утвержденнаго Положенія о размежеваніи Малор., къ разработкѣ матеріаловъ, собираемыхъ, на основаніи Св. Меж. Зак., лицами, служащими по межеванію. При исполненіи этого труда, межевая палата приняла въ основаніе то правило, что хозяйственно-статистическое описаніе земель должно изображать настоящее состояніе хозяйственной народной жизни во всѣхъ ея условіяхъ въ связи съ законами, управляющими развитіемъ явленій этой жизни, причинами этихъ явленій и значеніемъ взаимнаго ихъ вліянія. Выходя изъ этого основнаго взгляда на направленіе статистическихъ занятій и имѣя въ виду, что никогда не можетъ предстоять лучшаго и болѣе удобнаго случая къ землевѣдѣнію края, какъ при производствѣ межевыхъ работъ, гдѣ каждая ступень земли осматривается въ связи съ ея производительною силою, состояніемъ народнаго хозяйства и моральными силами населенія, палата, при составленіи программъ для мѣстъ и лицъ, обязанныхъ статистическими занятіями, старалась, съ одной стороны, обнять всѣ обстоятельства нравственной и экономической дѣятельности народа, подлежащія изслѣдованію, а съ другой стороны—распредѣлить статистическіе труды въ прямомъ отношеніи съ извѣстнаго рода спеціальностью дѣятелей, не отнимая у нихъ, притомъ, времени для исполненія прямыхъ служебныхъ обязанностей. Такимъ образомъ, составлены слѣдующія программы: для занятій межевыхъ чиновъ по предметамъ, требуемымъ отъ нихъ правилами Св. Меж. Зак., и соединеннымъ съ ихъ спеціальностью; для членовъ межевыхъ коммисій, гдѣ имѣлось въ виду, чтобы труды этихъ лицъ, знакомыхъ съ условіями мѣстности и сельско-хозяйственнаго ея

быта, восполняли бы наглядные и графическіе труды межевыхъ чиновъ; для межевыхъ коммисій — съ цѣлью приведенія собранныхъ данныхъ въ правильно-организованный видъ, и для межевой палаты, съ тѣмъ направленіемъ, чтобы, при составленіи описаніи уѣздовъ, выразить всѣ обстоятельства сельско-хозяйственнаго быта какъ въ текстѣ описанія, такъ и въ графическихъ изображеніяхъ. Кромѣ этихъ программъ, составлены наставленія для чиновниковъ межевой палаты, коимъ будутъ поручаемы статистическія занятія.

Содержаніе всѣхъ этихъ программъ и особыя по предмету статистическихъ изслѣдованій предписанія межевой палаты направляютъ труды дѣятелей, собирающихъ свѣдѣнія, такъ, чтобы ни одинъ вопросъ, ни одно указаніе программы не были оставляемы безъ отвѣтовъ и простановки самыхъ вѣрныхъ свѣдѣній, взятыхъ изъ дѣйствительности, указывая, что неполнота и неточность свѣдѣній по одному какому-либо вопросу, хотя бы, повидимому, второстепенной важности, ослабитъ значеніе другихъ свѣдѣній, какъ бы полны они ни были, и поведетъ къ неправильнымъ заключеніямъ о силахъ населенія; въ отношеніи обработки собранныхъ свѣдѣній указано, чтобы, при составленіи описаній, постоянно было обращаемо вниманіе на взаимную связь обстоятельствъ и на соотношенія, обнаруживаемыя статистическими данными, имѣя въ виду, чтобы сельско-хозяйственная жизнь населенія рисовалась изъ природы, мѣстныхъ условій и свойствъ народнаго труда, и чтобы описаніе мѣстности, застигнутой межеваніемъ, было не простымъ свидѣтельствомъ о хозяйственномъ бытѣ того времени, но и указаніемъ на мѣропріятія къ тѣмъ раціональнымъ улучшеніямъ въ земледѣліи и сельской промышленности, существованіе которыхъ дѣлается возможнымъ съ размежеваніемъ разрозненныхъ кусковъ земли въ самостоятельныя владѣнія.

Статистическія свѣдѣнія собираются по каждой обмежеванной дачѣ отдѣльно и послужатъ матеріалами для составленія сначала описанія каждаго уѣзда, а затѣмъ и всей губерніи. Видимые результаты статистическихъ трудовъ ожидаются въ 1862 г. Впрочемъ и въ настоящее время палата уже имѣетъ нѣсколько статистическихъ описаній обмежеванныхъ дачъ, составленныхъ какъ въ уѣздныхъ коммиссіяхъ, такъ и секретаремъ административнаго отдѣленія межевой палаты, которому поручены были особыя занятія по этому предмету, для восполненія пропусковъ, допущенныхъ по обмежеваннымъ уже дачамъ въ прежніе годы, до составленія подробныхъ статистическихъ программъ,

и для повѣрки свѣдѣній, собираемыхъ въ прежнее время по дачамъ Черниговскаго уѣзда.

Успѣхъ статистическихъ занятій много зависитъ отъ послѣдовательной и самостоятельной дѣятельности межевыхъ коммиссій, къ которой, въ настоящее время, въ Нѣжинской межевой коммиссіи положено уже твердое основаніе.

О ПОЛЕВОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ ВЪ БЕССАРАБІИ.

(Г. Бендеры, 4 іюня 1862).

Въ 1860 году, въ Бессарабіи былъ урожай не совсѣмъ обильный, но мыши довершили убытки сельскихъ хозяевъ, оставивъ ихъ безъ зерноваго хлѣба. Въ 1861 г. былъ неурожай. Всѣ хозяева жаловались. Въ настоящемъ не предвидится урожая, особенно сѣна, по крайней-мѣрѣ на югѣ Бессарабіи. Подумаешь: да развѣ первый годъ неурожаи въ Бессарабіи! Неужели хозяева не обратятъ вниманія на это явленіе? Пора бы давно! Но вотъ бѣда: каждый хозяинъ нашъ держится себя. Не удалось въ этомъ году, надѣется на будущій; поэтому ведетъ и расходы насчетъ будущаго благополучія. Не удалось въ этомъ году, нашъ хозяинъ не оставляетъ надежды и впредь, и такъ далѣе. Почему бы не составить помѣщикамъ общій съѣздъ, въ которомъ каждый раскрылъ бы причины своихъ неудачъ? Одна голова хороша, а двѣ лучше, говоритъ пословица. Почему бы не посовѣтоваться всѣмъ вмѣстѣ, хотя бы по уѣздамъ? тогда вышло бы, что десять, двадцать или тридцать головъ еще лучше. Бѣда, видите, въ томъ, что бессарабскіе помѣщики раздѣлены на партіи. Это ясно мы видимъ при дворянскихъ выборахъ. Но пора и одуматься.

По наблюденіямъ, прошло уже, и, по естественному порядку, невозвратно, время, когда тучная земля Бессарабіи давала обильные урожаи. Урожаи съ годами то возвышались, то понижались, а въ послѣднее время стали уже въ убытокъ. Давно эти убытки растутъ, а хозяйство идетъ тѣмъ же порядкомъ, какъ было за 30 или 40 лѣтъ; надежда вся на Бога, и причина всякому неурожаю Богъ. Но гг. хо-

и для повѣрки свѣдѣній, собираемыхъ въ прежнее время по дачамъ Черниговскаго уѣзда.

Успѣхъ статистическихъ занятій много зависитъ отъ послѣдовательной и самостоятельной дѣятельности межевыхъ коммиссій, къ которой, въ настоящее время, въ Нѣжинской межевой коммиссіи положено уже твердое основаніе.

О ПОЛЕВОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ ВЪ БЕССАРАБІИ.

(Г. Бендеры, 4 іюня 1862).

Въ 1860 году, въ Бессарабіи былъ урожай не совсѣмъ обильный, но мыши довершили убытки сельскихъ хозяевъ, оставивъ ихъ безъ зерноваго хлѣба. Въ 1861 г. былъ неурожай. Всѣ хозяева жаловались. Въ настоящемъ не предвидится урожая, особенно сѣна, по крайней-мѣрѣ на югѣ Бессарабіи. Подумаешь: да развѣ первый годъ неурожаи въ Бессарабіи! Неужели хозяева не обратятъ вниманія на это явленіе? Пора бы давно! Но вотъ бѣда: каждый хозяинъ нашъ держится себя. Не удалось въ этомъ году, надѣется на будущій; поэтому ведетъ и расходы насчетъ будущаго благополучія. Не удалось въ этомъ году, нашъ хозяинъ не оставляетъ надежды и впредь, и такъ далѣе. Почему бы не составить помѣщикамъ общій съѣздъ, въ которомъ каждый раскрылъ бы причины своихъ неудачъ? Одна голова хороша, а двѣ лучше, говоритъ пословица. Почему бы не посовѣтоваться всѣмъ вмѣстѣ, хотя бы по уѣздамъ? тогда вышло бы, что десять, двадцать или тридцать головъ еще лучше. Бѣда, видите, въ томъ, что бессарабскіе помѣщики раздѣлены на партіи. Это ясно мы видимъ при дворянскихъ выборахъ. Но пора и одуматься.

По наблюденіямъ, прошло уже, и, по естественному порядку, невозвратно, время, когда тучная земля Бессарабіи давала обильные урожаи. Урожаи съ годами то возвышались, то понижались, а въ послѣднее время стали уже въ убытокъ. Давно эти убытки растутъ, а хозяйство идетъ тѣмъ же порядкомъ, какъ было за 30 или 40 лѣтъ; надежда вся на Бога, и причина всякому неурожаю Богъ. Но гг. хо-

зяева забыли истину, что «береженаго и Богъ бережетъ». Бессарабскіе урожаи видимо падаютъ, потому что, натурально, и земля, когда-то плодоносная, истощилась и стала гораздо менѣе производительна. Кажется, довольно уже бывшихъ случаевъ, чтобы доказать гг. хозяевамъ, что обыкновенная кое-какая обработка земли недостаточна, а необходимо изслѣдовать почву, изучить ея свойства и теперешнее состояніе, и сообразно тому, что окажется, поступать съ работами на ней и двинуть начавшійся уже застой въ хозяйствѣ. Невелика штука выслать поселянъ съ плугами, да настаивать только, чтобъ они орали, стараться, чтобы было побольше выорано, и хлопотать о томъ, чтобы побольше засѣять земли. Не въ этомъ дѣло. Бываетъ великъ колосъ, да пустъ. Лучше меньше засѣять, побольше употребить на это средствъ, и тогда не будете жаловаться на неурожай. Самый климатъ Бессарабіи, который прежде былъ такимъ благотворнымъ, теперь уже не тотъ. Нѣсколько лѣтъ сряду засухи, отсутствіе зимы съ снѣгомъ, внезапные переходы отъ тепла къ холоду, чему много способствуетъ степное мѣстоположеніе края, отсутствіе лѣсовъ, безпощадная вырубка ихъ безъ вниманія къ будущему, отсутствіе поэтому влаги, а чрезъ это быстрыя перемѣны погоды, и лѣтомъ и зимою неблагопріятные вѣтры, обиліе сорныхъ травъ. Скажите же, неужели всего этого гг. хозяева не замѣчаютъ?

Почва въ Бессарабіи черноземная по-преимуществу, глубиною до 4-хъ вершковъ и болѣе. Подпочва же глубокая, глинистая. Нѣтъ сомнѣнія, что, при изложенныхъ выше причинахъ, почва эта истощилась, потому что требуетъ обработки болѣе тщательной, очистки отъ множества сорныхъ травъ, своевременнаго вспахиванія, самаго тщательнаго разрыхленія и, наконецъ, удобренія. И удобреніе нужно такое, которое бы поддерживало влагу,—иначе земля засохнетъ, какъ и теперь бываетъ, и произведетъ слабый ростъ, покрываясь притомъ сорными травами. Должно сказать еще и то, что въ Бессарабіи ведется система полеваго хозяйства вовсе неправильная; постоянный посѣвъ однихъ колосовыхъ растеній истощаетъ почву, а особенно это нужно сказать о кукурузѣ; оттого годъ отъ году природное удобреніе становится для нея недостаточнымъ; оттого уже теперь необходима исключительная, тщательная обработка, а не такая, какая велась до сихъ поръ и теперь ведется, и пора отбросить мысль, что черноземъ не требуетъ обработки. Опытные хозяева утверждаютъ совершенно противное.

Бессарабія не можетъ нуждаться въ удобреніи, потому что страна

эта изобилуетъ скотоводствомъ. Помѣщики могли бы дать хорошій примѣръ крестьянамъ, которые терпятъ частые неурожаи и все-таки продолжаютъ вести свое хозяйство по примѣру предковъ своихъ, вспоминая о золотомъ старомъ времени и постоянно надѣясь на него. Отъ недостатка корма терпитъ скотъ бессарабскій. Недостатокъ этотъ частію происходитъ отъ малаго количества соломы по случаю неурожаевъ, частію отъ неурожаевъ сѣна вслѣдствіе засухъ. Недалеко взять зиму 1859 года на 1860, когда гг. владѣльцы платили за сѣно отъ 130 до 215 р. за стогъ, а продавали скотъ за безцѣнокъ, или отдавали скотъ свой за половину за зимовлю его. Поэтому въ Бесарабіи настоитъ крайняя нужда въ травосѣяніи. Прошло уже время степнаго содержанія скота по примѣру прежняго времени. Слѣдуетъ также завести правильный порядокъ содержанія скота въ холѣ. Здѣсь скотъ и лошади (табунами) содержатся и зимою на воздухѣ. Однѣ овцы имѣютъ коекакіе сараи. А вѣдь Бессарабія не можетъ жаловаться на отсутствіе мѣстъ къ сбыту скота, особенно крупнаго рогатаго.

Для травосѣянія въ Бессарабіи особенно способны бы были: *овсянница* (festuca ovina) для овецъ,—*эспарцетъ* (hedisarm onovrichis) преимущественно въ Оргѣевскомъ уѣздѣ,—*клеверъ*, который хорошо приготавливаетъ землю своими глубоко развѣтвленными корнями,—*люцерна* и прочія. И сѣна было бы довольно, потому что травы эти не боятся засухъ и земля удобрялась бы, особенно отъ клевера и люцерны. Примѣру хозяевъ-землевладѣльцевъ послѣдовали бы и другія землевладѣльческія сословія, которыя перестали бы полагаться только на Божію волю. Достать же сѣмена травъ сихъ очень легко. Стоитъ только обратиться въ инспекцію сельскаго хозяйства южной Руси, въ Одессѣ, или въ депо сѣмянъ, тамъ же. Сѣменами стоитъ только завестись только сначала,—потомъ уже можно имѣть ихъ отъ своихъ засѣвовъ.

Впрочемъ, какъ всякое нововведеніе не скоро принимается, то и необходимо практическое въ томъ убѣжденіе, а для этого весьма полезно было бы учредить *практическую сельскохозяйственную ферму*, изъ которой исходили бы примѣры веденія правильнаго хозяйства, сообразно бессарабскому климату, свойствамъ и требованію почвы, и которая вообще служила бы образцомъ для устраненія чувствуемыхъ и съ годами увеличивающихся убытковъ отъ хозяйства; но чтобы образцовое хозяйство это велось именно на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ должны вести его помѣщики, съ соблюденіемъ возможно меньшихъ издержекъ, для этого полезно было бы купить какое либо имѣніе по-

среди Бессарабской области, населенное непремѣнно, и на немъ уже вести и учредить правильное сельское хозяйство чрезъ опытныхъ и извѣстныхъ правительству лицъ, съ точною, подробною ежегодною отчетностію предъ всѣмъ обществомъ бессарабскихъ хозяевъ.

И такъ для того, чтобы поддержать сельское хозяйство въ Бессарабіи, полагаю нетолько полезнымъ, но даже необходимымъ сдѣлать слѣдующее: 1) учредить въ каждомъ уѣздномъ городѣ общество сельскихъ хозяевъ, изъ гг. владѣльцевъ, которые бы на съѣздахъ разсуждали о нуждахъ хозяевъ и о мѣрахъ къ улучшенію хозяйства и устраненію недостатковъ къ правильному веденію его. На съѣздахъ этихъ одинъ передавалъ бы другому свои мысли. 2) Уѣздному обществу слѣдуетъ выписывать хозяйственные журналы и газеты, на съѣздахъ обсуждать предметы, изложенные въ этихъ изданіяхъ и примѣнимые къ краю, поручая опыты нововведеній болѣе извѣстнымъ хозяевамъ, или кто на себя приметъ таковые, съ тѣмъ, чтобы о результатахъ, кромѣ объявленія обществу на съѣздахъ, было бы печатаемо въ областныхъ вѣдомостяхъ, для общаго свѣдѣнія и другихъ уѣздныхъ обществъ, или издавать отъ общества особый журналъ. 3) Въ областномъ городѣ общіе съѣзды могутъ быть назначены одновременно съ дворянскими выборами и другими съѣздами дворянъ. 4) Имѣть одного *агронома*, который могъ бы указывать на примѣненіе данныхъ науки къ мѣстнымъ условіямъ. Необходимость сей мѣры ясно доказывается тѣмъ, что даже въ Пруссіи, гдѣ земледѣльческое образованіе и самое веденіе хозяйства стоятъ на болѣе высокой степени, сочли нужнымъ имѣть странствующаго профессора земледѣлія, который руководитъ хозяевъ. Притомъ агрономъ этотъ можетъ читать публичныя лекціи какъ на уѣздныхъ съѣздахъ, такъ и при областныхъ собраніяхъ дворянъ, во время выборовъ. 5) Изъ сословія государственныхъ крестьянъ и колонистовъ, Болгаръ и Нѣмцевъ, составить таковое же общество сельскаго хозяйства изъ выборныхъ членовъ, въ средоточіи главнаго населенія ихъ; для чего преимущественно полезно было бы учредить съѣзды въ колоніи Тарутино (иначе Анчакра́къ), куда на ярмарки съѣзжаются всѣхъ сословій люди изъ разныхъ мѣстъ, а болѣе изъ Бендерскаго и Аккерманскаго уѣздовъ, населенныхъ колонистами и крестьянами. 6) Общества эти должны употребить всѣ усилія и старанія къ введенію въ Бессарабіи правильнаго полеводства съ удобреніемъ земли, травосѣянія, порядка правильнаго содержанія скота, обереженія его отъ падежа, столь часто здѣсь повторяющагося, сбереженія лѣсовъ,

учрежденія правильнаго лѣснаго хозяйства и проч., подобно тому, какъ заведено это у Менонистовъ. и 7) Завести образцовое хозяйство въ центрѣ Бессарабской области, для чего купить особое имѣніе, съ возвращеніемъ издержекъ на покупку изъ доходовъ съ этого имѣнія въ извѣстное число лѣтъ. Полезнѣе всего было бы купить для сего имѣніе въ Оргѣевскомъ уѣздѣ. Лицъ, опытныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, доставитъ министерство государственныхъ имуществъ, департаментъ сельскаго хозяйства или инспекція.

Вотъ мои предположенія къ поддержанію хозяйства Бессарабцевъ. Дальнѣйшее развитіе ихъ зависитъ отъ самихъ обществъ бессарабскихъ хозяевъ. Желательно только, чтобы предположенія эти нашли поддержку въ обсужденіи и приведеніи ихъ въ исполненіе на самомъ дѣлѣ. Гг. бессарабскіе хозяева, конечно, согласятся съ приведенными выше доводами, потому что факты говорятъ сами за себя: они существуютъ на глазахъ всякаго.

Нельзя же сомнѣваться, чтобы хозяева не заглянули и въ будущее и не предупредили угрожающее общее и, такъ-сказать, повальное бѣдствіе отъ постоянныхъ неурожаевъ.

Вспомнимъ опять, что «береженаго и Богъ бережетъ», и что только тамъ возможно благо, гдѣ общество дѣйствуетъ соединенно, единодушно, а не каждый порознь.

К....ъ Павловъ.

ДО УКРАЇНСЬКОЇ ГРОМА́ДИ, ДО ВЕЛЬМОЖНІХЪ ПАНІВЪ—ПАДАЛИ́ЦІ И ИНШИХЪ.

Хто чита́въ торішню *Осно́ву* (*), той до́бре памьята́е справедли́ве сло́во Вл. В. Антоно́вича про п. Горжко́вського, котро́го забажа́лось п. Падали́ці оборони́ти въ такімъ непра́веднімъ, въ такімъ сти́довишнімъ ді́лі. Ми нико́ли не забу́демо, що п. Горжко́вський, пошиви́вшись въ украінського исто́рика, закри́вшись оффиціа́льною митрополи́чою бома́гаю, *позбира́въ*, въ на́шихъ церко́внихъ и манасти́р-

(*) VII-ма и X-та книжкі *Основі* 1861 и I-ва 1862 року.

ськихъ архи́вахъ, уся́кі діепи́сні й правѣ́дчі (истори́чні й юриди́чні) а́кти, позабіра́въ іхъ до се́бе та, дото́го, неха́й-би при́ собі, да хочъ міжъ на́ми—у на́шій землі—держа́въ іхъ до якого слу́шного часу, а то—ни́ти жъ сёму́ віри?—утікъ зъ тими́ а́ктами до Ри́му и тамъ вже, во́лею чи неволею, попа́всь у такі га́рні ру́ки, що не то́-що́ а́кти, а й самъ зъ душе́ю увьяъ... П. Горжко́вський поступи́въ у зако́нъ Іезуи́тівъ! ні еди́ного акту и до́сі не напеча́тавъ, а вже наво́дить на Богда́на Хмельни́цького яку́сь чудну́ сла́ву и гри́мае на на́шихъ діепи́сцівъ... Ну, скажіть же, лю́де до́брі: чи годи́лося та́къ почина́ти, — не кажу́ вже — та́къ докінча́ти? чи можна́ таке́ діло борони́ти? Отъ же, п. Падали́ця тро́хи-тро́хи не призна́вся (ми бъ ёму не пові́рили!), що й вінъ би зроби́въ якъ п. Горжко́вський!.. Чо́го, мовля́ли, та́я приязнь не змо́же! да не въ сімъ річъ, а отъ у чімъ:

Ми й до́сі не зна́ли—не ві́дали, чи со́тню, чи ти́сячу актівъ зібравъ у насъ п. Горжковський. Тільки, одно́го ра́зу (бода́й й не спомина́ти!) перебіра́ли ми ка́ртки на́шого прия́теля »Варша́вськоі Библіоте́ки« (Bibljoteki Warszawskiéj) и, въ книжці за місяць Лю́тий 1859 ро́ку, изнайшли́ ось-яку́ звістку (слу́хайте, па́не Падали́це и всі пано́ве ра́зомъ):

»Нашъ молоди́й земля́къ, Маріанъ Горжко́вський збірае матеріяли *для діепи́сі Задніпрья* и вже ма́е у се́бе зъ 2,000 гетьма́нськіхъ универса́лівъ, багацько гетьма́нськіхъ власноручніхъ листівъ, пере́писку старши́ни коза́цькоі межи́ собо́ю, власноручча Яре́ми Вишневе́цького, первопи́сний универса́лъ жінки ёго, княги́ні Могиля́нки Регини, и жінки Богданові, Га́нни!«

Отъ-що писавъ, на поча́тку 1859 року, вірний чоловікъ — А. И. Новосільский! До сіе́і звістки п. Новосільський (чи, мо', хто и́нший), дода́въ, що »таки́й запа́съ а́ктівъ ви́веде зъ тума́ну на світъ пра́вди те́ що́ було́«—та не мину́ло...

П. Горжко́вський и до́сі не ви́вівъ насъ зъ тума́ну!.. Мабу́ть, на насъ прийшла́ черга́—ёго́-само́го ви́вести на світъ пра́вди: бу́дте, пано́ве, самі на́шими су́ддями. Про́симо розсуди́ти, чи годи́тця жъ забірать да завозить бо́'-зна-куди́ наро́дню вла́сність? ії жъ ни купи́ти, ни ви́думать не мо́жна, — вона́, якъ щи́ра пра́вда, одна на сві́ті! Кому́-кому, а намъ—я́къ не жалкова́ть, якъ не жалі́тьця на васъ, пано́ве!.. У насъ вже сті́льки тіе́і пра́вди за́брато, що хочъ за 'тею посто́імо. Верніть намъ а́кти, п. Горжко́вський! Напиши́ть до

ёго, п. Падали́це, неха́й вида́сть намъ що́ забра́въ непра́ведно, напишіть до ёго усі́ пано́ве, усі, кому́ дорога́ пра́вда и честь наро́дня! Да́йте намъ звіcтку, що́ ма́ете вчини́ти,—щобъ у насъ на васъ жалю́ не було́. Бо—коли́ ви самі́ не заведете́ сёго ді́ла и не доста́нете на́шого за́браного добра́, то—зна́йте—ми, Украі́нці, самі́ почнемо́ добува́тись свого́ пра́ва. Ми на́йдемо п. Горжковського у самімъ Ватика́ні; ми ви́звемо ёго на судъ усёго Славья́нського бра́тцва, усіе́і Евро́пи: коли́ ёму не со́ромъ таке́ зчини́ти, то вамъ пови́нно бу́ти со́ромно за ва́шого рода́ка, хочъ вінъ и въ езуі́ти постри́гся и рі́дну зе́млю поки́нувъ.

Чи та́къ, ми́ле братте??..

Жда́тимемъ ва́шої, пано́ве, одпо́віді два місяці,—найпе́ршъ одъ васъ, п. Падали́це!

ПИСЬМО Г. ГОРЖКОВСКАГО

въ редакцію »Варшавской Бібліотеки.«

Изъ старой (?) Украины.
(Черниговъ. 16 декабря 1858).

Съ того времени, какъ вопросъ объ улучшеніи народнаго быта сдѣлался жизненнымъ вопросомъ, многіе народолюбцы стали изучать въ прошедшемъ особенности народной жизни, историческую судьбу народа, законоположенія, которыми онъ управлялся, его обязанности и средства, коими онъ располагалъ. При нынѣшнихъ измѣненіяхъ въ судьбѣ народа, это изученіе весьма важно какъ въ практическомъ, такъ и въ научномъ, отношеніи.

При изученіи исторіи Украины, мы, не предвидя еще требованій настоящаго времени, обращали вниманіе на прежній бытъ здѣшняго народа, въ-особенности на внутреннюю его жизнь, на законоположенія, коими онъ управлялся и на обязанности, которыя долженъ былъ исполнять. Мы собрали много — подлинныхъ или въ копіяхъ — гетманскихъ универсаловъ, процессовъ, дѣлъ, касающихся поземельнаго владѣнія и нѣкоторые слѣды законодательства, которымъ народъ управлялся—преимущественно въ XVII и XVIII столѣтіяхъ,—но не раньше.

Хотя, по причинѣ бѣдственнаго положенія народа, оставшееся на письмѣ законодательство не можетъ дать точнаго понятія о прошедшемъ народа, которому не было предоставлено положительныхъ правъ, и который вообще зависѣлъ отъ великодушія мѣстной власти,— однако и эти письменные слѣды имѣютъ свое значеніе. Они показываютъ, какъ далеко простиралась опека правительства надъ народомъ, и когда сильнѣе или слабѣе проявлялась она въ прошедшемъ.

Украина, понимая ее въ тѣхъ границахъ, въ какихъ знали ее встарину, управлялась законами польскими (?), т. е. *Магдебургскимъ Правомъ*, *Литовскимъ Статутомъ*, и такъ–называемымъ *Саксонскимъ Зерцаломъ* (Speculum Saxonicum). Если въ которомъ–либо изъ этихъ сводовъ чего–нибудь недоставало для разрѣшенія дѣла, то обращались къ другому, какъ это дозволялось самимъ Литовскимъ Статутомъ, 4 разд., ст. 50. Но это не было обязательно, и дѣла часто рѣшались съобща засѣдающими въ градскихъ присутственныхъ мѣстахъ, въ ратушахъ. Кромѣ *войта*, *бурмистра*, *райцовъ и лавниковъ*, въ засѣданіе призывались и другія лица изъ почетнѣйшихъ жителей (называвшихся городскими обывателями) (*) и предъявленное общему суду дѣло рѣшалось общимъ мнѣніемъ. Такимъ образомъ случалось, что строгія наказанія, назначавшіяся строгимъ въ то время закономъ, судъ отмѣнялъ, и что имъ было постановлено, то и приводилось въ исполненіе, безъ дальнѣйшаго утвержденія высшей власти. Отсюда и смертные приговоры, смотря по обстоятельствамъ, замѣнялись неоднократно болѣе легкими наказаніями—денежнымъ взысканіемъ, поклонами въ церкви и т. д. Въ-зависимости отъ подобныхъ судовъ находились не одни крестьяне и мѣщане: рѣшеніямъ суда должны были подчиняться и призванные къ суду дьяки и русское духовенство, — почему въ судѣ присутствовали и извѣстнѣйшіе своею честностью священники.

Мы нашли нѣсколько подлинныхъ дѣлъ, имѣющихъ большое значеніе въ–отношеніи къ языку и складу народной рѣчи. Въ дѣлахъ этихъ находятся слово–въ–слово показанія какъ крестьянъ, такъ и мѣщанъ, изложенныя тщательно и обозначенныя ковычками. Подобнаго рода памятники очень важны.

Недавно между русскими историками и нами происходилъ споръ

(*) Въ документахъ говорится: *»знатныхъ, значныхъ и добрыхъ мѣйскихъ обывателей.*

объ украинскомъ (?) языкѣ: первые утверждали, что языкъ этотъ образовался въ высшей общественной сферѣ—въ дипломаціи, и къ народу не нисходилъ; другіе доказывали противное. И вотъ, изъ старинныхъ документовъ видно, что украинское нарѣчіе было нарѣчіемъ общепринятымъ и жило издавна въ народѣ: народъ самъ его создалъ, самъ его образовалъ, *принявъ за образецъ сосѣдній польскій языкъ (?)*. Даже русская церковь, при исполненіи обрядовъ, употребляла народное нарѣчіе (1) и говорила народу его же языкомъ при самомъ обрядѣ Причащенія.

Польскіе законы дѣйствовали въ Украинѣ (2) почти до 1730 года. Петръ II обратилъ первый вниманіе на законодательство этой страны. Въ 1728 году онъ повелѣлъ украинскому гетману, Данилу Апостолу, призвать людей, знакомыхъ съ науками и законовѣдѣніемъ, и перевесть законы на русскій языкъ, собравъ и соединивъ ихъ въ одну книгу.

Далѣе, въ 1734 г., Анна Іоанновна велѣла исправлявшему тогда должность гетмана, князю Алексѣю Ивановичу Шаховскому, соединивъ всѣ три свода законовъ, заняться переводомъ ихъ на русскій языкъ, поручивъ трудъ способнымъ къ тому лицамъ свѣтскимъ и духовнымъ мѣстной іерархіи, или изъ кіево-печерскаго монастыря. Изъ свѣтскихъ же повелѣла избрать генеральную старшину, полковниковъ и др., сколько для этого окажется нужно, и выполнить возложенное порученіе общими силами. Мѣстомъ для этого собранія былъ избранъ г. Глуховъ, гдѣ, послѣ разрушенія Батурина, обыкновенно пребывалъ гетманъ. Учрежденная такимъ образомъ коммиссія, собравъ дѣйствовавшія здѣсь до того времени узаконенія, т. е. Литовскій Статутъ, Саксонское Зерцало, съ прибавленіемъ къ нему отдѣльно статей Права Магдебургскаго, или гражданскихъ (cywilnych) и хелминскихъ, составили новый сводъ законовъ. Въ немъ сдѣланы были многія измѣненія; все неясное изложено полнѣе: употреблявшаяся здѣсь до 1734 г., какъ и въ Польшѣ, монетная единица — *копа* замѣнена *рублями* и *копѣйками*. Наконецъ, такъ-какъ до этого времени здѣсь не было ни подкоморскихъ (межевыхъ) судовъ, ни возныхъ (3), необходимыхъ для веденія дѣлъ, то и они были учреждены, съ замѣною только прежъ-

(1) См. Требники Петра Могилы, Балабана и др. *Горжк.*

(2) На лѣвой сторонѣ Днѣпра, откуда мы пишемъ настоящее письмо. *Горжк.*

(3) Разумѣется, со временъ Яна Казимира; въ царствованіе Сигизмунда III и Владислава IV они и здѣсь существовали, въ-особенности съ 1619 года.

нихъ названій русскими. Коммисію для преобразованія законовъ составляли слѣдующія лица:

Войсковый Обозный *Яковъ Лизогубъ*.
Генеральный Хорунжій *Николай Ханенко*.
Лубенскій Полковникъ *Петръ Апостолъ*.
Бунчуковый Товаришъ *Семенъ Чуйкевичъ*.
Бунчуковый Товаришъ *Яковъ Ограновичъ*.
Полковый Писарь *Степанъ Савицкій*.
Лубенскій Полковой Писарь *Семенъ Столпольскій*.
Прилуцкій Полковой Сотникъ *Степанъ Лукомскій*.
Стародубовскаго полка Мглинскій Сотникъ *Василій Лисеневичъ*.
Войсковый Товаришъ *Петро Хашкевичъ*.
Войсковый Канцеляристъ *Тимофей Закровецкій*.

Изъ духовенства:

Іеромонахъ Никифоръ, игуменъ Петропавловскаго Глуховскаго монастыря.
Игуменъ черниговской епархіи, троицкаго костяпскаго почеповскаго монастыря, *іеромонахъ Товія*.
Кіевопечерской лавры соборный старецъ *іеромонахъ Варнавій Старицкій*.
Кіевской епархіи кролевецкій *протопопъ Федоръ Каленовскій*.
Переяславской епархіи Быховскій *намѣстникъ Степанъ Древецкій*.

Вышеозначенныя лица окончили свой трудъ въ 1743 году и издали его въ одномъ томѣ in-folio major. *Книга эта находится у меня* (*). Она чрезвычайно любопытна для всѣхъ, кто изучаетъ исторію Украины, а въ-особенности для спеціалистовъ — законовѣдовъ. Если бы кто-нибудь, по рѣдкости этой книги, не имѣя ее подъ рукою, нуждался въ какихъ-либо свѣдѣніяхъ, то предлагаемъ обращаться къ намъ. Подобнаго рода требованія будутъ удовлетворяемы мною съ большимъ удовольствіемъ.

Маріанъ Горжковскій.

(*) Какая судьба постигла эту драгоцѣнность? Неужели и она увезена въ Римъ? неужели и списка не осталось?

ВІСТІ.

ЧАСТИ́НА ЛИ́СТУ

ВИСОКОПОВАЖНОГО ПРОФЕССОРА ВІ ЛЬВО́ВСКІМЪ УНІВЕРСИТЕТІ,

Якова Ѳедоровича Голова́цького, до редактора.

(30-го січня 1862 р.) (*).

Милий брате—хоть незнакомий,
та все-таки рідний!

—Щоби не зъ порожніми руками приходити къ вамъ, посилаю стишокъ молодого, даровитого, півця нашого: *нинішня наша пісьня*, для поміщеня, коли ласка, въ вашій часописі. Нехай и ваші люде знають, які гарні вірші у насъ виголо́шуются.

Поклоніться па́нові П. Ал. Кулішові и ёго чесьній сопрузі и скажіть имъ, що той стишокъ голошений бувъ при отворенію нашого народнёго касина (клуба) підъ имямъ »*Руська Бесіда*,« въ *Народнімъ Домі*, въ тімъ куті, где, за ёго буття ві Львові, закладалися хундаменти и звітки вінъ взявъ собі на памятку камінчикъ. Теперъ нехай би вони, чесьні, побачили розмалёвані и красно устроені комнати зъ воскованими паркетами, украшені зеркалами та меблями, освітлені газомъ,—нехай би увиділи зібрану руську братію зъ 50 до 100 чоловікъ, якъ вечерами забавляются та бесідують, а все по-руськи, ажъ ся душа радуе! Каби вони могли

(*) Щи́римъ си́рцемъ завіря́емо васъ, давно́-зна́емий и правди́во-ми́лий нашъ бра́те, що не на́шою вино́ю оце́ тільки тепера́ печа́таетця вашъ дорогій листъ. — Не забува́йте насъ; а ми до-віку-вічнёго — ваші побрати́ми.

були прійти на заведеніе *Бесіди*, якъ то красненько виголошали наші молодці гарні стихи Тараса Шевченка, — якъ співали хоромъ наші співанки: *Миръ вамъ, браття*! або: *я счасний! руську матіръ маю, и щирий Русинъ мій отець*, гарно, весело ажь серце розпливалося,—каби, сердешні, були приіхали хоть на пробу танцівъ въ Бесіді, або и на нашь *руський баль*, котрий відбувся 23-го січня (января) въ редутовій салі на вдивовижу всёго Львова,— най бы шановний панъ Кулішъ побачивъ, якъ то гарно по-козацьки поубиралися наші молодці-студенти, та гуляли зъ нашими львовскими красавицями *козака* и *коломыйку*, побрязкуючи брязькачами!— Эхъ!—сказавъ би сердега: »еще не вмерла козацькая руськая мати!«

Нашимъ публичнимъ виступомъ, показали ми нерадивимъ ворогамъ и недоброжелателямъ нашимъ, що Русини суть и жиють своерідниимъ життємъ въ древній столиці руського князя Льва.

НИНІШНЯ НАША ПІСНЯ.

(Стихъ голошений при отвореню »Руської Бесіди« въ »Народнімъ Домі« ві Львові, дня $^{9}/_{21}$ января 1862 г.

Зхаменітся, будьте люде,
Бо лихо вамъ буде!
Т. Шевченко.

Въ котлині гіръ городъ лежитъ,
Въ немъ проживае руський рідъ.
Надъ нимъ, якъ бузёкъ надъ гніздомъ,
Сидитъ гора—що лишь слідомъ
Свідчить, де замокъ Льва стоявъ,
Що въ грузи ся давно роспавъ.

—

Тому гордійша одъ сестриць,
Въ хащахъ не крие своіхъ лиць,
Но взносить грізное чоло,
Надъ деревину гущъ зело:
Хоть тамъ, де руській мечъ світивъ,
Помірчикъ віху застромивъ.

—

Підъ віхою старець сидить,
Въ задумі на городъ глядить,

Леготъ (*) му грає зъ бородовъ,
Въ старимъ знать закипіла кровь,
Бо раптомъ голову підвівъ,
Вхопивъ за ліру—піснь запівъ:

—

»Го́роде славний князя Льва старого!
Чи въ твоемъ лоні нітъ роду давного,
Чи нітъ вже сили, давной руськой сили,
Чи руські діти всі вже у могилі?«

ГОМІНЪ:

»Могили!«

»Чи въ землі руській для руськоі груди
Нема пристані, всі чужині люде?
Чи руською пісні нихто не заводить,
Чи руська мати Русинівъ не родить?«

ГОМІНЪ:

»Родить!«

»Чи руські серця въ крицю ся змінили,
Ледомъ на віки груди ся покрили?
Любовъ до свого згасла благородна,
Що ней кипіла руська грудь свободна?«

ГОМІНЪ:

»Холодна!«

»О, руські груди! о, груди зі сталі!
Ви, щосьте дикихъ Татаръ зупиняли,
Чи ось той кремінь зъ грузівъ Льва палати,
Зможе давнёго ще огню вкресати?..«

(*) *Леготъ*—легкій весьняний вітеръ, буцімъ-то зефіръ.

ГОМІНЪ.

»Кресати!«

Ту, якъ зо сну ся пробудивъ,
Старець на ноги ся схопивъ,
И тавъ глибоко чось зітхнувъ,
И чось тамъ въ небо споглянувъ,
Віттакъ пустився — где? — не знати —
За нимъ летівъ гомінъ: »Кресати!«

—

Ой летівъ громомъ въ ёго слідъ,
Докъ не одбився о Бескидъ
И не затрясъ вокругъ горами,
И не скипівъ Дністра водами;
Віттакъ шибнувъ гень-гень степомъ,
Та й зупинився надъ Дніпромъ,
Надъ нимъ повисъ, ему співае,
За братню долю споминае.

А батько Дніперъ муркотій,
Звичайно, ось якъ той старий,
То посварить, то чось полае,
То буцімъ змовкне—продумае.
Въ-кінець казавъ-бись, що згадавъ
Якъ то колись-то віковавъ,
Яка то въ него була доля—
Та й та козацька руська воля;
Бо згороіживъ чось хребетъ
И заридавъ, що ажъ гетъ-гетъ,
У Чорнімъ морі стогне, вріе,
Дума що ней Дніпро болiе.
А тутъ на березі сидить
Старець, що за Дніпромъ глядить,
Леготъ му грае зъ бородовь,
Та й въ немъ знать закипіла кровь,
Бо вхопивъ ліру, взявъ строіти,
Дніпрові пісню гомоніти:

—

»Гей, гей, Бескиде! ти мій рідний брате!
Чи жъ не одна насъ породила мати?
Чи жъ не одна насъ до серця тулила,
Слезами наші тяжкі рани мила?«

БЕСКИДЪ:

»Мила!«

»Чи жъ не одна насъ вчила бесідити,
Та й по-батьківськи Господа славити?
Та не она жъ намъ провадила стиха:
— Держітся купи, не бійтеся лиха!«

БЕСКИДЪ:

— — — »Зтиха!..«

»Гей, гей Бескиде! соколе мій милий!
Чи бачишь, брате, ті сирі могили,
Та чи ти чуешъ стонъ глухий, тяженький?
— То на світъ духи просятця біленькій!«

БЕСКИДЪ:

»Ой чую, чую ті батьківські клики,
Та й виджу, виджу те свято велике,
Якъ зъ могилъ слава наша йме вставати,
Та й станемъ вкупі долі добувати!«

ДНІПРО:

»Та й станемъ вкупі долі добувати!«

БЕСКИДЪ:

»Чую, якъ звітсі ажъ по Чорне море
Воздухи голосъ якійсь рідний поре:
То Мати кличе на велике свято,
А дітей стало багато, багато!«

ДНІПРО:

»То мати кличе на велике свято,
А дітей стало багато, багато!!!«

Володиміръ Шаськевичъ.

О ХОДѢ КРЕСТЬЯНСКАГО ДѢЛА ВЪ КРЕМЕНЧУГСКОМЪ УѢЗДѢ (Полт. губ.)

Неопредѣленное отношеніе крестьянъ къ Положенію 19-го февраля, заявленное въ газетныхъ извѣстіяхъ изъ многихъ мѣстъ, не минуло Кременчугскаго уѣзда, гдѣ непризнаніе обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ за пользованіе землею и ожиданіе новаго *казеннаго* положенія черезъ 2 года, или въ неопредѣленномъ будущемъ, высказывалось крестьянами съ самаго начала. По объявленіи положенія, крестьяне, казалось, только и вынесли изъ него что убѣжденіе въ необходимости работать въ пользу помѣщиковъ два года, да указанныя въ правилахъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе положенія о крестьянахъ облегченія въ исполненіи барщинной повинности. Весь прошлый годъ они отстаивали эти облегченія, спорили и защищали ихъ противъ помѣщиковъ—какъ будто ихъ принимали за послѣднее слово своей свободы.

О грамотахъ не было и помину; да едвали въ массѣ крестьянъ было распространено и самое названіе этихъ оффиціальныхъ актовъ.

О переходѣ на новое положеніе крестьяне говорили какъ о далекомъ будущемъ. Помѣщики, между тѣмъ, въ прошломъ году совсѣмъ не представляли грамотъ. Къ веснѣ начались первые опыты введенія мировыми посредниками уставныхъ грамотъ, и въ то же время открылись мѣстныя сельскія ярмарки съ болѣе или менѣе значительнымъ стеченіемъ народа. Приходившій на эти ярмарки народъ, знакомый уже нѣсколько съ сущностію уставныхъ грамотъ, и быть можетъ подъ вліяніемъ возбудительнаго дѣйствія весенней атмосферы, приносилъ живое и сильное почувствованіе свободы. Не было конца толкамъ крестьянъ о свободѣ, объ уставныхъ грамотахъ и ожидаемомъ ими казенномъ положеніи.

Уставныя грамоты называли выдумкою пановъ, которые изобрѣли обязательныя къ нимъ отношенія съ цѣлью предупредить обѣщанную въ царскомъ манифестѣ свободу—черезъ два года. Принявшіе уставныя грамоты и давшіе свои руки крестьяне, по словамъ ораторовъ изъ крестьянъ-козаковъ, громко проповѣдывавшихъ въ собравшихся вокругъ ихъ кучкахъ, закабалили себя помѣщикамъ, и тѣмъ самимъ добровольно лишаютъ себя благодѣяній новой, ожидаемой, воли. Возбужденное воображеніе ораторовъ подсказывало имъ искреннія и заманчивыя черты новой воли, и изобрѣтало наказанія для малодушныхъ, поддав-

шихся панамъ, заимствуя въ этомъ случаѣ, по свойственной нашему простому народу исключительности религіознаго воспитанія, свои краски изъ церковнаго міра. Говорили, что раждающихся дѣтей не будутъ крестить, умирающихъ лишатъ христіанскаго погребенія, и молодыхъ не станутъ вѣнчать. Наконецъ, всѣхъ взрослыхъ и физически крѣпкихъ будутъ ссылать въ Сибирь и отдавать въ солдаты. Возвратившіеся изъ ярмарочныхъ сходбищъ пропагандисты новой воли, въ своихъ селахъ встрѣчали возраженія со стороны волостныхъ урядниковъ знакомыхъ съ Положеніемъ, и отъ всѣхъ тѣхъ, кто, по степени образованія и своему нѣмецкому костюму, извѣстны въ селахъ подъ общимъ именемъ пановъ. Называя всѣхъ такихъ противниковъ своей пропаганды панами и людьми попанячившимися или предавшимися панамъ, крестьяне упорно стояли на своемъ рѣшеніи не принимать уставныхъ грамотъ, отказываться отъ земли, надѣляемой имъ панами за повинности и «ждать жданого». Увѣреній, — что уставныя грамоты вводятся по указу царя и что царь не намѣренъ дать другой воли, — никто не слушалъ.

При такомъ общемъ настроеніи крестьянскихъ умовъ и неизмѣнной, повидимому, хотя пассивной, оппозиціи положенію 19-го февраля началось введеніе уставныхъ грамотъ въ Кременчугскомъ уѣздѣ. Рѣшившись не входить ни въ какія соглашенія съ помѣщиками, ни даже о принятіи въ даръ четвертой части высшаго душевого надѣла, крестьяне болѣе или менѣе значительныхъ имѣній, пользовавшіеся до сихъ поръ надѣломъ земли, объявляли, что до слушного часу будутъ работать, по прежде-установленному порядку, мужчины по 3, а женщины по 2 дня въ недѣлю. Полтавское губернское присутствіе, признавая употребленіе принудительныхъ мѣръ, въ случаѣ подобныхъ заявленій крестьянъ, неумѣстнымъ, считало такія грамоты окончательно введенными. Акты о повѣркѣ подобныхъ грамотъ въ нѣкоторыхъ имѣньяхъ подписывались крестьянами, а въ другихъ они рѣшительно отказывались дать руки для подписи, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ повѣрка грамотъ удостовѣрялась подписями однихъ добросовѣстныхъ изъ сосѣднихъ обществъ. Слушный часъ крестьяне, сколько можно было замѣтить на первыхъ порахъ, относили къ времени по окончаніи двухъ лѣтъ со дня объявленія положенія 19-го февраля; но теперь представленіе этого слушного часу, кажется, сдѣлалось неопредѣленнымъ.

Въ имѣніяхъ, гдѣ не было надѣла, крестьяне, оставляя за собою усадьбы, отказывались отъ надѣла полевой земли. Но были и та-

кія имѣнія, въ которыхъ крестьяне переходили на оброкъ, находя этотъ способъ исполненія повинностей за землю для себя болѣе удобнымъ, хотя всегда говорили, что они дѣлаютъ это только на текущій годъ, до слушного часу. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, крестьяне вошли въ соглашеніе съ своими помѣщиками о выкупѣ земли при содѣйствіи правительства, съ уступкою 20% изъ выкупной суммы. Это — крестьяне непремѣнно зажиточные и расположенные къ своимъ помѣщикамъ, заслужившимъ ихъ довѣріе.

Недовѣріе крестьянъ къ уставнымъ грамотамъ и нежеланіе имъ подчиняться всего рѣшительнѣе выразилось въ Кременчугскомъ уѣздѣ, въ имѣніи помѣщика Базилевскаго, м. Пустовойтовомъ, гдѣ оказалось необходимымъ принятіе принудительныхъ мѣръ при содѣйствіи 2–хъ баталіоновъ драгунъ. Подробности этого дѣла такъ характеристичны, что пропустивши ихъ въ нашей лѣтописи, мы навлекли бы на себя, какъ намъ кажется, упрекъ со стороны людей, которые захотятъ посвятить время и серьезный трудъ изученію совершающейся теперь крестьянской реформы. Въ м. Пустовойтовомъ 480, записанныхъ по 10 ревизіи, душъ крестьянъ, пользующихся 1250 дес. помѣщичьей земли, что составляетъ, по мѣстному положенію для губерній малороссійскихъ, немного менѣе высшаго размѣра душеваго надѣла. Около 20 марта, мѣстный мировой посредникъ приступилъ къ повѣркѣ грамоты въ отсутствіи помѣщика. Со стороны крестьянъ было много возраженій относительно качествъ и мѣры находящейся въ ихъ владѣніи земли. Посредникъ разсматривалъ эти возраженія, осматривалъ земли и производилъ измѣренія; потомъ призналъ грамоту окончательно повѣренною, прочелъ ее на сельскомъ сходѣ крестьянамъ и объявилъ имъ, что за надѣляемую землю они должны работать въ пользу помѣщика, или платить ему оброкъ. Крестьяне приняли грамоту, но о повиностяхъ объявили, что какъ грамота прочитана, то они сами и земли ихъ свободны, и потому «ни робить, ни платить не будемъ». Посредникъ увѣрялъ крестьянъ, что онъ исполняетъ царскую волю; что царь другой воли имъ не дастъ и что имъ только остается повиноваться настоящему законному требованію начальства. На это крестьяне отвѣчали такими словами: «будемъ ждать того, що буде. Богъ насъ любить, царь милуе, а зъ панами намъ не жити«. Посредникъ, рѣшившись испытать до послѣдняго силу своей діалектики, нѣсколько разъ сзывалъ громаду, и постоянно слышалъ отъ нея одинъ и тотъже отвѣтъ. О волѣ крестьяне говорили, что коли царь ихъ уволилъ, то онъ далъ имъ

казенное положеніе, а не то, которое выдумываютъ паны. О землѣ, которая отводится въ надѣлъ по уставной грамотѣ, отзывались: »яка вона паньска, коли вона такажъ казенна якъ козача, або та, що підъ казенными крестьянами, що за неі пла́титця подать, царський оброкъ«.

Послѣ неудачнаго введенія грамоты, крестьяне оставили работы. Громада запретила всѣмъ наниматься на работы въ пользу экономіи, и высѣкла нѣсколько человѣкъ, которые ослушались этого приговора. Между тѣмъ, посредникъ увѣдомилъ о случившемся предводителя дворянства и исправника, которые въ непродолжительномъ времени пріѣхали въ Пустовойтово, желая подѣйствовать на крестьянъ убѣжденіемъ. Говорили съ ними очень долго, но безъ успѣха, и наконецъ потребовали примѣнить неизбѣжное въ подобныхъ случаяхъ правило divide et impera: предводитель отдѣлилъ изъ толпы нѣсколько человѣкъ, говорившихъ громче другихъ; но нетерпѣніе отдѣленныхъ взяло свое: они скоро бросились въ толпу, говоря: »*Громадо, щожъ ви мовчите?*« Тогда разъяренная громада бросилась къ предводителю и исправнику съ словами: »*чого́ ви приіхали робйть бунтóвство, колй ми не бунтуємось?*« По словамъ предводителя и исправника, они были въ опасности; но присутствіе духа у исправника, который, съ словами: »*тю–тю, дурні!*« бросился въ толпу, и велъ съ нею спокойный разговоръ, успокоило волненіе. О случившемся въ Пустовойтовомъ тотчасъ былъ увѣдомленъ губернаторъ, и потомъ сдѣлано распоряженіе о высылкѣ на мѣсто двухъ эскадроновъ драгунъ. Губернаторъ, пріѣхавши въ Кременчугъ, отправилъ въ Пустовойтово мировой съѣздъ для убѣжденія крестьянъ. Между–тѣмъ, пока дѣлались распоряженія о высылкѣ военной команды, крестьяне ближайшаго къ Пустовойтову имѣнія помѣщика Кашниста, дер. Пузыновой (450 душъ:), въ которомъ еще не была введена уставная грамота, оставили работы и ежедневно стали сходиться въ пустовойтовскую громаду. Въ другихъ сосѣднихъ имѣніяхъ крестьяне также заговорили объ оставленіи работъ и дѣлали къ этому попытки, хотя нерѣшительныя. Исправникъ, приведши въ Пустовойтово драгунъ до прибытія мироваго съѣзда, и поставивши ихъ на бивакахъ на помѣщичьемъ дворѣ, призывалъ къ себѣ громаду: (Пустовойтовцевъ и Пузыновцевъ:). Когда исправникъ обратился къ громадѣ съ рѣчью, то она упала на колѣни, а позади колѣнопреклоненной толпы стояли женщины. Плачъ женщинъ и крикъ грудныхъ дѣтей дополняли собою и безъ того тяжелое впечатлѣніе этого грустнаго зрѣлища. На слова исправника и на его требованіе

повиноваться закону, поддерживаемое присутствіемъ военной команды, громада, съ неодолимою казалось рѣшимостію, отвѣчала: »ми въ вашихъ рукахъ: ріжте намъ горла, чи закопуйте живихъ въ землю, а ми не подвоімъ свого слова: неприступимъ робить, або платить по уставній грамоті, и будемо ждать того, що намъ дасть Богъ и Царь.« Такой же результатъ имѣло и убѣжденіе крестьянъ мировымъ съѣздомъ, которое выслушивала громада также колѣнопреклоненная и при той же обстановкѣ, хотя безъ женщинъ и дѣтей, невпущенныхъ на этотъ разъ въ помѣщичій дворъ.

Трудно припомнить другое событіе въ этомъ родѣ, гдѣ бы раздѣленіе массы и образованнаго класса русскаго общества, выработанное исторіей послѣдняго времени, представилось съ большею наглядностію и въ полнотѣ, исключающей всякую возможность взаимнаго пониманія другъ друга, какъ въ настоящей моментъ. Ко всѣмъ доказательствамъ мироваго съѣзда законности требуемаго повиновенія, народъ остается глухъ, ни однимъ словомъ не напоминаетъ о себѣ какъ о существѣ имѣющемъ права, которыми бы оправдывалось его сопротивленіе, и своимъ колѣнопреклоненіемъ, не говоря, говоритъ, что его можно принудить только силою. И это въ то время, когда онъ дѣйствительно получаетъ права, личныя и даже поземельныя, хотя послѣднія и ограниченныя по положенію. Когда народъ, упорствовавшій въ неповиновеніи, наканунѣ развязки пустовойтовскаго дѣла, расхаживалъ по селу, собираясь въ кучи, или сходился на помѣщичьемъ дворѣ, въ это время общество, во флигелѣ Базилевскаго, составившееся изъ членовъ мироваго съѣзда, чиновъ земской полиціи, офицеровъ и помѣщиковъ сосѣднихъ имѣній, заинтересованныхъ въ дѣлѣ Пустовойтовскихъ крестьянъ, представляло собою особый міръ, принадлежащій совсѣмъ другому порядку и неимѣющій ничего общаго съ сферою, въ которой обитаютъ крестьяне. Это не два свѣта Крашевскаго, въ которыхъ встрѣчаются помѣстившіеся надъ темною массою богатый и бѣдный землевладѣльцы, оба люди получившіе университетское образованіе, способные вмѣстѣ мыслить и чувствовать и вести между собою разговоръ, даже не затрудняясь въ выборѣ выраженій. Напротивъ, противоположность между панами и мужиками въ Пустовойтовомъ, характеристически обозначенная присутствіемъ земской команды, такого свойства, что невозможны никакія соглашенія между ними, когда все зависитъ отъ употребленія физической силы. Нравственное разобщеніе между русскими образован-

ными людьми и русскою же темною массою представилось намъ до того рѣшительнымъ и рѣзкимъ, что переносясь мыслію въ исторію козацкихъ войнъ 17–го столѣтія, мы не могли не вспомнить бивачныхъ стоянокъ польской шляхты, воевавшей съ южно–русскими крестьянами. Это сближеніе пришло намъ въ голову въ кругу дворянской компаніи, собравшейся во флигелѣ Базилевскаго. Тамъ предполагали, что въ Пустовойтово придутъ крестьяне сосѣднихъ имѣній, оставившіе работы. Въ собравшемся кружкѣ были и такіе, которые ходили съ замирающимъ сердцемъ отъ страха тяжелыхъ послѣдствій неблагопріятнаго окончанія пустовойтовскаго дѣла. Нашелся между ними даже и резонеръ, большой приверженецъ красивой фразы, наподобіе риторовъ 17–го столѣтія, который проповѣдывалъ, что на Пустовойтово теперь смотритъ очами нетерпѣнія вся Европа, и что отъ исхода этого дѣла зависятъ судьбы Россіи, а съ нею и всей Европы; другіе убивали время въ бесѣдѣ за стаканами наливки, играли въ карты, болтали и смѣялись. Всѣ эти черты могли напомнить, при первомъ взглядѣ, давно минувшую эпоху украинско–польской исторіи, по нѣкоторому сходству обстоятельствъ, при которыхъ прежде и теперь выступали другъ противъ друга простодушная масса крестьянъ и образованный классъ землевладѣльцевъ; но не слѣдуетъ забывать, что въ существѣ дѣла представившаяся нашимъ глазамъ дѣйствительность далеко отлична отъ того, что было прежде, и по характеру вновь пріобрѣтенныхъ крестьянами гражданскихъ правъ и по степени гуманности отношеній къ нимъ малороссійскихъ пановъ, у которыхъ нельзя встрѣтить ни фанатической вѣры въ аристократическій принципъ, ни звѣрской жестокости самозабвенія противъ непокорныхъ.

Послѣ безуспѣшныхъ увѣщаній, мировой съѣздъ, закрывъ свое засѣданіе, предоставилъ приведеніе крестьянъ въ повиновеніе исправнику, при содѣйствіи стоявшихъ въ боевомъ порядкѣ драгунъ. Исправникъ началъ съ того, что отдѣлилъ отъ толпы Пузыновскихъ крестьянъ; потомъ онъ арестовалъ нѣсколько человѣкъ Пустовойтовцевъ, которые, по указаніямъ разныхъ лицъ, оказались больше другихъ рѣшительными и дерзкими. Все это дѣлалось безъ малѣйшаго сопротивленія со стороны крестьянъ. Когда начали сѣчь, то первый положенный подъ розги, послѣ нѣсколькихъ ударовъ, сталъ молить: »*помúлуйте, пáночку, голýбчику! бýду робúти до–вíку*,« а за ними вся громада, прося о помилованіи, сказала, что будетъ исполнять повинности по уставной грамотѣ. Такимъ образомъ устроилось

дѣло Пустовойтовскихъ крестьянъ, которые перешли по уставной грамотѣ на оброкъ.

За дѣломъ слѣдуютъ толки и разговоры между крестьянами, корыхъ мы не намѣрены исключать изъ нашей лѣтописи—если не нанаходите ихъ совсѣмъ праздными. Въ одномъ селеніи, не въ далекомъ разстояніи отъ Пустовойтова удалось слышать такое мнѣніе крестьянина: »*було у всіхъ соглассе, а окошилось на однúхъ Пустовойтовцяхъ.*«

По введеніи грамоты въ Пустовойтовомъ, ближайшія къ нему селенія начали переходить на оброкъ. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ крестьяне вошли въ соглашеніе съ помѣщиками о принятіи въ даръ четвертой части высшаго душевого надѣла, на что́ прежде они не могли рѣшиться по недовѣрію къ панамъ. Но въ имѣніяхъ, нѣсколько удаленныхъ отъ Пустовойтова, крестьяне, казалось съ перваго раза, оставались глухи къ этому, столь убѣдительному, уроку. Держась своего принципа, что уставныя грамоты выдуманы панами и что царь дастъ обѣщанную имъ волю черезъ два года, они обвиняли Пустовойтовцевъ въ дерзости противъ начальства и рановременномъ оставленіи работъ, такъ–какъ »*нача́льства тре́ба слу́хати.*«

Не принимать уставной грамоты, объявлять ее панскою выдумкою, называть посредника орудіемъ панскихъ замысловъ и въ то же время говорить, что начальства треба слухать,—это такое противорѣчіе понятій, примиреніе котораго, съ нашей точки зрѣнія, рѣшительно невозможно. Но логика крестьянъ совсѣмъ не та, что́ у насъ: по–ихнему официальное лицо можетъ быть представителемъ высшей правительственной власти и вмѣстѣ орудіемъ противузаконныхъ интересовъ сословія. Ему нужно повиноваться, когда онъ говоритъ, что слушный часъ еще не пришелъ, и приказываетъ работать попрежнему, и, напротивъ, не слѣдуетъ вѣритъ—если онъ обязательственныя отношенія, опредѣленныя по уставной грамотѣ, называетъ волею, которую далъ царь. Онъ дѣйствуетъ по долгу службы, наказывая крестьянина за неисполненную трехдневную работу, за потраву поля, за порубку лѣса, возвращая помѣщику сдѣланный крестьяниномъ захватъ у него земли,—и злоупотребляетъ властью, объявляя крестьянамъ, что они не имѣютъ права отказаться отъ земли. На слова посредника: «Царь приказалъ оставить за вами земли, которыми вы пользовались до 19–го февраля 1861 года: потому ни вы не имѣете права отъ нихъ отказаться, ни панъ взять ихъ къ себѣ,» крестьяне отвѣчаютъ: »*а ми держа́ть іхъ*

не хóчемъ.« Остановившись на этомъ пунктѣ, крестьянскій умъ уже не поддается никакимъ усиліямъ; и всѣ опроверженія такого заблужденія, которыя можетъ высказать посредникъ, дѣйствуя на основаніи положенія, только приведутъ крестьянъ къ словамъ: »*колúбъ воно́ тáкъ, якъ ви́ кáжете, се бъ не було́ вóлі тиéї, що намъ давъ царь.*« Когда же крестьяне имѣютъ надѣлъ полевой земли и желаютъ удержать его за собою, то посредникъ, по мнѣнію ихъ,—еслибъ онъ дѣйствовалъ согласно съ высочайшею волею, долженъ бы былъ опредѣлить повинности, конечно, денежныя и приказать безусловно ихъ исполнять; а какъ онъ спрашиваетъ у крестьянъ—хотятъ ли они отбывать издѣльную повинность, или переходятъ на оброкъ, и требуетъ у нихъ рукъ для подписа бумагъ, то онъ тянетъ руку за пановъ, и хочетъ обманомъ закабалить насъ, крестьянъ.

Введеніе грамотъ до слушнаго часа, т. е. что крестьяне продолжаютъ работать на прежнемъ основаніи, мужчины по 3, а женщины по 2 дня въ недѣлю, послѣ пустовойтовскаго дѣла очень усилилось. Въ ожиданіи слушнаго часа, они или упорствуютъ работать попрежнему, или, отказываясь отъ полевой земли, оставляютъ за собою усадьбы, и освобождаются отъ работъ. О пользованіи надѣляемыми землями за повинности крестьяне отзываются, что послѣ слушного часа они станутъ платить оброкъ, если и другіе его будутъ платить. Отзывовъ объ уставныхъ грамотахъ и обязательныхъ отношеніяхъ за пользованіе помѣщичьею землею—какъ о выдумкѣ пановъ, теперь гораздо меньше слышно, и на объявленіе посредника, что такова воля царя, и что, по словамъ государя, онъ недастъ другой воли, крестьяне лаконически отвѣчаютъ: »*ми се знáемъ,*« оговаривая иногда этотъ отвѣтъ словами: »та мóже жъ-таки царь *намъ зро́бить яку́ поліхкість.*« Въ такомъ взглядѣ крестьянъ на положеніе 19-го февраля, согласномъ отчасти съ печатно-высказываемыми мнѣніями передовыхъ людей образованнаго общества, нельзя не видѣть нѣкотораго движенія крестьянской мысли, высказывавшейся прежде въ неопредѣленныхъ и неуловимыхъ съ практической стороны протестахъ противъ новыхъ порядковъ. Но было бы большимъ заблужденіемъ думать, что мысль крестьянъ приведена къ такимъ открытіямъ путемъ литературы или изустною пропагандою; напротивъ, между крестьянами и либералами нѣтъ ничего общаго. На пути развитія тѣхъ и другихъ нѣтъ соприкосновенія, какъ не соприкасается и самая жизнь ихъ. Народъ не умѣетъ и не думаетъ отличать либераловъ

и прогресистовъ отъ не-либераловъ и консерваторовъ, называя безразлично тѣхъ и другихъ *панами*. Въ такомъ безразличномъ значеніи, народъ употребляетъ названіе пана.

Изложенныя въ настоящемъ обозрѣніи данныя показываютъ, что крестьянская реформа совершается въ Кременчугскомъ уѣздѣ спокойно, хотя крестьяне ждутъ чего-то новаго. Но это ожиданіе, обусловленное царскимъ указомъ, если на то будетъ воля Государя, не противорѣчитъ видамъ порядка, о которомъ можно предсказывать, что онъ не будетъ нарушенъ безъ особаго толчка съ какой нибудь стороны; очень опаснымъ въ этомъ отношеніи прежде казался вопросъ о собственныхъ крестьянскихъ земляхъ, которыхъ въ Малороссіи очень много. Но, благодаря просвѣщенному взляду Полтавскаго губернскаго присутствія на этотъ предметъ, въ Кременчугскомъ уѣздѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, развивается мелкая частная собственность крестьянъ, путемъ признанія помѣщиками права крестьянъ на ихъ предковскія земли. Такимъ образомъ, помѣщики утверждаютъ за крестьянами земли, которыми они владѣли по документамъ формальнымъ и неформальнымъ, а также и безъ документовъ—если право крестьянъ на такія земли чѣмъ нибудь подтверждается, напримѣръ: увѣренностію въ этомъ правѣ всего крестьянскаго общества или владѣніемъ нѣсколькихъ поколѣній крестьянскаго рода извѣстнымъ участкомъ земли сверхъ надѣла, которымъ пользовались предполагаемые собственники наравнѣ съ другими крестьянами: — утверждаются за крестьянами земли, большею частью по мелочамъ, потому-что во владѣніи ихъ рѣдко попадаются большіе куски; но иногда признаются за ними и болѣе или менѣе значительныя пространства,—напримѣръ: помѣщица княгиня Долгорукая, въ Кременчугскомъ имѣніи своемъ сел. Крынкахъ, утвердила за крестьянами 500 дес. Извѣстные намъ примѣры утвержденія помѣщиками собственныхъ земель за крестьянами позволяютъ надѣяться, что слѣдуя направленію, данному Полтавскимъ губернскимъ присутствіемъ, вопросъ о собственныхъ крестьянскихъ земляхъ можетъ разрѣшиться съ желаемымъ успѣхомъ.

Въ-заключеніе, позволяемъ себѣ указать, какъ на этнографическую черту малороссійскихъ крестьянъ, на тотъ замѣченный нами при введеніи всѣхъ вообще уставныхъ грамотъ пріемъ громадъ въ обсужденіи вопроса о предъявленной грамотѣ, что громады рѣшаютъ этотъ вопросъ единогласно. Ни одинъ членъ большаго или малаго общества никогда не высказываетъ своего мнѣнія противъ большинства, такъ

что уловка со стороны посредника привести крестьянъ къ принятію рамоты, спрашивая о ней не всю громаду, а каждое лицо по одиночкѣ, непремѣнно сбиваетъ неизбѣжнымъ отвѣтомъ спрошеннаго: »на чімъ громада стáне«. Въ глазахъ нашихъ, эта черта получаетъ особенный интересъ въ связи съ наблюденіемъ, сдѣланнымъ нами надъ сельскими сходами для выбора общественнаго пастуха и для принятія мѣръ призрѣнія бездомныхъ вдовъ и сиротъ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ, громада прежде всего справляется о желаніи или нежеланіи отдѣльныхъ лицъ быть пастухомъ, или принять въ домъ свой лицъ, нуждающихся въ призрѣніи, и, безъ согласія частнаго лица, она никогда не возлагаетъ на него этой общественной обязанности. Въ такомъ разграниченіи на практикѣ частныхъ отношеній и дѣлъ, касающихся всего общества, гдѣ громада представляетъ собою единую волю всѣхъ своихъ членовъ, нельзя не видѣть присутствія большаго политическаго такта Малороссійскихъ крестьянъ, народный разумъ которыхъ, оставляя полную свободу личности въ сферѣ ея частныхъ отношеній, — въ отправленіи общественныхъ дѣлъ дѣлаетъ невозможнымъ злоупотребленіе личной свободы, подобно *liberum veto* польскихъ сеймовъ.

ИЗЪ—СКАГО УѢЗДА.

I.

(*Апрѣль 1862.*)

Введеніе уставныхъ грамотъ подвигается у насъ чрезвычайно медленно. Сильное, но понятное, конечно, недовѣріе крестьянъ къ помѣщикамъ, боязнь быть вновь закрѣпленнымъ, безграмотность—служатъ тому главною причиной. Крестьяне вѣрятъ всякимъ нелѣпымъ слухамъ, вѣрятъ коробейникамъ, вѣрятъ цыганамъ, солдатамъ, бродягамъ, — не вѣрятъ только помѣщикамъ да чиновникамъ. Въ однихъ имѣніяхъ крестьяне совершенно отказываются отъ надѣла, въ другихъ просятъ ниже низшаго душеваго надѣла. Крестьяне разсчитали, что за всякую десятину, даже и толочную, они должны платить помѣ-

щику $2^1/_2$ р. оброку, тогда-какъ, по существующимъ цѣнамъ, можно нанять за $1^1/_2$ и даже дешевле, смотря по мѣстности. Притомъ же, наши крестьяне не привыкли нанимать землю за деньги. По существующимъ мѣстнымъ обычаямъ, крестьяне, какъ и малоземельные козаки, берутъ землю у богатыхъ землевладѣльцевъ *съ половини, съ третини и съ четвертини*. Взявшій землю съ половины обязанъ вспахать ее на свой счетъ. Вспаханная земля раздѣляется по-поламъ, и хозяинъ выбираетъ для себя любую половину. Половинщикъ засѣваетъ свою половину своими сѣменами, хозяйскую—хозяйскими. При уборкѣ, каждый собираетъ хлѣбъ съ своей части, но половинщикъ обязанъ свезть и хозяйскій хлѣбъ. Кромѣ того, половинщикъ даетъ хозяину такъ-называемый *басаринокъ*. Въ прежнее время, басарынокъ этотъ заключался въ какомъ-нибудь *гостинчикѣ* подаркѣ отъ половинщика—свѣжая рыба, голуби, баранчикъ; или же родичъ половинщика принесетъ съ Дону икры, балыка и т. п. *ласощей*. Разумѣется, что гостинчики эти соразмѣряются съ количествомъ нанимаемой земли. Въ настоящее же время эти гостинчики замѣнились обязательствомъ половинщика отработать, въ пользу хозяина, извѣстное число дней, по условію.

Наши земледѣльцы охотнѣе берутъ землю *съ копи*, съ третьей или съ четвертой. Взявшій землю на такихъ условіяхъ обязанъ вспахать ее, осѣменить и убрать на свой счетъ. Хозяинъ получаетъ 3 или 4 часть, смотря по условію. Договоръ о наймѣ заключается, разумѣется, словесный, и мнѣ никогда не приходилось слышать жалобъ отъ хозяевъ на своихъ половинщиковъ. Такъ свято исполняются подобные договоры. Въ сосѣднемъ отъ меня имѣніи ежегодно отдается на такихъ условіяхъ до 300 десятинъ земли и кромѣ признательности, сосѣдъ ничего не испытываетъ отъ своихъ половинщиковъ. Часто жена или сестра половинщика принесетъ гостинчика: яицъ, голубей, орѣховъ, грибовъ, рыбы, раковъ, смотря по времени года. Гостинчики эти даются независимо басарынка. Отказаться отъ нихъ значитъ обидѣть половинщика — *загордиться*.

На такихъ-то условіяхъ и многіе изъ крестьянъ нашихъ желали бы брать землю у помѣщиковъ, оставляя за собою одни *грунта*, т. е. усадьбы.

Число народныхъ школъ въ нашемъ уѣздѣ весьма незначительно. Не имѣя данныхъ, трудно впрочемъ опредѣлить число ихъ положительно. Преподавателями въ нихъ священники. Способъ преподаванія дьяч-

ковскій. Руководства очень неудовлетворительныя: азбука, склады на разные манеры, обыденныя молитвы и два-три разсказа, до-того непонятные для дѣтей, что злость беретъ. Наши попы смотрятъ на школу, по-большей-части какъ на средство заслужить одобреніе начальства и получить по 2 р. ср. отъ *преуспѣвшаго* ученика. Въ одной только школѣ, именно въ м. Ж., мнѣ понравилось болѣе свободное обращеніе священника съ учениками, вслѣдствіе чего они не смотрятъ запуганными воробьями, и на вопросы отвѣчаютъ смѣло.

Что́ касается до общественныхъ вопросовъ, занимающихъ наше общество, то они чрезвычайно разнообразны въ уѣздѣ и въ городѣ. Въ глуши, въ степныхъ хуторкахъ, толкуютъ о саранчѣ, которая залегла въ уѣздѣ; въ барскихъ покояхъ — о предстоящихъ выборахъ. Ждутъ большихъ перемѣнъ. Изъ старыхъ чиновъ кто самъ думаетъ убраться по добру да поздорову, кого попросятъ. На уѣздные выборы собирается много люду. Общее желаніе избрать не только добраго человѣка, какъ въ старь бывало, но и дѣльнаго чиновника. Кой-гдѣ въ уголку прошипитъ кто: такой-де высокоблагородный и почтенный человѣкъ достоинъ бы выбора... Но два-три громкихъ голоса заглушаютъ и безъ того глухой шипъ. И господинъ съ почтеннымъ мнѣніемъ о почтенномъ человѣкѣ, не удоумѣвая, смутно озирается кругомъ. Но-быть-можетъ, такъ только говорятъ; посмотримъ что́ сдѣлаютъ на выборахъ.

Что́ касается до города, то тутъ статья другая. Толкуютъ все о городничихъ. Въ самомъ дѣлѣ, нашему городу какъ-то не везетъ на городничихъ. Въ 3 послѣдніе года ихъ было 8. Разскажу по порядку.

Года три тому назадъ городничимъ былъ у насъ Е-въ, — добрый человѣкъ. Какъ онъ тамъ служилъ—Богъ вѣдаетъ. По крайней мѣрѣ крупныхъ жалобъ на него не было. Но при немъ случилась въ городѣ такая исторія. Младшій медикъ полка, квартировавшаго тогда въ городѣ, отправился вечеромъ въ лавку здѣшняго купца еврея N. и купилъ для себя 2 арш. фланели, по 70 к. ср. На другой день, утромъ, медикъ, осмотрѣвъ покупку, нашелъ, что фланель—дрянь. Не теряя времени, онъ идетъ въ туже лавку, (но застаетъ тамъ не того еврея у котораго вчера купилъ фланель, а другаго) и требуетъ, чтобы еврей непремѣнно перемѣнилъ фланель. Тотъ не соглашается. Слово-за́-слово—медикъ жида въ ухо. На крикъ сбѣжались евреи, узнали въ чемъ дѣло, и медика подъ руки вывели изъ лавки. Видя такое посрамленіе, медикъ бѣжитъ въ квартиру това-

рищей. «Господа! насъ бьютъ, и кто жъ?.. Жиды!!!!« Всполошились офицеры, и консиліумомъ рѣшили—наказать жида примѣрно.

На другой день, утромъ, медикъ *со товарищи* идетъ къ лавкѣ еврея а между-тѣмъ одинъ изъ *со товарищи*, считавшійся въ полку юристомъ, идетъ въ полицію и объявляетъ городничему, что вотъ скандалъ въ городѣ, случилась такая-де исторія, отъ которой могутъ всѣ пострадать, а потому «вы посадите жида сейчасъ же въ тюрьму, или велите при насъ же высѣчь его розгами». Городничій отвѣчаетъ, что нужно подать объявленіе, Полиція произведетъ слѣдствіе и...»—«Что вы мнѣ толкуете,» кричитъ поклонникъ Марса: я вамъ говорю высѣчь жида розгами».—«Да помилуйте! купцовъ нельзя безъ суда сѣчь розгами. Да какъ фамилія этого еврея?» спрашиваетъ городничій.—«Все равно, какая бы ни была; а если вы не хотите удовлетворить справедливой нашей жалобы, такъ мы сами расправимся.»—«Я вамъ дамъ квартальнаго,» говоритъ, наконецъ, городничій; укажите еврея и пусть онъ приведетъ его въ полицію. »Не успѣлъ квартальный выслушать инструкцію городничаго,—офицеръ вышелъ изъ полиціи и въ ту же минуту поднялся страшный гвалтъ жидовъ на площади. Младшій медикъ со товарищи ворвались въ лавку, схватили жида, передали солдатамъ, а тѣ почти на рукахъ донесли его въ больницу, гдѣ были уже заготовлены розги. Высѣкли жида... И гордъ и счастливъ младшій медикъ со товарищи... Невесело только жиду да городничему. Оказалось, что высѣкли не того, который продалъ фланель и не того, который посрамилъ офицерскій мундиръ, а третьяго—совершенно безвиннаго. Еврей подалъ жалобу. Началось слѣдствіе. До рѣшенія дѣла, городничаго удалили отъ должности, лишили половины жалованья и пансіона. Дѣло тянулось 3 года.

Въ это смутное для города время, городничіе такъ часто мѣнялись, что горожане, проснувшись поутру, спрашивали: «а кто сегодня городничимъ?»—Наконецъ насталъ *Жерновъ*, столь прославившійся въ «Искрѣ» знаніемъ Россійской географіи. Не долго усидѣлъ и тотъ. Его мѣсто занялъ *Быкобразъ*. Много занимательнаго можно бы разсказать о передачѣ должности *старымъ новому*. Случилось, видите, такъ, что *новый* пріѣхалъ наканунѣ зимнихъ праздниковъ. А извѣстенъ похвальный обычай нашего купечества—дарить чиновниковъ гостинцами во праздничи. А тутъ вышло двугородничество. *Старый* медлитъ сдавать должность, *новый* торопится принять. Какъ же тутъ быть? Котораго дарить?—Пока купечество разрѣшило *это сумни-*

тельство—и празднички прошли. Дарить гостинцами *ужъ не пригоже стало*. — Такъ и остались городничіе безъ гостинчиковъ; чуть было не поссорились между собою, упрекая другъ друга въ *эгоизмѣ*.

Но когда, послѣ праздниковъ, *старый*, по обычаю, пришелъ къ *новому* прощаться,—пошла, разумѣется, вышивка, угощеніе и затѣмъ *интимная* бесѣда. Тутъ только обнаружилость, что *новый* и гостинчиковъ всего-то получилъ 1 фунтъ чаю, и то принесъ уже какой–то набожный купецъ. Качая уныло головой, но глядя умильно на чай (который, въ–доказательство, тутъ же былъ вынутъ и поставленъ) держалъ *старый* такую рѣчь къ *новому*: «дураки мы оба! И говорилъ же я, что на время праздниковъ нужно было быть *одному* изъ насъ *настоящимъ* городничимъ. Послѣ мы бы подѣлились миролюбивымъ–образомъ. А теперь что?!»

Мысль эта поразила, отуманила *новаго*, проникла, такъ–сказать, до глубины души его и вмѣстѣ съ тѣмъ вселила нѣчто въ родѣ уваженія къ *старому*. «Вѣкъ живи, вѣкъ учись, прошепталъ онъ сквозь зубы, принимаясь за рюмку *усладительной*.»—Нѣтъ! вѣкъ живи, а дуракомъ умрешь, съ какимъ–то остервененіемъ крикнулъ *старый*, обращаясь къ той же *усладительной*.»—И городничіе *чокнулись*; затѣмъ, *усладившись*, поцѣловались и разстались пріятелями, возложивъ все упованіе на будущее.

Между–тѣмъ, въ городѣ полученъ указъ Сената по дѣлу Е–ва. Сенатъ разсмотрѣвъ дѣло, оправдалъ Е–ва, освободилъ его отъ подсудности, возвратилъ жалованье, пансіонъ и допустилъ къ должности. Какъ–только узнали объ этомъ въ городѣ—рѣшили дать балъ съ музыкой въ честь Е–ва. Составили подписку, собрали до 200 р., раздали билеты и загуляли... Замѣчательнѣе всего, на этомъ балѣ, было то, что не вышло скандала. А, говорятъ, ни одного бала, ни одного собранія въ городѣ не обходилось безъ скандала. Не забудьте, что на этомъ балѣ были купцы и евреи съ семействами... И не вышло скандала!!

Пріятель–хуторянинъ.

ЗЪ ТАРАЩИ (Київської губ.).

(26 червця 1862 р.).

Давно вже збірався я заговорити до васъ нашою рідньою українською мовою, та все боявсь, щобъ не вийшло воно (якъ отъ, часомъ, не прогнівайтесь, була й въ *Основі)* дуже робляне, *коване*, якъ каже в.-п. д. Шейковський. Инший пише, якъ хлібъ ріже, а инший, бідолаха, думку мае добру, та за словомъ мусить лазити у кишеню. Але, думаю собі, вовка боятись, то й въ лісъ не йти,—треба спробувать: »що̀ буде, то́ буде,—а буде те́, що̀ Богъ дасьть.«

Ось и пишу... та не знаю тільки, про що́ й писать; по сільскихъ школахъ літомъ не вчатьця, то й не дознаесся нічо́го; за волю нема що й казати, та ви вже, мабуть, знаете, що нігде не хтять підписувати ті грамати. Воно й не диво; отъ у насъ, напри́міръ, чиншу положано за десятину по́ля 3 карб. 30 коп., а за горо́дъ по 5 карб. 10 коп. відъ десятини. Чижъ таке видано! Ажежъ въ насъ чиншова шляхта платить за поле по $1^1/_2$, а 2 карбованьці—то вже найбільше. А ще кажуть, шо то все мужики виньні, що до цеі пори ладу ніякого нема.

Въ іднімъ селі панъ почавъ вмовляти громаду, щобъ підписували грамоту, й мировий приіхавъ. Не хочуть, та й годі. »Велика дуже ціна,« кажуть, »покладяна за землю. Намъ несходно такъ багацько платити; ми пождемо лучче царського́го указу за́ волю (скрізь, бачте, думають люде, що це ще не кінець діла), — або скиньте намъ ціни трохи.« Панъ и каже: підпишіть ви першъ, а я тоді й ціну збавлю.— »Ба, ні, пане: якъ ви теперъ не хочете збавити, то вже коли підпишемось, коли наша рука тамъ буде, — и потімъ.« Воно й правда таки.

А ось, въ Ківшоватчині, у Молодецького, то пристали на чиншъ, а теперъ стараютьця грошей, щобъ то повикуплювати землю. Я оце якось доставъ мову п. Молодецького до Ківшовацькоі громади, и вамъ посилаю: послухайте, я́къ то пани до насъ говорять (мова ця була говорена ще 26–го лютого;) не втерплю, щобъ не зробити де–якихъ увагъ и поправокъ.

»Я завжди бувъ для васъ, съ цілимъ серцемъ, вашимъ паномъ и

батькомъ ([1]); теперъ радъ-би я, щобъ вамъ було якъ найліпше и бачити васъ щасливими ([2]).«

»Сказали мені, що ви хочете вашу землю викупити; я на те овшемъ ([3]) согласенъ; що тільки можна, то зроблю; *ціни на землю зменяти я не маю пра́ва: на те есьть указъ!*, ціна поставляна въ указі,—*ніхто того перемінити не въ правѣ* ([4]).—По 80 коп'єкъ на рубля пожичає вамъ казна, 20 коп. на рубля повинниськте аплатити мені самі; ті 20 к. на рубля я вамъ розложу на часъ ([5]), щобъ вамъ було лехше: більше нічого зробити не могу ([6]).—Хто хоче викупитися и пожичити гроші въ казьні, повиненъ перше записатися на чиншъ; хто може заплатити самъ, не требує чиншуватися и може викупитися заразъ. Отъ вамъ и все, люде добрі! я вамъ объясьняю, а ви самі громадою роздумайте и зробіть якъ лучче для васъ.«

Пісьля ради, громада пристала на чиншъ. Якъ волостний объявивъ п. Молодецькому, що вра́дила громади, тоді вінъ сказавъ такъ:

»Я зъ радостю довідуюся, що ви, добрії люде, хочете въ примірь другимъ бути—не відъ другихъ ([7]) примірь брати,—слава вамъ буде, Ко́вшоватські мої ([8]) люде!—Що могу зробити, то я вамъ сказавъ. При корисьті ([9]) мого Юзефпольського сахарного заводу, которого ([10]) я поставивъ, лехко вамъ и дітямъ вашимъ прийде викупити землю, котора за немного літъ вамъ виплатитця. Теперъ одправляю васъ, призвавши у помощь великого Бога и Сина и Святого духа.«

([1]) Якъ-би це такъ громада про пана казала, а не панъ объ собі, то булобъ доладу́; а то трохи піяково:—progrïa laus sordet.

([2]) Оце вже не гараздъ по-нашому; треба-бъ сказать: »щобъ вамъ було якъ найлучче, найкраще,—щобъ ви щасливі були;« та й це буде масло-масьляне: бо кому добре, той щасливий, а хто щасливий, тому добре.

([3]) Цёго слова не чувъ я міжъ людомъ.

([4]) Чи справді?? А ну, спробуйте зумисне, пане Молодецькій, подаруйте половину ціни людямъ. Брехуномъ мене въ-вічі на́зветє, коли хто що скаже,—та йще й лю́де подякують.

([5]) »На часъ,« значить—на годину, заразъ. Въ насъ кажуть: *на ви́платъ* гроші розкладати.

([6]) Спасибі й за те!

([7]) По-нашому: »зъ другихъ.«

([8]) Колись були *ваши*, я теперъ—вибачайте.

([9]) Корисьть для панської кишені,—та що зъ людей робитця!

([10]) »Мого—которого я поставивъ...« се вже не понашому,—та й не по-якому.

— Амінь, сказала громада. Амінь, скажу и я... Та вже й кінчать пора; другимъ разомъ більшъ напишу.

У моёму лисьті, въ IV книжці Основи, є важна друкарська помилка: замість iЬi patria, uЬi bene, написали: uЬi patria, iЬi bene, зовсімъ навиворотъ.

Тількі-що прочитавъ я Неофитівъ; велика річъ! великого змалювавъ Шевченко Алкида, бо й самъ бувъ Алкидомъ... Царство тобі небесне, мученику праведний!

Всімъ землякамъ поклонъ зъ Украіни.

И. Новицький.

ЯРМАЛОКЪ ВЪ БОРИСПОЛІ.

Сельскій *ярмалокъ*—явленіе чрезвычайно оригинальное. Желающему изучить нашу сельскую промышленность стоитъ побывать на *ярмалку*: — здѣсь онъ найдетъ все, что производитъ наша почва, наше сельское искуство; найдетъ все, начиная съ зерноваго хлѣба и *конопель*, оканчивая *плахтами*, *брилями*, *колесами* и т. д.

Ярмалокъ—это эпоха въ особенности для женскаго пола. Каждая хозяйка сберегаетъ до *ярмалку* продукты своего женскаго хозяйства и, на вырученныя деньги, покупаетъ на ярмалку нужное для нарядовъ и для *скрині*.

Дворовые люде мелкопомѣстнаго панства тоже съ нетерпѣніемъ ждутъ *ярмалку*.

Имъ обыкновенно обѣщается покупка матеріаловъ для одежды во время *ярмалку*.

Панночки радуются наступленію ярмалку. Ихъ сердобольные родители продадутъ *телицю* или *корову* для покупки стальныхъ пружинъ и прочихъ продуктовъ французской цивилизаціи, этою стороною только и проникающей въ *будинки* нашихъ панковъ.

Нашъ Петропавловскій ярмалокъ, какъ и всѣ лѣтніе ярмалки, изобиловалъ *косами*, *брусами*, *серпами*, *брилями*, *черевиками* и *колесами*.

Серпы большею частью туземнаго производства: ими легче жать, чѣмъ привозными.

На косахъ въ этотъ ярмалокъ мы видѣли изображеніе двуглаваго

орла и надпись «благослови Богъ Царя и жатву.» Оригинально пробуютъ косы: стучатъ ими и слушаютъ звукъ, пробуютъ пальцемъ остріе во всю длину косы, плюютъ на *прутъ* косы и кладутъ соломенку: »якъ коса добра, до соломенка обернетця коло прута.« Есть спеціалисты по части выбора косъ. За это имъ ставятъ могорычъ.

Русскимъ купцамъ не нравится продолжительный процессъ выбора косъ. Мы нѣсколько разъ на ярмалку видѣли сцены въ родѣ слѣдующей: купецъ раскричался на глупыхъ хохловъ, за то, что долго возятся выбирая косу. »Якого жъ біса роскричався; ажежъ ти приіхавъ торгувать? дивись якій! ажежъ треба роздивитись попереду, та тоді куповать, щобъ не пріймлось послі такъ, якъ отъ кажуть: бачили очи, що куповали: теперъ плачте, хочъ повилазьте.«

Вообще нашъ народъ охотнѣе покупаетъ у Евреевъ, чѣмъ у Великороссовъ. Съ Евреемъ можно торговаться; Еврей привѣтливъ и терпѣливъ. Если его и ругнутъ, онъ слегка отшучивается. Такія замѣчанія, какъ наприм: »Ну, чи не чортивъ ти жидъ... Сказано—жидівська віра... Жидъ що ступить, то сбреше,« услышите на каждомъ шагу. Народъ употребляетъ эти выраженія безъ злобы, а Еврей къ нимъ привыкъ и только старается какъ бы хоть немножко надуть мужика; мужикъ знаетъ, что его таки обманетъ жидъ и за это поглумится надъ жидомъ. Великорусскій купецъ надуетъ больше, но это онъ дѣлаетъ съ чрезвычайною самоувѣренностью и чувствомъ собственнаго достоинства. Его зовутъ »кацапъ,« а онъ съ гордою усмѣшкою отвѣчаетъ: »Кацапъ, денежки зацапъ.«

Народъ не любитъ гордаго мошенничества, мошенничества болѣе опаснаго, потому что Еврей сколько ни клянись, ему не повѣрятъ. Еврей — невіра; а какъ неповѣрить, когда божатся христовымъ именемъ?

Нѣкоторые предметы, какъ наприм. колеса, горшки, отчасти соль и рыба, на *ярмалку скуповуютця*, такъ–что потребитель пріобрѣтаетъ эти предметы на *ярмалку* изъ вторыхъ уже рукъ.

Ярмалокъ явленіе мимолетное. Онъ скоро *сбігся*, скоро и *розбіжитця*: потому то всякій торопится купить и продать. Тамъ бьютъ по рукамъ; тамъ слышатся оригинальныя выраженія при торгѣ: »Да корівка ваша вже стара.« »Ні, не стара; яка вона стара? всего сёма паша.« — »Да вона, здаетця, зовсімъ не тільна.« »На *загороду* буде доітьця ..« Беріть–бо за бичка 12 карбованцівъ? »Ні, мабуть и 16 у васъ зостанутця.« »Та нуте–бо, уступіть.« »Що й казать! воду ва-

ри—вода й буде, а всипъ крупівъ—каша буде; ажежъ я уступивъ, а ви прибавте—отъ и діло буде.«

Тамъ запиваютъ могорычи, тамъ зовутъ на могорычь: »та идіть, бо магорічь прохолоне. Все на вышивкѣ могорыча чрезвычайно умилительно. »Нехай вамъ Богъ щастить, нехай же поживите въ добрі и здорові.« На подобныя желанія со стороны продавшаго неменѣе щирая дяка за добрыя желанія со стороны купившаго.

Тутъ же, на ярмалку, *частуютъ* другъ друга родственники и старые знакомые, живущіе въ разныхъ селахъ, которые отчасти по недостатку свободнаго времени, отчасти по привычкѣ къ домосѣдству видятся другъ съ другомъ только на ярмалку или на торгу. Частованіе это самаго искренняго свойства; вспоминаютъ родственниковъ, какъ живыхъ, такъ и умершихъ. Живымъ желаютъ всевозможныхъ благъ, умершимъ царствія небеснаго.

Вотъ пробираются три слѣпца и поютъ про пьятницю: за пощеніе каждой пьятниці обѣщается извѣстное благо; послѣ каждаго куплета, слѣпцы кланяются *миру*, а *миръ* имъ кладетъ свою лепту. Здѣсь собралась толпа слушать лирника. »Заспівай правду,« сказалъ одинъ изъ окружавшихъ,—*степовикъ*, съ чрезвычайно типическою физіономіею. Всѣ присутствующіе поддержали его, и лирникъ запѣлъ «правду». Надо было видѣть грустныя фазіономіи слушателей послѣ стиха:

Съ братомъ на судъ стати—суда не зіськати:
Тілько срібломъ-злотомъ панівъ насищати.

Нѣсколько голосовъ съ горечью замѣтило: такъ, такъ.
Въ другомъ мѣстѣ, лирникъ пѣлъ *Дворянку:*

Що дворянська жона
Изъ розуму зжила.

Сколько остротъ при пѣніи Дворянки и непритворнаго смѣха! »Що се, люде добрі:« вінъ на віру грае?—»Якъ можна! ему заплачено, сінъ зъ миру живе, а зъ миру по нитці, голому сорочка.

Рѣдкій изъ лирниковъ знаетъ историческія думы. Они поютъ или религіозныя, или сатирическія, или просто шуточныя, своего рода нелюбо не слушай, а лгать не мѣшай. Довольно разу видѣть, какъ слушаютъ лирника, чтобъ понять, какъ важна ихъ роль.

Здѣсь кстати замѣчу, что старці присвоили себѣ монополію на вобираніе подаяній въ своемъ уѣздѣ, и старецъ другаго уѣзда дол-

женъ поставить могорычъ за право собиранія подаяній; въ противномъ случаѣ, будетъ побитъ туземными старцами, что и случилось на ярмаркѣ съ однимъ старцемъ изъ сосѣдняго уѣзда.

Павло.

ИЗЪ ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНІИ (*).

(27 іюня 1862 г.).

Въ іюньской книжкѣ *Основы* за 1861-й годъ, въ «Вістяхъ» нѣкій господинъ изъ Черниговской губерніи, котораго просили писать обо всемъ, что будетъ любопытнаго *въ той мѣстности*, гдѣ, по его словамъ, живетъ онъ уже около двухъ недѣль,—извѣщаетъ *Основу*, что онъ сомнѣвается, удастся-ли ему сообщить что-нибудь подобное. Это сомнѣніе было совершенно основательно, потому, что въ такое короткое время собрать свѣдѣнія обо *всемъ*, что будетъ любопытнаго *въ цѣломъ краѣ* (?), рѣшительно невозможно.

Надо, однакожъ, сдержать обѣщаніе, и вотъ—онъ началъ писать... Онъ соболѣзнуетъ, что межеваніе въ нашемъ краѣ медленно подвигается впередъ: «и неудивительно,» пишетъ онъ, «потому что члены межевой здѣшней коммиссіи, вмѣстѣ взятые, принадлежатъ къ возрасту, который вовсе не располагаетъ къ дѣятельности.» Неправда-ли, какъ это остроумно и эффектно? Въ опроверженіе краснорѣчиваго предположенія, я укажу на отчетъ за прошедшій годъ, составленный предсѣдателемъ Черниговской Межевой Палаты; изъ него видно, что та коммисія, въ которой г. писатель не предвидитъ никакой дѣятельности, напротивъ, оказалась одной изъ лучшихъ во всей губерніи, гдѣ межеваніе идетъ быстрыми шагами въ ущербъ предположенію писателя, невѣрному и несправедливому. То же самое можно сказать и о предположеніяхъ его, высказанныхъ въ мартовской книжкѣ *Основы* за нынѣшній годъ: онъ думаетъ, что межевымъ коммиссіямъ той мѣстности, о которой онъ пишетъ, суждено состоять изъ членовъ рѣшительно неспособныхъ къ движенію и ко всякой дѣятельности, или по совершенной преклонности лѣтъ, или по необъятной тучности. Г. предво-

(*) Считаемъ своею обязанностью помѣстить это письмо, по требованію лица, для котораго оно должно имѣть значеніе. *Ред.*

дитель, объясняя во время выборовъ важность дѣла, возлагаемаго на межевые коммиссіи, полагалъ, что для достиженія этой цѣли, коммисія должна состоять изъ умныхъ и честныхъ дѣятелей. По этому поводу г. писатель спрашиваетъ: «удовлетворяетъ-ли предводитель, избранный въ предсѣдатели межевой коммисіи, тѣмъ требованіямъ, о которыхъ только-что говорилъ самъ съ такимъ краснорѣчіемъ?» и отвѣчаетъ: « удовлетворяетъ трояко: 1-е, потому, что онъ предводитель, 2, потому, что его выбрали дворяне, и 3, потому, что ему нужны 2,000 рублей для поправленія своихъ обстоятельствъ.» На это троякое опредѣленіе я могу отвѣтить: 1-е, что предводитель могъ быть и не избранъ въ предсѣдатели межевой коммисіи, если-бы гг. дворяне не сочли для себя полезнымъ удостоить его новымъ избраніемъ, 2-е что гг. дворяне—не дѣти и, приступая къ выбору, не имѣютъ надобности руководствоваться ни чьими указаніями, и 3, что г. предводитель не искалъ новой должности для поправленія своихъ обстоятельствъ, которыя въ настоящее время нисколько не измѣнились за девять лѣтъ, съ того времени, какъ онъ былъ избранъ въ эту должность. Изъ этого видно, что г. писатель по молодости своей еще не бывалъ на выборахъ, или-же очень недавно началъ посѣщать ихъ; поэтому онъ и не можетъ судить объ нихъ основательно, и впадаетъ въ тѣ ошибки, которыя для всякаго очевидны. Ему кажется, что избранные непремѣнно должны быть люди молодые; онъ, повидимому, не думаетъ, что опытность и знаніе могутъ быть въ людяхъ и немолодыхъ (*). Въ заключеніе своей статьи писатель разсказываетъ слѣдующую исторію:

Въ нѣкоемъ уѣздѣ нашей губерніи, дворянство не имѣло собственнаго помѣщенія для своихъ собраній, а мѣсто было въ городѣ большое, славное; и вотъ предводитель задумалъ собрать съ дворянъ деньги и построить домъ. Сказано—сдѣлано; собрали деньги и приступили къ постройкѣ; надо же случиться несчастію: недоконченный домъ сгорѣлъ. Ну, сгорѣлъ—такъ сгорѣлъ: на то воля Божія. Но дѣятельный предводитель не могъ остаться спокойнымъ, и не надѣясь вновь собрать деньги, при первомъ удобномъ случаѣ, предложилъ дворянамъ продать мѣсто.

(*) Не одинъ этотъ *г. писатель* сообщалъ намъ, что дворяне не допускаютъ или почти не допускаютъ къ должностямъ молодыхъ людей. То же утверждаетъ и другой г. писатель, изъ Борисполя. Притомъ, не безъизвѣстно, что чинъ и богатство представляютъ въ глазахъ большинства гг. дворянъ главное мѣрило достоинствъ, а умъ и образованіе, пока, не пользуются полными гражданскими правами. *Ред.*

Дворяне согласились, можетъ-быть, изъ опасенія, чтобы не пришлось опять давать деньги на это мѣсто. Предводитель назначилъ, по собственному выбору, уполномоченнаго на оцѣнку и продажу; одинъ изъ дворянъ замѣтилъ несообразность этого назначенія, за что предводитель обидѣлся; гг. дворяне, изъ деликатности, не хотѣли прибавлять къ частному оскорбленію—оскорбленія цѣлымъ сословіемъ, и порученіе осталось за тѣмъ же лицомъ. Втихомолку совершилась оцѣнка и продажа, а дворянству было сообщено, что мѣсто ему принадлежащее пріобрѣтено г. предводителемъ за 400 руб. ср., на что и совершена законная крѣпость. Какъ видите, дѣло это, какъ выражается писатель, сдѣлано не чисто. А изъ подлинныхъ документовъ видно совсѣмъ другое; именно: по опредѣленію дворянства, состоявшемуся 6 февраля 1857 года, къ наличной суммѣ 841 руб. 59 коп. было позаимствовано изъ канцелярской суммы, съ возвратомъ, еще 900 руб., для покупки дома. За 1,600 руб. домъ купленъ со всѣми къ оному принадлежностями: двумя каменными погребами, кухнею съ чуланомъ, съ амбаромъ, ледникомъ, конюшнею, каретнымъ сараемъ, сараемъ для сѣна и для дровъ; и земли подъ усадьбою примѣрно до $^1/_4$ десятины. Для приведенія пріобрѣтеннаго дома въ совершенное устройство, дворяне опредѣлили, въ теченіи трехъ лѣтъ собрать деньги, полагая съ каждой десятины по 1 коп. въ годъ, съ тѣмъ, чтобы на нихъ пристроить залъ, пріобрѣсть мебель и покрыть домъ желѣзомъ. Часть этихъ предположеній была исполнена; но домъ, отъ бывшаго въ городѣ пожара съ 29 на 30 число апрѣля 1859 года, сгорѣлъ, о чемъ и было заявлено дворянамъ въ собраніи 1860 года 9 февраля (*), съ представленіемъ подробныхъ отчетовъ объ издержанныхъ деньгахъ. Дворяне, принявъ во вниманіе, что часть дерева уцѣлѣла отъ пожара, а также осталось въ наличности 832 рубля $88^1/_2$ коп. отъ прежнихъ сборовъ, предположили опять сдѣлать сборъ, въ два года, съ каждой десятины по $1^1/_2$ копѣйки сер. На эти деньги опредѣлено было выстроить новый домъ, для чего и сдѣлано распоряженіе о немедленномъ заготовленіи необходимыхъ матеріаловъ, часть которыхъ была и пріобрѣтена; опредѣленіе же было представлено высшему начальству на утвержденіе; но, на основаніи пункта 3 ст. 122 т. 9 св. зак. о состояніяхъ, въ которой сказано, что «постановленія о денежныхъ скла-

(*) Было бы любопытно узнать, что мѣшало устройству дома въ теченіи *трехъ лѣтъ? Ред.*

дкахъ дворянства могутъ быть составлены не иначе, какъ по предложенію губернскаго предводителя дворянства въ губернскомъ собраніи, представленное постановленіе дворянства не утверждено; въ слѣдствіе чего, опредѣленный дворянами сборъ, а также и прежняя недоимка, не были взыскиваемы, и всѣ распоряженія по постройкѣ дома пріостановлены до разсмотрѣнія этого дѣла дворянствомъ. Въ собраніи 1861 года 11 апрѣля, дворяне, принявъ въ соображеніе все вышесказанное, и считая, по настоящимъ обстоятельствамъ, всякій лишній сборъ для себя обременительнымъ, опредѣлили: землю, на которой находился дворянскій домъ, а также заготовленное для постройки дерево, продать, но не дешевле 400 руб. ср., для чего и избранъ одинъ изъ дворянъ, которому за общимъ подписомъ и дано полномочіе, съ тѣмъ, чтобы онъ, по продажѣ земли и дерева, выдалъ покупщику законный актъ, а вырученныя деньги передалъ предводителю, для уплаты частью этой суммы съ наличными 569 руб. 69½ коп., долга канцеляріи; а остальные хранить впредь до особого распоряженія дворянства. Изъ этого видно, какъ неосновательно и несправедливо г. писатель заявляетъ, что когда дворянскій домъ сгорѣлъ, то будтобы предводитель, не предвидя вновь собрать на оный сумму, выдумалъ штуку и предложилъ дворянамъ продать мѣсто: неосновательно потому, что дворяне, послѣ того какъ сгорѣлъ домъ, единогласно 9 февраля 1860 года опредѣлили вновь собрать сумму для постройки новаго дома, и когда ихъ постановленіе не было утверждено, то другимъ постановленіемъ, состоявшимся 1861 года апрѣля 11 дня, онѣ опредѣлили продать мѣсто вмѣстѣ съ оставшимся деревомъ, для чего и дали уполномочіе одному изъ дворянъ подписанное всѣми присутствующими; слѣдовательно никто изъ находившихся дворянъ не оскорблялъ предводителя, иначе тотъ бы и не подписался; да и обижать предводителя не было никакихъ причинъ. Къ этому необходимо прибавить, что мѣсто, гдѣ былъ дворянскій домъ, не очень-то *славное* и не совсѣмъ-то *большое,* какъ выразился писатель: не славное потому, что оно не на площади и не на большой улицѣ, гдѣ мѣста считаются лучшими, и не большое потому, что въ немъ нѣтъ и одной четверти десятины; продано оно вмѣстѣ съ оставшимся отъ пожара деревомъ не за 400, а за 500 р. ср.; продажа производилась не келейно, чего и сдѣлать не было никакой возможности, потому что уполномочіе было подписано предводителемъ и 46 человѣками дворянъ, изъ которыхъ двое желали пріобрѣсть это мѣсто; одинъ изъ нихъ давалъ за него 350 рублей, а другой 400 р.; пред-

водитель, заплативши за него 500 рублей, купилъ его весьма не дешево, потому что тотъ же предводитель, къ тому же самому мѣсту, впослѣдствіи времени прикупилъ землю, сообразно величинѣ—гораздо дешевле. Вотъ изъ какихъ вымысловъ составляются для нашихъ журналовъ обличительныя статьи, справедливость которыхъ не повѣрять же редакторамъ чрезъ своихъ агентовъ, — для этого они не имѣютъ ни средствъ, ни возможности (*).

ПОПРАВКА.

Въ майской книжкѣ *Основы*, я прочелъ, между прочимъ, что мельница, построенная близъ с. Млиновъ, обошлась казнѣ въ 40,000 рубл. ср.

Зная эту постройку, я вижу, что авторъ повѣрилъ невѣрному извѣстію о стоимости мельницы.

Въ 1847 году, казна, по смѣтѣ, отпустила на постройку вновь мельницы, называемой Лукашевскою, 2,594 р. 41 к. На эту сумму мельница и построена.

В. П.

ОБЪЯСНЕНІЯ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ.«

XXXVII. — Селянинъ Хорольскаго уѣзда, Полтавской губ.

XXXVIII.—Церковь въ мѣстечкѣ Горошинѣ, Полтавской губ.

Л. Ж.

(*) Намъ кажется, что ошибки, встрѣчающіяся въ обличительныхъ статьяхъ, ничтожны всравненіи съ долей правды и съ пользой, которую приноситъ гласность. Никто не мѣшаетъ возражать; никому не откажутъ въ помѣщеніи возраженія, если оно не голословно... Разумѣется, когда люди молчатъ, тогда не ошибаются; но плохо то́ благодѣяніе, которое измѣряется повсюднымъ молчаніемъ. Въ общественныхъ дѣлахъ, холодное, или трусливое, молчаніе иногда равняется *преступленію*. *Ред.*

Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ находятся въ продажѣ:

I.

ЛЕКЦІИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ,

Н. И. КОСТОМАРОВА.

(*Выпускъ первый:* Разборъ Русскихъ Лѣтописей).

Цѣна **50 к. ср.** безъ пересылки.

II.

Кремуцій Кордъ, *Н. И. Костомарова.*

Цѣна **1 р. ср.** съ пересылкою.

III.

Сочиненія И. П. Котляревскаго:

а) Энейда; б) Наталка-Полтавка; в) Москаль-Чарівникъ.

Цѣна **1 р. ср.**

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 7-Й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Ба́ли — разсказы, толки.
Баля́ка — пустой разговоръ.
Бі́йзко — страшно, опасно.
Будова́ — постройки.

Вала́нтатись — возиться съ кѣмъ.
Вдава́тись—походить на кого; предаться чему.
Весе́лка — радуга.
Ви́рячити — вытаращить.
Висоло́плювати язи́къ — показывать языкъ.
Ви́ткнутись — показаться изъ-за чего, высунуться, выдвинуться.
Ви́хри́ти — таскать кого за волоса.
Вна́пуски — не въ голенища, по поверхъ голенищъ (носить штаны).
Ворье́,-чокъ —огорожа, дерево для огорожи.
Вья́зпути — привязываться, лѣзть, куда не просятъ (перен.).

Га́ласъ — крикъ, шумъ.
Ге́пнутись — повалиться, съ шумомъ упасть.
Герсо́нуть — кинуться, броситься, махнуть куда.
Ги́лка — палка, употребляемая при извѣстной игрѣ въ мячь.
Gно́тикъ — свѣтильня.
Горій — горше, болѣе, крѣпче.
Гульня́ — гулянье, потѣха.

Дога́нка — уко́ръ, попрекъ.
Дохожа́ла (дівка) — въ лѣтахъ, возрастная.
До-сто-ма́ть—(до-чо́рта) много, очень; (собств.) до ста матерей, — до чорта.
Драбинча́ста коби́ла — лошадь, у которой ребра видны.

Жахъ — испугъ, страхъ.

Задзвиніти — зазвенѣть.
Задля́тись — замедлиться.
Закленцёва́ть — заковать.
Замо́клий — промокній.
Замі́слитись — задуматься, обдумывать.
Застава — пі́дъ заста́ву — подъ залогъ.
Заступа́ти — защищать, заслонять; замѣнять кого.
Затёпатись — забрызгать (подолъ одежи), испачкаться въ грязи.
Зви́дитись — привидѣться.
Зли́вки — на зли́вки ходи́ти — ходить на пирушку на другой день послѣ крестинъ, имянинъ и т. п.
Знакъ — що́ за зна́къ? — что́бъ это значило?
За́па —
Зне́тельки — (знепа́цька) — нежданно, негаданно.
Зу́спіти — неожиданно настигнуть.
Зъ-де́бе́ла — плотно, крѣпко.

Куна́ — тюрьма, яма.
Ка́дібъ — чанъ, кадка.
Карпі́тки — получулки.
Клу́нька — (уменьш. отъ—клу́ня) небольшая рига.
Краде́жка — (уменьш.) воровство.
Кра́та, gра́та — желѣзный переплетъ окошекъ.
Кришеникъ — кусочекъ.
Крузъ — чрезъ, сквозь.
Ку́кіль — сорная трава.

Ла́нець — негодяй, дрянь.
Ле́мбикъ — алембикъ.
Лоёвій — са́льный.
Ло́но, — род. п. — ло́ня — лоно, грудь.
Лушпа́йка — шелуха.

Мандрува́ти—итти, побрести, уходить (обѣглыхъ).
Майда́нъ — площадь.

Метну́тись — быстро броситься, засуетиться.

На-вчи́нку — на дѣлѣ, на мѣстѣ преступленія.
Наверну́тись — временемъ зайти, навѣстить.
Навантажи́ть — накласть, наложить.
Навтікача — скорѣй бѣжать!
Намо́влений — подговоренный.
На-ручъ — съ руки, кстати.
Невиво́дній — постоянный, всегдашній, безостановочный.
Незнае́мий — незнакомый.
Намну́тись — привязаться.
На-о́рчакъ — на пристяжку.
Настовпу́житись — ощетиниться, взъерошить перья; (перен.) принять гордую осанку.
Наха́ба — бѣда, напасть (неожиданная).

Обго́втувати — пріучать, усмирять, обходить (обойдется лошадь).
Обезві́чити — изуродовать; изувѣчить
Обо́(і)ручъ — обѣими руками.
Обу́ренний — разоренный, развалившійся.
Одки́нутись — отказаться; отшатнуться.
Одмага́тись — отказываться.
Одмі́нокъ — — негодный, уродъ!
Однихну́ти — отвергнуть, оттолкнуть.
Опізни́тись — запоздать.
Остовбі́ти — остолбенѣть.
Ота́ра — большое стадо овецъ.
Отгада́ти — рѣшить загадку; угадать.

Пацю́къ — крыса.
Па́йка—паекъ, порція (особ. хлѣба).
Пильнува́ти—присматривать, беречься.
Піддрочи́ти — подбить кого, побудить къ чему, разшевелить.
Підпи́лий — подъ хмѣлькомъ, навеселѣ.
Підти́кати — (собств.) — подобрать подолъ платья; (въ перен.) сбавить съ кого спеси.
Поганкува́тий—невзрачный, некрасивый лицемъ.
Позаставля́ти — позакладывать, заложить.
Половни́ця — которая по́летъ.
Помело́ — метла, которой выметаютъ печку.
Помо́рхлий — почернѣвшій отъ времени, померкнувшій.
По́спілъ — на половину, по-поламъ.
Постоли́ — лапти.
Посуте́ніти — стемнѣть.
Потату́ритись—?уйти незамѣтнымъ образомъ, улизнуть;? притвориться.
Поча́діти — угорѣть.
Призволя́тись — удовлетворять себя, ѣсть до сыта.
При́водъ дава́ти—примѣръ, поводъ давать, заправлять чѣмъ—напр. игрой.
При́гарка — пѣнка у каши, приставшая къ горшку корка.
При́горщъ — горсть.
Прима́нювати — приманивать, заохочивать кого обманомъ.
Прими́ла бъ (те́ и те́ зроби́ла) — готова, рада была бы (то́ и то́ сдѣлать.)
Притуга— у-притузі—въ горѣ, въ бѣдѣ.
Присі́патись — привязаться.
Прити́ки дава́ти—задѣвать кого, въ тупикъ ставить.
Провинова́титись — провиниться.
Проковтну́ти — проглотить.
Прonóзуватий — пронырливый.

Ра́тай — оратай, хлѣбопашецъ.
Ре́петъ — шумъ, крикъ.
Рознемі́гтись —разболѣться, сильно захворать.
Руйнува́ти — разорять.

Саковки́ — особеннаго рода сумочка, двойной мѣшочекъ ввидѣ кошелька.
Само́тний — одинокій.
Скупъ — (гріхъ мені бу́де за сей скупъ)—о́купъ.
Сочи́ти—(въ переносн.)—съ нетерпѣніемъ поджидать; высматривать.
Стёбону́ти — хватить, выпить.

Те́хкати — биться (о сердцѣ); щелкать (о соловьѣ).

Уда́тись—удаться; походить на кого.
Уплоди́ти — уродить.
У-ра́нці — рано, свѣтомъ, на зарѣ.

Халабу́дка — небольшая, плохо отстроенная, избушка.
Хвіста́та зі́рка—(метла́) — комета.
Хурбе́тъ —
Хутря́нка — кожушокъ на мѣху.

Ча́стка — часть, отрывокъ.

Шпурля́ти—швырять, бросать сильно.

Юрма́ — толпа, гурьба.

Мятущийся — быстро бросающийся, заметающийся.

На-вершину — на край, на край предстоящего.

Навернуться — присниться, явиться.

Наваливать — накладывать, положить.

Наливная — сырой, сырой сборщик.

Наколотый — потолоченный.

На-брать — сделать, взять.

Неминуемый — постоянный, несущийся, обязательный.

Неизменный — неизменный.

Нанизывать — нанизывать.

На-обрать — на пристежку.

Настоящий — настоящий.

Нагрешить перед (перед.) принять грех, вину.

Нажда — сила, напасть (несчастье).

Обтягивать — обнять, схватить, охватить (обойдется дорого).

Обсуждать — разбирать; изучать.

Обод(б)рать — обрезать бумаги.

Обрубленный — разрезанный, разъединенный.

Одинокий — отдельный, отшельник.

Одеваться — отказываться.

Одиночка — — неженатый.

Одинокий — отворить, отпустить.

Описывать — записывать.

Остановить — остановить.

Отрыв — большое судно осень.

Отгадать — решить загадку; угадать.

Панихида — крыса.

Панна—пенек, корень (осколок).

Пытать—пересматривать, обсуждать.

Пытаться — искать кого, кого-нибудь, за кем, расследовать.

Пытание — пытка, мучение, испытание.

Пытать — спрашивать.

Пытаться — (сделать) (за перед.) стараться, сделать усилие.

Пытание — (сосед.) — повторять кого-нибудь, делать сосед.

Потапывать—неровный, неправильный.

Поправлять — поправлять, заложить.

Поправка — которая исправляет.

Помощь — метод, который помогает кому-нибудь.

Помогающий — который отказывается помогать.

Пособие — помощь, помощь.

Поспевать — поспевать, успевать.

Поспеть — на поспешу, по-поспеть.

Поспеть — ждать.

Поступить — стеснять.

Потягиваться—ударить неприятным образом, ударить; причинять.

Проходить — итти.

Проходить — на ходу, на ходу.

Проходить — проходить, пройти.

Пропасть — пропасть, погибнуть.

Пропадать — пропадать.

Пропадаться — удовлетворять себя, есть до сыта.

Пропасть—пропасть, погибнуть.

Пропасть — гибель.

Пропадать — пропадать, задавать кого-нибудь.

Пропасть — пропасть.

Пропадаться — пропадаться.

Пропадать—задавать кого, на кого-нибудь.

Пропасть — пропасть.

Пропускать — пропускать.

Пропускать — продолжать.

Пропускать — пропускать.

Рядай — сидеть, хлебопашество.

Рвать — шить, рвать.

Разноситься — разбегаться, спасаться от захвата.

Рушить — разорять.

Сановник — особенно вода сдвоенная, особенно живущая вокруг колодца.

Сметный — отменный.

Сидеть — (грязь моет) сидеть на сеть сидеть)—сидеть.

Сорить—(в пересеч.)—стелеть.

Стелить — хватать, вынуть.

Тягать — сделать (о сестре); потянуть (о сестре).

Удачно—удалось; похожий на кого.

Удивить — удивить.

У-рвать — рано, сильно, на ходу.

Хватающий — недостающий, плохо отсоединяющий.

Хватать вдруг—(ногтя) — ногтя.

Хворать —

Хватание — ножницы на муху.

Чистка — чистка, открывать.

Штыковать—пилить, сбросать сильно.

Юрный — тонко, гладко.